

(((СОНАР)))

№ 16, 2025 г.

Хайфа, Израиль|

Редколлегия журнала (((СОНАР)))

Марина
Симкина

Анжела
Беленко

Ирина
Л. Лир

Анатолий
Анимица

Ольга
Логош

Леонид
Штернберг

Электронная почта редакции: rougelangue@gmail.com

Номера журнала: <https://sonar.ecoimper.net> <http://geotar.com/sonar>

Сонар все выпуски: [Сонар аудио и видео](#)

Все права на публикуемые в журнале произведения принадлежат их авторам.

Рукописи не возвращаются и не рецензируются.

Мнение авторов не обязательно совпадает с мнением редколлегии.

В оформлении номера использованы картины Анастасии Зыкиной:

Вторая Книга Ездры. Строительство Храма 2019

Автопортрет

Книга Юдифи

Выпускающие редакторы: Леонид Штернберг, Марина Симкина

Оглавление

Надя Делаланд. Рассказы	2
Александр Казарновский. Война план покажет.....	27
Григорий Певзнер. Слова любви и ярости Ярость.....	132
Леонид Виноград. Непридуманнные воспоминания	143
Пиня Копман. Стихотворения	227
Леонид Дынкин. Вот такое счастье!.....	232
Дмитрий Северюхин. Евреи-россияне у истоков искусства Израиля	240
Александр Вильшанский. Проблема Добра и Зла	256
Ирина Л. Лир. Двойная радуга и ее компания	272
Дмитрий Северюхин. Перелистывая страницы древней истории:	
Библейский цикл Анастасии Зыкиной.....	283
Картинная галерея. Анастасия Зыкина	286
Сведения об авторах	302

Надя Делаланд

Рассказы

Память смертная

Когда я впервые, еще в детстве, услышала в разговоре взрослых выражение «память смертная», то поняла его и уложила в свой пассивный словарь в таком немного жалобном значении и ключе – уязвимости памяти, ее непрочности, ее готовности вот-вот рассеяться, пропасть, умереть. И, возможно, из-за сочувствия памяти, которая для меня стала живым (раз смертным) существом, я с особенной цепкостью начала вникать в подробности того, что меня окружало, и того, как я откликнулась на внешнее изнутри. Чтобы как-то продлить ей жизнь – простой смертной памяти.

Помню, как я сидела рядом с бабушкой Марфой, положив щеку на ее колени, покрытые сверху платья грубым фартуком. Прикосновение ткани было неприятным, но я не хотела ничего менять и только перебирала пальцами дергающуюся ниточку, мешая бабушке вязать. Бабушка ритмично вздергивала вверх руки с четырьмя спицами, чтобы отмотать пряжу, и всякий раз клубок нервно подпрыгивал, а старая кошка Мыша светозарно вспыхивала зелеными драконьими глазами со своей лежанки и улыбалась. Половицы потрескивали, будто по ним гуляли призраки. За окном тряслась от холода и колотилась голой покалеченной веткой в раму обветшавшая давно уже бесплодная тютютина (так у нас на юге называют тутовник). Бабушка добро молчала, а я потихоньку засыпала.

Мама отдала меня бабушке три месяца назад, в октябре, потому что много работала – дежурила на скорой, а я часто болела. Из садика меня пришлось забрать, но сидеть со мной дома было, что называется, не вариант. Папа ушел от нас, когда мне исполнилось три года, я смутно помнила его большие сухие руки, громкий веселый голос, запах табака и еще чего-то неуловимого, отзывающегося во рту горьковатым забытьем. И еще я помнила сдавленный шепот, стук, мамин крик и всхлипывание, шатающиеся быстрые тени в дверном проеме, окончательный треск захлопнувшейся входной двери и мой ужас, в котором и от которого я быстро заснула. Папа потом еще два раза приходил к нам, приносил мне подарки – синеватого медвежонка с вислым ухом и книгу сказок (там было

про Золушку, Красную Шапочку, Спящую красавицу и еще много чего). Не могу сказать, что я очень ждала отца, но ощущение утраты свернулось маленьким плотным животным у меня в подвздошье и застыло. Когда значительно позже (в мои пятнадцать – господи, в это время совсем другие планы у человека) он вдруг изъявил желание со мной общаться, разбуженное животное покрылось мурашками, как отсиженная нога, заныло и отчетливо убедило меня держаться подальше от этого невысокого серого человека – абсолютно чужого.

Но сейчас я засыпала на бабушкином фартуке, и мне было хорошо и понятно. Оставалось три недели до Нового года, мама придет с подарками, до этого мы с бабушкой все уберем и начистим, поставим и нарядим елку, все будет хорошо, все будет хорошо...

Я помнила подарки с того Нового года – просто царские (так бабушка сказала). Две разноцветных больших коробки с кучей конфет и вафель. Я их выкладывала, подробно изучала, выбирала одну и с особенным чувством почтения съедала, а остальные аккуратно складывала обратно. Но это не все. Еще мама принесла мне байковый красный халатик, с резинкой, вшитой на талии, и рукавами-фонариками, тоже на резинках. А Дед Мороз подарил мне под елочку целый огромный пакет всякой всячины: мыльные пузыри, цветные карандаши, альбом с тремя котятками на обложке, лото, в которое мы потом играли с мамой, когда у меня падала температура и поднималось настроение, книгу стихов для детей и большого оранжевого зайца. Я сразу назвала его Зася и не выпускала из рук даже во сне.

Вдруг я проснулась от звукового удара – меня толкнул громкий стук. Никакой не стук, конечно, в дверь просто-напросто тарабанили. Бабушка аккуратно переложила мои непроснувшиеся руки со своего передника, кинула кое-как вязанье на дряхлое кресло и, причитая и охая, мелкими шажками устремила в сени. Открыла и широко отступила назад. Я выглядывала, боясь подойти ближе, но пока ничего не видела. Слышала только женский истерический шепот с вкраплениями взвизгов, быстрый-быстрый, захлебывающийся. Мне стало страшно, время остановилось и надвинулось. Но тут в сени втокнули двух детей. Тусклый свет не позволял разглядеть их подробно, но повыше точно была девочка. Причем ужасно взрослая, на вид ей было лет девять, не меньше. Ребенок помладше жался к ней и подскуливал. Бабушка закрыла дверь за шепотом

и со вздохом сказала:

– Ну что с вами делать, заходите... – и легонько подтолкнула девочку в комнату, где жадно ждала я. За ней, вцепившись в кофту, просеменил малыш. Все-таки это был мальчик, хотя волосы у него были довольно длинными. – Кушать хотите?

– Нет, – очень тихо сказала девочка, а мальчик перестал подвывать и вопросительно на нее посмотрел, но она сделала вид, что не замечает.

– Тогда давайте я вам перед сном молока дам с хлебом, – бабушка размашисто развернулась и ушла на кухню, не дожидаясь реакции.

Девочка продолжала стоять, опустив глаза, малыш заинтересовался Мышей, но пока не чувствовал в себе достаточно смелости для того, чтобы отпустить кофту сестры.

– А у меня есть открытки. Целая коллекция, – произнесла я, остервенело болтая левой ногой и все еще продолжая сидеть на тахте. – Показать? – я равнодушно зевнула и потерла пальцем выщерблину на стенке комода. Выщерблина напоминала голову птицы с большим клювом. Возможно, даже пеликана.

– Покажи, – погасшим голосом согласилась девочка.

Я вскочила и кинулась к столу, на котором стояла очень красивая коробочка из-под туфель тети Альбины. В ней-то и хранились мои сокровища. Прижав к животу, я донесла коробку до тахты и открыла.

– Вот эта, – я важно достала самую верхнюю, – Москва. Видишь, – не дотрагиваясь, чтобы не оставить пятен, я поводила пальцем вокруг красной звезды, – это Кремль. – Я осторожно положила открытку между коробочкой и севшей наконец поближе девочкой. – А эта, – я торжественно достала следующую, – смотри, тут вот елочка, зайчик нарисованные, эта Новогодняя, мне ее в прошлом году другая моя бабушка прислала, которую я не видела, бабушка Таня. А вот эта – эта еще старая, мне ее мама отдала, – я мельком взглянула на девочку и потрясенная замолчала. Она сгорбилась и беззвучно плакала, кусая губы и так сильно зажмурившись, что у меня заболело лицо.

– Лимма, – малыш, который тем временем все же добрался до кошки, тоже посмотрел на сестру и выпятил нижнюю губу, настраиваясь огорчиться.

Я точно не знала, что нужно делать в таких случаях, поэтому просто

обняла Лимму и тоже заплакала. Когда в комнату вошла бабушка и застала трех безудержно рыдающих детей, она поставила эмалированный поднос на стол, подошла к малышу и взяла его на руки.

– Смотри, как сударины наши слезы льют, да? А мы с тобой не будем плакать. Мы сейчас молочка попьем, смотри, какое вкусное, ну-ка, давай, – она с видимым облегчением посадила его в кресло, заваленное наполовину каким-то хламом (свое вязание она перед этим просто-напросто скинула одной рукой на пол), и дала молоко. – От молодец, а теперь хлебушек... Горбушечку хочешь? На горбушечку. Как тебя звать?

– Малк, – сказал малыш с набитым ртом.

– Марк, Марик, значит, а сестренку твою?

– Лимма, – выкрикнула я, довольная тем, что собрала хоть какую-то информацию.

– Римма меня зовут, – всхлипывая и освобождаясь от моих объятий, сказала девочка.

– Римма, давай, возьми сама. Там тебе и Маше стоит. А я пойду постелю вам, а то ночь уже... никуда не годится... спать давно пора...

И бабушка вышла, причитая. А мы с Риммой заплаканные, но какие-то умиротворенные, пошли за ночным перекусом.

Бабушка постелила мне и Римме на своей кровати, а Марку на раскладушке. Сама же ушла спать на продавленную тахту. Я хотела перед сном поговорить о чем-нибудь интересном, например, о звездах или мертвецах, но не заметила, как вырубилась.

Римма с Марком жили у нас до весны, потом их забрали родственники. Через много лет мама мне рассказала, что их родителей по очереди тогда посадили – сначала отца, а потом мать. А потом расстреляли.

Бабушка была очень добрая, у нее не получалось переступить через свою доброту. Она всем помогала.

Однажды случилась такая история. Я уже тогда ходила в школу, а бабушка вместе с не особенно довольной этим Мышей переехала к нам в коммуналку, чтобы помогать со мной маме. Мы шли на музыку – я училась играть на пианино. Еще не опаздывали, поэтому я по дороге то и дело отвлекалась на разные удивительные вещи. Например, на галок с глазами как голубые прозрачные пуговицы. Они смотрели на меня ими и, развернувшись полубоком, чуть отпрыгивали назад. А я медленно и

безжалостно подходила ближе, чтобы налюбоваться. Бабушка терпеливо ждала. Но обычно все же она ждала в каких-то разумных пределах, поэтому я знала, что скоро она меня окликнет. И только про себя думала, что пусть чуточку подольше даст мне постоять среди влажных сладко пахнущих листьев, идеально укрывших раскисшую осеннюю почву. В какой-то момент меня уже удивило, что бабушка молчит, и я обернулась. Бабушки не было. Не успела я забеспокоиться, как увидела ее немного дальше. Она стояла рядом с лавочкой, на которой сидела худая девушка в длинном плаще с распущенными светлыми волосами и отчетливо дрожала. Бабушка что-то отдала ей и поспешила ко мне.

– Ну все, побежали, – она схватила меня за руку и то ли весело, то ли испуганно припустила со мной через дорогу на желтый свет.

– Бабушка, а что ты ей отдала? – это было действительно любопытно, потому что раньше я эту девушку не видела. – Ты эту тетю знаешь?

– Нет, Машенька, не знаю, – мы резво завернули за угол, и на повороте я даже немного отлетела в сторону, – но это неважно. Она голодная, я дала ей, чтобы она купила себе покушать.

– Дала денег?

– Да, вот мы с тобой ходим птичек кормить, но им надо хлебушек принести, а эта девочка сама себе может купить. Заходи, – бабушка пропустила меня вперед, придерживая большую стеклянную дверь.

Пока я гоняла гаммы и разучивала бессмертную песенку про василек одним пальцем, я совершенно забыла эту историю, поэтому, когда уже дома, переодевшись, я зашла на общую кухню и застала маму и бабушку в гробовом молчанье, то растерялась. Около плиты стояла тетя Берта, как всегда в халате, застегнутом со смещением на одну пуговицу, и тоже молча помешивала что-то в большой черной сковородке. Сейчас я думаю, что странно было называть ее тетей, была она ровесницей бабы Марфы, правда, бабушка была седая, а у тети Берты волосы иссиня-черные. Называла я ее тетей Бертой, потому что так называла ее моя мама, и я просто переняла это автоматически. Но в чем-то она осталась тетей, бабушкой так и не стала. Ее муж и маленькие дети погибли при каких-то ужасных обстоятельствах (таких ужасных, что никто никогда их не обсуждал), и она немного как бы застыла внутри того времени, когда они еще были живы. Главной своей задачей тетя Берта считала кормить меня и бессловесного мальчика Севу, который жил в третьей комнате нашей

коммуналки вместе с мамой Люськой – веселой блондинкой, практически ежедневно возвращающейся домой за полночь.

Бабушка сидела на табуретке, склонив голову, а мама смотрела на нее с выражением крайнего страдания и держалась за сердце.

Я замерла, но на меня и не обратили внимания.

– Ну мама! – с надрывом сказала мама бабушке. – Ну вот как теперь?!

– А где пехец? – тетя Берта заглянула в полочку и покопошилась там, – а, вот!

– Верочка, да я прекрасно прохожу всю зиму в старых, – фальшиво и заунывно, наверное, не в первый раз, пробормотала бабушка. Она не поднимала голову и так и сидела набычившись, как будто ей одновременно и стыдно, и обидно.

– Ну как – как ты проходишь, если они текут?! – мама выбежала в коридор, что-то громко там перевернула и вернулась со стоптанными морщинистыми ботинками неопределенного цвета. – Их уже и починить невозможно, они от одного взгляда рассыпаются.

– А где лопатка, котохой я мешаю? – тетя Берта покрутилась во все стороны и нашла лопатку в сковороде, – а, вот!

Мама постояла немного, с еще пущим страданием глядя на бабушкины ботинки, поставила их рядом с нашим мусорным ведром, стоявшим практически на проходе, и вышла, задев его и чертыхнувшись. Я подошла к бабушке и обняла ее за шею. Бабушка подняла на меня глаза, и я не обнаружила в них ни печали, ни раскаяния.

– Мне-то уже что надо, Машенька? Ничего. А у девочки той еще вся жизнь впереди.

– Бабушка, ну как же ты зимой без ботинок?

– А, – бабушка махнула рукой, – что там той зимы.

– Давай, покушай, – тетя Берта поставила передо мной тарелку с дымящейся тушеной капустой и с осуждением посмотрела на бабушку. – Кто покохмит мою девочку? Тетя Бехта только, только тетя Бехта. Кушай, кушай, – она ласково похлопала меня по голове и отвернулась. – А где кхышка?..

Завтра 9 октября у бабушки был день рождения, юбилей, 65 лет. Мама откладывала бабушке на подарок в специальную шкатулку, где хранились

всякие важные квитанции. И когда набралась достаточная сумма, заранее вручила деньги бабушке. Там как раз хватало на сапоги. Мама сияла.

Бабушка воспитывала маму без отца. Зимой 1900 года, когда маленькая мама болела корью, мой дедушка-врач поехал в ночь к рожающей седьмого ребенка попадье, сбился с дороги и замерз.

Попадья благополучно разрешилась, у Верочки к утру спала температура, и она впервые за четыре дня тяжелой болезни спокойно задышала. Бабушка задремала, а к полудню к ней ввалились мужики, сняли шапки и рассказали, что нашли Петра Федоровича мертвым.

Бабушка прожила какую-то невероятно сложную жизнь, но удивительным образом испытания не только не ожесточили ее, но как будто открыли в ней источник силы и света, силы света. От бабушки я узнала о Боге и о том, что смерти не существует. И когда в школе нам рассказывали, что никакого Бога нет, я не возражала, но точно знала, что бабушка не исчезла совсем, когда умерла. И вот почему. Умерла она, кстати, через месяц после того самого юбилея, на который не купила себе зимних ботинок – они и впрямь ей негодились. Умерла скоропостижно – сердце, инфаркт. На руках у мамы, которая в этот день была дома и сделала все, что может сделать в такой ситуации врач. За день до всего выскользнула на лестничную клетку и пропала Мыша.

И вот прошло уже дней шесть после смерти бабы Марфы, я сплю и чувствую сквозь веки яркий свет. Открываю глаза, вижу – бабушка стоит посередине нашей комнаты. Красивая, молодая, в белом длинном платье. Смотрит на меня и чуть улыбается. Я говорю ей:

– Баба, ну что же ты так давно не приходила, мы так волновались, – а сама вдруг вспоминаю, что она умерла. Но мне не страшно совсем, а наоборот – не хочется, чтобы она пропала вдруг.

– Машенька, а вы не волнуйтесь, – свет немного поубавился, бабушка подошла ко мне, села рядом на кровать, погладила меня теплой знакомой рукой по волосам, – у меня все в порядке, все хорошо.

– Как там, баба? Что после смерти? – пробормотала я.

– Жизнь, Машенька, жизнь. Тут как раз и начинается. Но я ненадолго...

– Не уходи, не уходи, пожалуйста...

– Надолго мне нельзя, я пришла предупредить.

– А ты еще придешь?

– Мы увидимся. Ты мне только обещай, что сделаешь все в точности. Обещаешь?

– Обещаю...

– Завтра к маме соседка заглянет, будет звать ее с собой на посиделки. Так вот, маме туда ходить нельзя. Что угодно придумай, но не отпускай ее. И второе, – бабушка помолчала. – Когда у вас через неделю будет неприятность, достань седьмую книгу во втором ряду. Красную. Из нее помощь придет. Но только не раньше. Все запомнила?

– Все...

– Ну вот, дай я тебя поцелую, – бабушка наклонилась ко мне солнечным теплом, от которого я закрыла глаза, а когда открыла, было уже утро.

Вечером в самом деле зашла к нам тетя Галя и стала маму уговаривать составить ей компанию – подмигивала, похохатывала. Я видела, что маме и так не особенно хотелось идти, но для верности, чтобы выполнить бабушкино поручение, я ойкнула и пожаловалась на боль в животе. Мама энергично взялась меня обхаживать, а тетю Галю выпроводила. Через пару дней соседку обнаружили мертвой – жестоко убитой и искалеченной. Убийц так и не нашли.

А через неделю, как бабушка и сказала, мама полезла по легкой раскладной лесенке обтереть пыль с нашей старой люстры, лесенка под ней покачнулась и сложилась, а мама ударилась позвоночником о комод. Я под ее стонущие команды, перепуганная, вызвала скорую, ее увезли. Ко мне приставили тетю БERTУ – кормить и проверять, все ли в порядке. Когда она этим же вечером зашла меня проведать и спросила, что я читаю, то я внезапно вспомнила про бабушкину книжку, еле дождалась, пока соседка уйдет, побежала, отсчитала во втором ряду седьмую, она в самом деле оказалась красной, но еще и пыльной. Проплистала и потрясла вниз растопыренными страницами. На пол вместе с пылью легко спланировал обрывок бумаги, на котором незнакомым овалным почерком было написано «Виктор Васильевич» и номер телефона. Было уже почти десять вечера, но я сразу же побежала в коридор, где у нас стоял черный телефон с тяжелой трубкой, и набрала непослушными пальцами цифры, тщательно сверяясь. Трубку долго не брали, но потом спокойный мужской голос произнес: «Алло». Я растерялась. Признаться, что мертвая бабушка сказала мне в случае чего поискать помощи в красной книжке?

– Здравствуйте, – я на некоторое время зависла.

– Здравствуйте, – без выражения ответил голос.

– Это Маша, внучка Марфы Васильевны.

– Маша, – голос оживился, – Маша... а где Марфа?

– Бабушка умерла две недели назад. Она... она сказала вам позвонить, когда... когда... если что-то случится, – я выдохнула.

– Маша, как же? Марфа умерла... Вот так так... А что же ты не позвонила раньше? На похороны?

– Я раньше не знала, – сказала и спохватилась, – Виктор Васи... – прочитала я по бумажке, – ...льевич, у меня мама в больницу сегодня попала. Ударилась спиной... – дальше я не понимала, что говорить и о чем просить, но Виктор Васильевич сам все знал. Он пообещал помочь и не обманул. Мама потом рассказывала, что из коридора со сквозняками ее перевели в отдельную палату, собрали консилиум и успешно прооперировали. А если бы тогда не отнеслись к ней с исключительным вниманием, возможно, она бы и не поднялась вовсе. Виктор Васильевич оказался бабушкиным единокровным братом, но так и не смог пояснить нам, почему они с бабушкой не общались, и почему мы его узнали только сейчас. Так или иначе, но и после своей смерти бабушка помогала нам.

Потом была война, об этом совсем не хочется вспоминать, но надо помнить. Потом радость победы. Потом много чего еще было. Институт стали и сплавов в Москве, замужество, развод, смерть мамы, долгая одинокая жизнь, приемная дочь, внуки. Огромная жизнь, вся целиком хранящаяся внутри меня, как будто я вбирала в себя пространство и вещи, как будто я висела в пустоте, подвергаясь воздействию текущего сквозь меня времени.

И вот сейчас, когда мне уже намного больше лет, чем бабушке Марфе, и я лежу на специальной кровати, которая поднимается, потому что я сама уже не могу двигаться и даже говорить, я думаю, что окончательно поняла, что такое память смертная. Память смертная – это я.

Я поднимаю щеку, на которой мелкой сеткой отпечаталась ткань фартука, смотрю на бабушку Марфу сонными глазами и спрашиваю:

– Баба, а я тоже умру?

Бабушка поворачивает ко мне свое доброе морщинистое молчанье, пережевывает несколько секунд беззубым ртом и уверенно говорит:

– Что ты, милая, у Господа все живы!

Я снова кладу голову на ее колени и умиротворенная сразу же засыпаю.

Поцеловать Виктора Р

Люся потрогала большим пальцем левой ноги прохладно-острый угол тумбочки, резко села на кровати и одновременно вспомнила, что натворила вчера. Стащив с тумбочки ноут, она открыла его и набрала новости про Виктора Р. Вывалилось примерно стопятысот текстовых прямоугольничков, требующих немедленного просмотра. Она кликнула на какой-то в самой чаще и гуще.

«Сегодня в 3 часа 14 минут пополудни рядом с подъездом, в котором проживает известный писатель Виктор Р, он был поцелован. На видео с камеры наблюдения вы можете видеть, как это происходило. Скорая помощь, вызванная буквально спустя пару минут кем-то из прохожих, увезла Виктора в больницу. Писатель пока не приходил в сознание, врачи оценивают его состояние как стабильно тяжелое, делают все возможное и не дают никаких прогнозов. "Новости минуты" будут следить за развитием событий».

Ниже располагалось мутноватое видео, нарезанное с запасом, хотя делов-то было секунд на десять. Люся посмотрела все две минуты, сначала морщась от нетерпения, потом от неловкости, потом просто морщась. На видео стайка нахохленных поклонниц тусовалась рядом с подъездом, выборочно посиживая на низкой ограде через дорогу напротив. Скоро дверь подъезда волшебным образом распахнулась (угол обзора у камеры позволял увидеть только верхний кончик этой двери и нездешний восторг на просиявших лицах ждуний, отразивший пришествие их кумира). Девушки улыбались, переступая с ноги на ногу, и что-то протягивали на почтительном расстоянии – то ли подписать, то ли съесть. Одна из них, единственная с пустыми руками, внезапно преодолев прозрачную стену неприкосновенности, подошла к невысокому человеку в черных очках (он уже успел ступить в зону основательной видимости камеры и несколько раз повернуть голову налево и направо) и черной же шапочке, со значением посмотрела ему в очки и поцеловала в губы. Практически сразу ноги у человека подкосились, и он как был (в черных очках и черной шапочке) рухнул наземь. Девушка постояла секунд пять и стремительно ушла. Запись на этом заканчивалась. Люся еще дважды пересмотрела с того момента, как ее цифровая копия отделяется от толпы товарок и подходит к Р. Волосы у копии растрепались, куртка зверски ее наполнила, она и не предполагала, что выглядит настолько массивной. Странно, в

зеркале этого не заметно. Люся соскочила с кровати, побежала на цыпочках в безликую светлую прихожую съемной квартиры, надела куртку, покрутилась в ней перед икеевским небольшим зеркалом (которое она сама покупала взамен хозяйскому, чуть треснувшему с краю и нагонявшему на нее тоску), сняла, бросила на пол, сходила в ванную за маникюрными ножницами, села рядом с курткой и принялась ее методично резать.

Виктор Р. аккуратно сгреб салфеткой со стола яичную скорлупу, выбросил все в мусор и тщательно помыл руки. Он не любил выходить из квартиры, и то, что сегодня ему предстояла встреча в кустах с новым редактором, его сильно нервировало и заранее фрустрировало. Он взял телефон и нажал на помеченный звездочкой контакт «мяка».

– Привет. Посмотри, пожалуйста, а то я что-то не пойму... я не начал лысеть? – Виктор принялся крутить телефон и бритую наголо голову так, чтобы собеседник погиб на месте от морской болезни.

– Витя, все в порядке, – пожилая женщина по видеосвязи добродушно прищурилась и напомнила сову из советского мультика про Винни-Пуха, – за последние два года ничего не изменилось.

– А вот тут посмотри, справа, мне кажется, залысина стала глубже и шире, – Виктор изрядно наклонил и приблизил к телефону правую часть лба и одновременно сам попытался увидеть себя.

– Да нет, вроде бы все так и было, – мама засопела и поправила ворот халата.

– Точно?

– Да.

– Ты уверена?

– Абсолютно.

– Посмотри внимательно.

– Я смотрю, все в порядке.

– А вот я не уверен.

– А ты займись делом каким-нибудь, переключись. – Мама примирительно и громко подышала. – О чем ты сейчас пишешь?

– Подробности не могу выдавать, – охотно откликнулся Виктор,

проводя ладонью по молодой щетине у себя на голове. – Но там будет про кошек. А ты знала, кстати, что когда персы с египтянами воевали за Пелузий, персидский царь Камбиз какой-то там (кажется, второй) никак не мог взять штурмом этот город? И знаешь, что он придумал?

– Чего?

– А ему в голову пришла омерзительнейшая провокация. Понимая, что египтяне почитают Анубиса, Баст и Тота, он выпустил вперед своего войска кошек, собак и ибисов.

– Вот гад какой! – мама поехала.

– Ага. Но я это дело так не оставлю. Кстати, они могли бы ему ответить тем же. Например, выпустить навстречу ежей. Праведный зороастриец, когда видел «колючую остромордую собаку» (так они называли ежей), должен был отступить и поклониться. – Виктор вздохнул. – Правда, боюсь, ежей у египтян просто не осталось.

– Почему это?

– Они их ели, – Виктор прошел в комнату, взял со стола проездной.

– Фу!

– Да, они готовили их в глине, – Виктор покрутил в руках зонтик и положил обратно на полку. – Обмазывали глиной иголки, а когда еж запекался, снимали ее вместе с иголками.

– Ужас какой! Зачем ты мне такое рассказываешь?!

– Ладно, не буду больше. Все, мне пора выходить. Пока. Подожди. Я точно не облысел?

– Точно.

– Ты уверена?

– Да.

– Посмотри еще раз!

– Витя!

– Не облысел?

– Нет!!!

– Ладно, пока!

Виктор нажал отбой, потом снова набрал «мяку».

– Мама, а еще посмотри, у меня зубы не искривились? – он дико

оскалился в телефон.

– Нет, ровные.

– А вот тут... вроде щель рядом с клыком образовалась, которой не было...

– Да нет там никакой щели, все хорошо.

– Уверена? – спросил Виктор с нажимом.

– Да.

– Ну ок, пока.

Виктор сбросил, нажал еще раз и, не дожидаясь гудка, снова сбросил, засунул телефон в карман штанов, натянул черную шапочку, надел черные очки, обулся и вышел из квартиры. Вернулся, снял с крючка куртку и снова вышел.

—

Когда он показался из двери подъезда, то сразу заметил нехорошо обрадовавшихся ему девушек. Он замешкался, прикидывая, каким образом ему следует построить свой путь, чтобы минимально с ними контактировать, и решил уже обойти вражескую армию с правого фланга, но в этот момент одна из дев приблизилась к нему вплотную, посмотрела сквозь непроницаемые очки и поцеловала. Виктор впервые почувствовал на своем плотно сомкнутом рте нежные девичьи губы – влажные и холодные. Это было так странно и дико, настолько не вписывалось в его сегодняшние и без того страшные планы, что сработали предохранители его психики, и он отключился.

—

– Эй, – Люся попыталась прорваться сквозь веселье, царящее с той стороны смартфона, – не могу приехать, говорю. Ну потому. Потому что. Куртки нет. Я ее порезала. Реально? А ты как? Точно не нужна? Уверена? Ну ок, я ща такси тогда возьму.

Люся быстро натянула джинсы и фиалковый свитшот, надела тонкую демисезонную куртку и набила в приложении адрес Ганны Че. Машина обещала подъехать через шесть минут.

Когда Люся спустилась, приложение врало, что машина ее уже ожидает. Но никакой машины не было, а было темно, пустынно, холодно и по-над дорогой на красный свет невидимый великанский мальчик тащил

за собой, как гусеницу на палочке, белый пустой пакет из «Пятерочки». Люся вспомнила твердые губы Виктора и снова пережила вчерашние восторг и ужас. В весенней куртке почему-то больше всего дубела спина. Люся прижимала к груди обеими руками сумку, и это придавало крафтовому тряпичному недоразумению новую ценность. Люся даже представила, как мимо нее проходит бандит и старается выдрать сумку, но не тут-то было. Она проиграла в воображении, как не просто не отдаст свою прелесть, но и наподдаст мерзавцу ногой в тяжелом Мартинсе. Разъяренная и прекрасная она плюхнулась в белый фольксваген на заднее сиденье.

– Включите печку посильнее, – попросила она, – пока я вас ждала, отморозила себе мозги, – она не знала, почему внезапно выбрала именно эту часть своего брэнного тела, но слово, как говорится, не воробей.

– Мозги? – с легким, но оскорбительным нажимом переспросил водитель, выкручивая руль, чтобы съехать на дорогу, и характерно поворачивая при этом голову в черной шапочке и черных очках.

Люся сразу узнала его. Могла ли она его не узнать.

– Как это? – только и сумела прошептать она. – Ты разве не в больнице?

– Как видишь, – голос был таким же непроницаемым, как очки. – Я должен тебе кое в чем признаться.

Поскольку пораженная Люся молчала, он продолжил.

– Дело в том, что я серьезно болен. И это не главная новость. Главная новость состоит в том, что теперь больна и ты.

– О боже... чем?

– Не имеет значения, как это называется, и, по правде сказать, я даже точно не знаю, как болезнь будет проходить у тебя, но ты от меня заразилась.

– Откуда ты знаешь? Надо же сдать анализы...

– Анализы не нужны. Но раз ты меня видишь сейчас... ты ведь меня видишь?

Люся кивнула.

– Ну вот, значит, ты больна. Не пугайся. Просто наблюдай. Не вмешивайся. Отнесись к этому как к интересному опыту. Как только я

пойму твои симптомы, мы попробуем остановить болезнь.

– Хорошо, – Люся немного помолчала. – А как болеешь ты?

В это время они свернули на трассу, по краям которой улыбались из-под пушистых усов запорошенные сверкающим снегом сосны.

– Я вообще не просыпаюсь.

– Ммм... в смысле, ты впал в кому и не можешь проснуться?

– Не совсем. Я засыпаю, мне начинает сниться сон, хотя я бы ни за что не отличил его от яви, а потом вместо того, чтобы проснуться, я снова засыпаю, и мне начинает сниться сон. И так бесконечно. Помнишь, у кого это – чувак просыпался и просыпался в новый сон? А я вот наоборот.

Виктор задумался, и Люсе уже показалось, что он забыл о ней. Или заснул. Она обеспокоенно всмотрелась в его лицо. Но Виктор продолжил:

– Сначала я пытался считать, хотя бы примерно, сколько раз я уже заснул, но потом сбился. После десяти тысяч... Да и зачем это? В общем, не удивляйся, когда я засну.

– Главное, не за рулем, – попыталась пошутить Люся. В целом, болезнь ей показалась нестрашной и несколько надуманной. Если не засыпать в ответственные моменты.

– К сожалению, я не умею этим управлять.

– А давно это с тобой?

– Ха-ха, – без всяких эмоций произнес Виктор. – Это сложно определить.

– То есть ты хочешь сказать, когда я вчера поцеловала тебя, это как раз был тот самый момент, когда ты провалился в свой очередной сон?

Виктор снова надолго замолчал. Его молчание можно было интерпретировать по-разному. Например, Люся задала идиотский вопрос, и он не собирается на него отвечать. Или он сам не знает ответа, потому что вопрос не из простых. Люся перестала ждать и сосредоточилась на красиво замерзающем по краю окошке.

– Для тебя имеет значение только то, что это был тот самый момент, когда ты от меня заразилась. Я должен предупредить тебя, что эта болезнь передается через поцелуй. Это важно, постарайся никого не заразить.

– Теперь мне нельзя целоваться ни с кем, кроме тебя?

– Да.

– Ура! А от кого заразился ты? – Люся никак не хотела сосредоточиться на себе, ее интересовали подробности жизни кумира. – Кого ты поцеловал?

– Люся-Люся, – успел сказать Виктор и отключился, а через секунду машина съехала в кювет, несколько раз перевернувшись. Люся почувствовала, как её тряхнуло, подбросило и стукнуло головой, в ту же секунду она открыла глаза в своей комнате. Звонил телефон.

—

– Алло, – офигевшая Люся попыталась сообразить, что к чему, но пока в голове (которая, к слову, сильно болела, как будто Люся и в самом деле только что зверски треснулась ей о потолок в машине), все это не особенно укладывалось.

– Люси, – произнес без эмоций знакомый голос, – открой, пожалуйста, дверь.

Люся, взлохмаченная и неумытая, прошла мимо икеевского зеркала и даже не взглянула на себя. Открыв дверь, она обнаружила на пороге Виктора. Черные очки мистически поблескивали. В руках у него был коньяк и прозрачный пакет с лимонами.

– Я не пью, – Люся отодвинулась к стене, давая ему пройти.

– Я тоже, – он снял куртку и, не разуваясь, прошел на кухню. – Это для другого.

На кухне Виктор по-хозяйски достал рюмки, помыл прямо в пакете лимоны и принялся их ловко нашинковывать прозрачными колечками на разделочной доске, которую Люся куда-то задевала в позапрошлом месяце и уже смирилась с пропажей.

– Садись, – он показал ей подбородком на табуретку, – у нас мало времени. Слушай.

Люся слушала и обмирала. Мир сошел с ума, время вышло из сустава.

– А если я не смогу?! – в голосе заискрились истерические нотки.

– Тогда ничего не получится, – лицо Виктора ничего не выражало.

– Сними очки, – внезапно потребовала Люся.

– Зачем?

– Я хочу увидеть твои глаза.

– Не уверен, что это хорошая идея.

– Тогда я отказываюсь участвовать в этой ереси. Это же бредятина... Ну, сам подумай, куда мы там вынырнем? С чего ты взял, что это так сработает?

– Это моя гипотеза, и мы с тобой уже семь раз ее успешно проверили. Надо спешить, пока еще не слишком много оборотов сделано.

– А почему я ничего не помню?

– Потому что здесь с тобой это еще не произошло.

– А если мы умрем? Траванёмся этим твоим секретным ингредиентом?

– Да нет, вряд ли. – Виктор взял влажной рукой бутылку и придиричиво осмотрел ее этикетку, вернул на место и дорезал последнее лимонное колечко. – Гарантии, конечно, нет, что все будет так, как я предполагаю, но просто давай попробуем.

Он достал из кармана небольшой бумажный сверток, положил его на стол и медленно развернул. В центре мятой бумажки покоился кусочек коры.

– И это твой секретный ингредиент? – Люся потрогала кору пальцем, как сдохшую канарейку. – А почему ты решил, что я начну от этого засыпать, а ты просыпаться?

– Долго объяснять. У нас мало времени. Смотри. Тут важна последовательность. Сначала мы едим кору, тебе надо ее мелко-мелко разжевать. Она горькая и противная. Но ты должна ее проглотить, потом съесть как можно больше лимонов, и когда почувствуешь, что больше уже не можешь, надо запить всё коньяком. Дальше ты почувствуешь, что засыпаешь. Здесь важно открыть глаза внутрь. И ты как бы окажешься в своем прошлом сне.

– Да, я это поняла. Но там ведь не будет всего этого гастрономического роскошества, чтобы двигаться дальше.

– Предоставь это мне. Ты не представляешь себе... – он замолчал.

– Договаривай, – Люся напряглась.

– Ты не представляешь себе, чего мне стоило добраться до здесь и сейчас. Осталось совсем немного. Давай постараемся не откатиться.

– Постой. Если я правильно поняла, ты хочешь, чтобы мы отмотали все

на до поцелуя, да?

– Да.

– То есть, с тобой все будет по-прежнему?

– Да.

– Ты не сможешь проделать все то же самое для себя и того человека, от которого ты заразился.

– Нет, не смогу. И это был не человек.

– Животное? Ты поцеловал животное?

– И не животное.

– А кто?

– Я бы не хотел сейчас в это углубляться. Есть ли у тебя вопросы по существу?

– Зачем тебе нужно, чтобы я не заразилась?

– Это нужно тебе, просто в этой точке ты об этом еще не знаешь. Есть ли у тебя еще вопросы по существу?

– Да. Ты снимешь очки?

– Нет.

Люся протянула руку и сняла с Виктора очки.

Кухня поплыла перед ее глазами. Виктор стремительно вернул очки обратно.

– Люси, только не отключайся, подожди, – он поднес к ее рту кусочек коры. – Откуси немного и жуй. Вот так, да. Разжуй мелко. – Он тоже откусил небольшой кусочек. – Не закрывай глаза, подожди. Тише, тише, – Виктор подхватил сползающую с табуретки Люсю под мышки. Она старательно жевала, глаза у нее закатились. – А теперь глотай. И вот лимончик. – Он принялся засовывать ей в рот один за другим бледно-желтые кружочки. Люся морщилась, но послушно открывала рот. Когда она в так жевательным движениям сделала пару рвотных, Виктор поднес к ее губам рюмку с коньяком и скомандовал: — Залпом!

Люся выпила, закрыла глаза и одновременно внутри себя их открыла. Сначала ей казалось, что она падает куда-то спиной. Или какой-то ветер несет ее со страшной скоростью, но внезапно движение полностью остановилось, и она почувствовала, что стоит на морозе в легкой куртке,

прижимая к груди сумку. Подъехал белый фольксваген.

Люся осторожно открыла дверцу и села рядом с водителем. Он поднес к ее губам кусочек коры, и все повторилось. Когда вихрь затих, она обнаружила себя дежурящей среди других девиц под подъездом любимого писателя. Дверь открылась. На пороге показался Виктор Р. В руках у него сидела лысая кошка. Чеканным шагом он подошел к Люсе и вручил ей кошку.

– Ее зовут Культовый писатель. – Виктор помолчал, поправил очки и поцеловал Люсю в левый глаз.

Послесловие

– И он что – специально для этого пришел? – спросила Ганна Че, закуривая и пытаясь попасть колечком дыма на угол тумбочки. Они втроем с Культовым писателем лежали на люсиной кровати. Культовому писателю что-то снилось, и она подрагивала во сне вибриссами и лапками.

– Он специально для этого родился.

– Ха-ха, – сказала Ганна и выпустила большое неровное кольцо.

– Меня больше интересует другое... – Люся почесала Культовому писателю за ушком.

– Что?

– Проснулся ли он. Или он так и продолжает все глубже проваливаться в сон?

– Подожди. Но ведь он же не заснул... – колечко дыма наконец идеально село на угол и стало медленно растворяться. – Или ты имеешь в виду – раньше? Слушай, а я не поняла, что у него с глазами?

– Страбизм.

Разносчик роллов

Ммм... да, походу последний раз он ел вчера утром. Арслан угостил его каким-то дошиком. Вчера он не работал, спал, а сегодня надеялся на чаевые, но, как назло, все жались, не дали ничего. Он остановил лифт, направлявшийся на шестнадцатый этаж, вышел на седьмом, прошел через общий балкон на лестницу, сел на ступенях (в левом боку ощутимо кольнуло – приятель Дины зарядил ему с ноги еще на прошлой неделе), снял короб со спины и достал из него пакет. Пакет был ненадежно, совершенно символически залеплен продолговатой фиговинной. Он аккуратно подцепил ее ногтем и без происшествий отклеил. В пакете обнаружили две большие коробки с сетями, три маленьких с отдельными видами роллов и одна с сушами. Маленькие он сразу отложил, сосредоточился на больших. В принципе, можно незаметно съесть по две штучки из каждого вида. Их тут по раз, два, три... восемь. Будет по шесть. Незаметно. Так иногда режут.

Он столь же медленно отклеил магическую печать с черного гробика, откинул прозрачную крышку и поцеловал спящую красавицу прямо в ролл «Калифорния». Ясное дело, надо было есть медленно и получше жевать, чтобы надежнее наестся, но одно дело знать, как правильно, а другое – остановить голодного распаленного принца. Он очнулся только тогда, когда вдруг понял, что роллы немного сдвинулись от его движения, и он нечаянно залез в запретное – одного вида осталось пять штук. Он чуть не расстроился, но тут вспомнил, что иногда в некоторых сетях бывает по половине вида. Так что он мог оставить по четыре или даже по три ролла из двух видов. Он решил не мелочиться и оставил по три, соединив три и три, чтобы они смотрелись целостно. В гробике поскучнело. Второй гробик своей наполненностью теперь компрометировал первый. Пришлось разобраться и с ним.

Захотелось пить. Он согрелся наконец, даже чуть-чуть вспотел. Только ступни еще были холодные. Наладив все, как было, и засунув в короб, он снова вернулся в лифт и доехал до шестнадцатого. В домофон он не звонил, потому что какие-то молодцы заносили в подъезд мешки с цементом, и дверь была распахнута. Перерыва на обед в связи с этим никто не заметил. Он сверил с смс номер квартиры и позвонил. В квартире долго шаркали и возились с замком, когда же дверь открылась, на пороге оказалась пожилая полноватая женщина в черном тянущемся платье с

люрексом и печальным лицом.

– Ой, – женщина всплеснула руками, – хорошо, что вы пришли. Заходите. – И отправилась куда-то в глубину квартиры.

Он достал уже к тому времени пакет с заказом, но не успел ей вручить и мялся на пороге. Вообще-то заходить к клиентам возбранялось.

– Можете не разуваться, – донеслось из недр.

Он потоптался еще снаружи и перешагнул порог крошечной прихожей, обклеенной пластиковыми панельками, имитирующими кирпич. В прихожей было темновато, свет проникал сюда в основном из кухни. Он снял, придерживая другой ногой задник, кроссовки, пододвинул их в уголок, спрятал дырку в носке между пальцами и пошел на свет.

Хозяйка наклонилась над столом, досервировывая фаршированные яйца. Маленький стол был густо уставлен розеточками с разнообразными салатами, судя по тарелкам, все угощение было рассчитано на четырех человек. На плите дымилась только что сваренная картошка, а рядом пригrelась мисочка, доверху наполненная аппетитными румяными котлетами.

– А, садись, садись сюда, – сказала она ему приветливо, как старому знакомому, принимая из его рук пакет и отставляя на микроволновку. – Дверь запер?

– Н-н-нет, кажется, – он оглянулся на прихожую.

– Сиди-сиди, я все сделаю. А ты вино пока открой. Понимаешь, – она удалилась, чтобы исправить его оплошность, – гости не смогли прийти, а я и вино-то сама не открою, суставы болят. – Она так и сказала «болеть».

Он нашел глазами бутылку с красным сухим, рядом с ней штопор и занялся делом.

– Меня Марьиванна зовут, – пригласительно представилась женщина.

– Андрей, – он пыхтел над бутылкой и не сразу понял, что произошло. Марьиванна издала тоненький звук, а потом мерно как будто бы застучала. Когда он справился с пробкой и протянул ей побежденную бутылку, увидел, что она плачет, закусив рукав своего черного платья.

– И сыночка моего Андрюшей звали, – она схватила со стола салфетку, яростно вытерла глаза и громко высморкалась. – Это все поминки по ему. Не пришел никто... не смог. Ну и ладно, ну и ничего, мы с тобой его

помянем. Сейчас... давай-ка вон тарелочку. Сорок дней сегодня.

Марьиванна положила ему столько, что пока тарелка плыла, в его руки с нее дважды с разных сторон что-то упало.

– А водочка есть, – она затормозила над его бокалом бутылку с вином и посмотрела со значением, – мне нельзя, я вино только, – поскольку Андрей с набитым ртом промычал что-то невразумительное, она налила ему вино, – но, если что, ты говори.

Марьиванна взяла в руку свой бокал, как будто собиралась сказать тост, и замолчала, задумалась. Потом встряхнулась и отпила глоток.

– Он ведь знаешь, каким был, Андрюшенька мой? Он добрый был, очень добрый. Как-то я его на коляске везла, не ходил он у меня, болели ножки, так его и возила до смерти... Тогда ему тринадцать лет было, да. И вот везу его, а под колеса кошка бездомная – облезлая, худющая. Я ей «куда под колеса» и отпихнула так, небожно. А Андрюша мой так расстроился, кричал на меня, даже ударить пытался, я увернулась. Кошку так ему жалко стало.

Андрей слушал, опустив глаза в тарелку, изредка кивая.

– У всех своя доброта, – неожиданно даже для себя произнес он.

– Да-да, – обрадовалась Марьиванна, – я же тоже не со зла тогда, а чтоб под колеса, чтоб не повредилась она, кошечка. Мы потом ее искать ходили, запаслись кормом, но так и не нашли, другим котам отдали. Ты кушай, кушай. Я тут болтаю, отвлекаю тебя. А твои родные где?

– Мать и три младших брата. В области.

– Навещаешь их?

Андрей вспомнил, как в последний его приезд очередной сожитель матери на глазах у мелких дал ей леща за подгоревшую кашу, и когда Андрей попытался за нее вступить, она набросилась на него с кулаками и отборным матом.

– Неа, – он наколол котлету и целиком отправил в рот.

– А мы тоже с Андрюшенькой без отца. Он, когда узнал, что Андрюшенька инвалидом будет всю жизнь, собрал вещи свои и уехал. И больше – всё, не видели мы его. А два года назад сестра его позвонила и сказала, что умер. Сердце не выдержало. Переживал, видать. Конечно, своего сына оставить. Это ж как тяжело. Тоже был хороший. Веселый,

ласковый. Цветы дарил. Давай – за упокой его души, – она требовательно приподняла и приблизила бокал к бокалу Андрея. – Упокой, Господи, душу раба твоего Алексия, прости ему прегрешения вольные и невольные и даруй ему Царствие Небесное.

Андрей выпил вина. В целом, он уже основательно наелся. И вообще-то, по-хорошему, надо было возвращаться к работе, но он уютно устроился на этой маленькой кухне, пригрелся и никуда больше не хотел уходить.

– Андрюша, он рисовал красиво, драконов, девушек. Я покажу тебе потом, – сказала она доверительно. – И стихи писал. Сложные очень. Как-то даже в журнале специальном опубликовали. Я читала, грешным делом, ничего не поняла. Талант у него был. Ты ешь, ешь. Давай я тебе еще котлеток подложу, – она потянулась за его тарелкой.

– Нет-нет, спасибо, я уже наелся, – Андрей прикрылся рукой от посягательств. – Очень вкусно.

– Тогда давай за упокой души Андрюшеньки моего, сыночка моего, – Марьиванна наполнила бокалы. – Пусть ему там будет хорошо, тепло, сухо, спокойно, пусть будет лучше, чем здесь, – она снова судорожно заплакала, зажмурившись с такой силой, что больно было смотреть. – Пусть там лучше будет, раз тут ему так плохо было, что не захотел он остаться со мной. Маленький мой Андрюша, сыночек мой. – И она выпила весь бокал большими глотками, как воду или как лекарство. – Так люблю его, так люблю, сил нет, боль какая.

Андрей смотрел на нее, и внутри поднималось странное чувство, природу которого он затруднялся определить. Ему вдруг страшно, как никогда раньше, захотелось, чтобы его тоже любили. Вот так сильно, до боли, до слез. Но никто в его жизни не любил его, никому он не был нужен. Ни матери, ни дуре Динке, никому на свете. И так ему стало грустно, а может быть, он уже немного опьянел, что он тоже заплакал. Марьиванна поднялась со своего места и, не глядя (как только она поняла, что он заплакал? почувствовала как-то), обняла его. И так сидели они бесконечность. А потом как-то отпустило. Даже неловко стало. А потом они еще выпили, вспомнили о роллах, закусили и ими.

– Поздно уже как, – воскликнула Марьиванна, взглянув на микроволновочные часы.

– Да-да, пора мне, – засобиравшись Андрей.

– Что ты, куда там он пойдет. Час ночи. Никуда нельзя, сейчас я тебе постелю.

Марьяванна принесла Андрею банное полотенце зеленого цвета и домашнюю одежду – трикотажные черные брюки и майку с надписью «Поэзия или смерть».

– Вот это всё чистое, не бойся, надевай.

Андрей взял и нетвердой походкой отправился в ванную.

Заснул он практически моментально. Давно уже он не лежал на чистом вкусно пахнущем белье, и так ему было хорошо, так хорошо...

Андрей проснулся. Солнце светило в комнату сквозь пыльно-бежевые занавески. Вошла Марьяванна с подносом, на котором стоял стакан с чаем в подстаканнике и тосты с сыром.

– Чай с лимончиком, как ты любишь, Андрюшенька, – проворковала Марьяванна и поспешно вышла.

Андрей привычным движением откинул одеяло и на руках перенес свое тело в рядом стоящее инвалидное кресло. Подъехал к компьютеру, включил его, пальцы сами бегло набрали пароль. Он отпил горячий сладкий чай из стакана и с удовольствием захрустел тостом. На тумбочке звякнул сообщением телефон. Андрей подъехал, взял телефон, просмотрел. Арслан писал ему про какой-то ключ. Не так. Какой-то Арслан писал ему про какой-то ключ. Надо было умыться. Андрей легко выехал из своей комнаты, проехал по коридору мимо желтого короба, криво нагнувшегося влево, и закрылся в ванной, чтобы приступить к утреннему туалету.

Александр Казарновский

Война план покажет

Ребята, а как воевать? Я сижу на крыше, вижу объект. На нем надет курджун, как на верблюда надевают – такие мешки с двух сторон для поклажи... а у него в мешках дети... один спереди другой сзади. Делаю запрос по рации... могу снять аккуратно в голову... детей не задену... получаю отказ... он упадет и покалечит детей... не стрелять. Ну как воевать с ними? Даю наводку на пусковую установку... такой грузовик небольшой... а у него впереди и сзади впритык по автобусу с пассажирами... Как можно воевать в таких условиях?

Рассказ снайпера, участника боев в Газе

Самое удивительное, что на крыше не было никакой паники. Наоборот, казалось, там царит спокойствие. Причем не апатичное спокойствие подчинившихся насилию людей, которым ничего не остается, как ждать своей судьбы, а живое спокойствие, смешанное с любопытством. Открылась чердачная дверь, и бугай в «балаклаве» и с хамасовской ленточкой на лбу вытолкнул на крышу коротко стриженного паренька, который держал на руках плачущего малыша, должно быть, своего брата. Понятно, что этих, как и самого его самого с Мухаммадом и Маруаном, пригнали сюда насильно. Но вслед за ними на крышу с веселым визгом влетела стайка ребят лет четырнадцати – этих явно никто сюда не тащил. Тем более, что они сразу же, оживленно споря, начали делить между собой двадцатишкелевые бумажки, которыми им, очевидно, заплатили за участие в акции. Справа стоял высокий рыжий парень и что-то беззвучно шептал, глядя в сторону израильской границы. На его скулах ходили желваки.

– Папа, мы умрем? – вдруг спросил десятилетний Мухаммад.

Хамид не успел ответить сыну, вместо него заговорил рыжий парень:

– Умрем, но ЭТИ – он махнул рукой в ту сторону, откуда прилетел нависший над кварталами клинообразный дрон, – ЭТИ пусть знают, – мы их не боимся!

– Умрем, но наша смерть послужит освобождению Палестины, – раздался чей-то голос в наступившей внезапно тишине. – Чем больше нас

погибнет, тем больше во всем мире будет у нас поддержки!..

– И тем скорее евреи отступят, – добавил кто-то.

– Папа, давай не будем умирать, давай уйдем! – горячо зашептал Мухаммад, сжимая руку отца, а маленький Маруан весь как-то съежился, скуксился и всхлипнул. С другого конца крыши ему ответил плач того ребенка, которого принес на руках подгоняемый тычками в спину старший брат.

В этот момент дверь вновь открылась, и на крыше появилось несколько человек в комбинезонах и «балаклавах». Они тащили с собой пластиковые трубы, вроде тех, что обычно используются для водопровода или канализации. Три трубы, прижатые друг к другу, стали стягивать изоляционной лентой.

«Бросься на них! Помешай им! Не дай им это сделать!» – почти вслух прошептал Хамид сам себе. Не бросился. Не помешал. Позволил. Какая-то слабость сковала. А те спокойно, даже не торопясь, доделали свое дело и двинулись к чердачной двери. И все это в полной тишине, прерываемой лишь гудением израильского беспилотника. Пусть гудит. Пока гудит, евреи скорее всего стрелять не будут. Беспилотник это их глаза.

«Бросься на них! Помешай им! Убей их! Умри сам, но спаси своих детей! И тех детей, что стоят на крыше, не подозревая о том, какая участь им уготована! И тех, зомбированных, что шепчут проклятия Израилю и сами рвутся умереть.

Хамасовцы были уже у самой двери, когда он все-таки заставил себя броситься к ним с криком: «Стойте! Куда вы?! Выпустите нас!»

И тут случилось странное. Тот, что явно командовал остальными, вдруг остановился, обернулся и снял маску. У него было круглое лицо, обрамленное аккуратно постриженной черной бородкой.

– Выпустить, говоришь? Погодите, бойцы, тут один просится его выпустить.

Прозвучали эти слова обманчиво мягко, что дало сил крикнуть:

– Всех, всех выпустите!

– Всех, говоришь? Гм... Всех – не знаю, а тебя, пожалуй, выпустим.

– С детьми...

Его, только что такой решительный, голос в одно мгновение

превратился в умоляющий. Казалось, сейчас произойдет невероятное! В сердцах этих извергов, этих чудовищ, этих хамасовцев, вдруг проснулось милосердие, и сейчас они отпускают – пусть не всех, но его детей, его Маруана и Мухаммада!

– Маруан, Мухаммад! – крикнул он, протягивая к сыновьям руки.

– Э, нет, так мы не договаривались, – заявил обладатель короткой бородки и наотмашь врезал ему кулаком по лицу. Боль от удара слилась с болью от осознания того, что его отрывают от детей, а затем осознанием того, что его дети обречены. Сюда же вплелся крик Мухаммада: «Папа!» и рыдания Маруана...

Затем все куда-то исчезло, лишь ступени, ступени, ступени, ступени.

Кубарем пролетев лестничный пролет, утирая с лица кровь, он попытался встать на ноги. Короткобородый, легко сбежав по ступеням, схватил его за шиворот, отвесил леща, и Хамид покатился дальше. И дальше, и дальше. Всякий раз, как Хамид останавливался на очередной лестничной площадке, чей-нибудь ботинок отправлял его в дальнейший путь. И так было, пока мордovorоты не вышвырнули его на улицу.

Вот тогда-то это и произошло. Небрежным жестом короткобородый вытащил из кармана пульт вроде телевизионного или от кондиционера. И нажал на кнопку. Послышался звук, похожий на звук реактивного самолета, когда тот пролетает над самой головой. Хамид посмотрел на небо. Вон та крученая белая нить посреди июльской синевы, нить, тянущаяся в никуда, да нет, не в никуда, а на восток, молча говорила: «Прилетит ответ, страшный ответ! Прилетит ответ, страшный ответ! Прилетит ответ, страшный ответ!» Хамид рванулся обратно к подъезду. Скорее, наверх, наверх! Да, конечно, они заперли дверь, ведущую на крышу, но он выломает, высадит ее!..

Кто-то из конвоиров подставил ножку, и под их хохот он распластался на земле. Перевернувшись на спину, он беспомощно наблюдал, как в жгуче-синем небе след от ракеты расплывается все шире... и шире... и шире...

Моше откинулся в кресле, нажал на пульте кнопку отсоединения, и экран погас. Когда-то жители Саада и не помышляли о такой технике.

Потом было общее собрание, на котором обсуждался вопрос – можно ли жителям религиозного кибуца¹ смотреть телевизор.

– Ну, все! – кричал конопатый Гринберг. – Теперь у нас все, как в светской квуце! Скоро дело дойдет до общих душевых и спален для мальчиков и девочек!

«Не дойдет!» – большинством голосов решило собрание и постановило начать закупку телевизоров.

Давно это было...

Моше прикрыл глаза. Тридцать пятый. Тридцать пятый солдат ЦАХАЛа² погиб с начала операции «Несокрушимая скала»³

Тридцать лет назад в Ливане все были твоими братьями. Теперь – все твои сыновья. Все, хотя ты их никогда не видел. Смерть брата безумно тяжела. Смерть сына непереносима.

Справа под мышкой жжет. Какое-то кожное раздражение – должно быть, от дезодоранта. Крутой он, этот “TITANIUM metal”! Тоже ведь в кибуце решали со скандалом – Гринберг вопрошал: «Разве может правоверный еврей обрызгивать себя ароматическим спреем, как женщина?» Рав Биньямин отвечал: может.

Жжет здорово. Пойти бы на кухню за успокаивающей мазью, да лень вставать.

Глаза закрыты, но темноты все равно нет. День-то солнечный. Головой понимаешь, что перед глазами все красно лишь потому, что свет пробивается сквозь кожу век, а там – кровеносные сосуды... ну и так далее. Понимать-то понимаешь, а все равно ощущение, будто сейчас откроешь глаза, а там – прямо к векам подступает океан крови. И эти часы. Те, что на столе, и те, что на стене, с разным тембром, с разным ритмом – достали, честное слово. Ну, вон те, большие, что на стене, они не стучат, а цыкают.

Двадцать лет назад, когда был двадцатилетний юбилей их с Дворой вступления в кибуц, они получили эти часы в подарок от правления. Эх,

¹ Кибуц – первоначально, квуца (группа) – сельскохозяйственная коммуна в Израиле.

² ЦАХАЛ – Армия Обороны Израиля.

³ «Несокрушимая скала» – израильская военная операция в секторе Газа, проведенная с 7 июля по 26 августа 2014 года.

как тогда собратья по кибуцу, от тех, что у него на глазах выросли, до тех, что у него на глазах состарились, кричали «Мазл тов!» И часы такие симпатичные – циферблат в виде океана с плавающими в нем материками, а секундная стрелка – самолетик, что эти материки облетает. И по периметру циферблата – названия городов, с окошечками, в которых можно увидеть, который сейчас час в Париже или Нью-Йорке.

А другие часы, которые не цыкают, а тукают – Моше недавно их купил. Он же староста синагоги, ему каждый день вставать ни свет, ни заря – открывать синагогу, а в шестьдесят четыре года и проспаться недолго, к тому же будильник на сотовом телефоне хочет – работает, хочет – не работает. Вот и пришлось покупать это чудище.

Лежащий на столике мобильник, у которого Моше, как обычно, забыл включить звук после того, как поставил его на тихий сигнал во время молитвы в миньяне, задрожал и слабо загудел.

– Алло!

Голос Арье прозвучал, словно из глубокой пещеры.

– Моше...

И пауза. Пауза, стремящаяся тянуться вечно.

– Арье, что случилось?

Но Моше уже понял, ЧТО случилось. В памяти промелькнуло опечаленное лицо курносой голубоглазой дикторши... «При ликвидации террориста, пытавшегося проникнуть из Газы на нашу территорию, погиб офицер Армии Обороны Израиля». Имени девушка не назвала. По правилам сначала оповещают родных убитого. И вот, похоже, оповестили. Неужели?..

В телефоне рыдало молчание.

– Арье... Шимон?

Казалось, нижняя губа треснула, когда он произнес имя этого мальчика, на чьем обрезании он двадцать семь лет назад, выпив – ну, чуть-чуть лишнего, – отплясывал веселее всех, на чьей бар-мицве⁴ его вызвали к Торе, словно родственника виновника торжества, хотя он не был никаким родственником, а лишь ближайшим другом отца бар-мицвы, на чьей

⁴ Бар-мицва – праздник совершеннолетия мальчика (в 13 лет), а также виновник торжества.

свадьбе восемь лет назад он в свои пятьдесят шесть лет тоже отплясывал, но уже с женихом на плечах, а потом, в роли бадхена – свадебного шута – стоя перед этим же женихом на коленях, откинувшись назад, так что затылок почти касался пола, держал на носу горящий факел...

– Арье...

– Похороны завтра в четыре часа, – послышался голос из бездонной пещеры. В телефоне наступила тишь.

Моше тяжело опустился в кресло. Значит, Шимон.

Он не знал, сколько времени просидел, уставившись на темный экран телевизора, в котором, казалось, ничего не отражается, кроме его собственного лица, его потухших глаз. Пропела сирена, за окнами послышался топот ног, метнулись крики. Моше не пошевелился. Затем громыхнул очередной «привет из Газы», сбитый «Железным куполом». Раздался звонок. Машинально он поднес телефон к уху и услышал голос Дворы. Плач Дворы.

– Моше. Ты смотрел новости?

– Мне позвонил Арье, – прошептал Моше.

– Моше, это жутко, да-да, жутко! – причитала Двора, – Моше, там, в Сааде, где по несколько раз в день звучит тревога, это все не так воспринимается, по-другому! А здесь, в Пардес-Хане, мамы с детишками часами спокойно возятся на детских площадках, где днем на лавочках сидят пожилые люди, а по ночам парни с девчонками на этих самых лавочках попивают водку, и никогда, да-да, никогда не слышно ни сирен, ни взрывов... Здесь если человек смотрит на небо – так это чтобы посмотреть, может, облачко какое смягчит задолбавшую жару... Здесь новости с фронта – как с другой планеты, да-да, с другой планеты! И вдруг эта планета пожирает Шимона, да-да, Шимона...

Моше молчал так же, как недавно молчал Арье. Он находился сейчас куда ближе к Арье, а может, даже и к Шимону, чем к Дворе. Он находился почти на другой планете. Плакать была привилегия землян. Поэтому он прокашлялся и сухо сказал:

– Похороны завтра в четыре, Двора. Так что я завтра... Двора, не хочется мне драпать из кибуца, совсем не хочется! Особенно сейчас, после гибели Шимона. Сквозь боль как-то особенно ощущается, что

каждый должен быть на своем месте. Ты – другое дело. Ты как раз находишься на своем месте – ты в тихой Пардес-Хане спасаешь наших внуков от бомбежек, а может, и от гибели. А я? Я здесь, в религиозном кибуце, староста синагоги, нашей синагоги! Мое дело – организовывать молитвы, собирать пожертвования для раненых солдат и мирных жителей, следить, чтобы люди, заваленные бедами, не переставали Тору учить.

И снова молчание в трубке, но уже иное молчание – молчание внезапно возникшего между мужем и женой отчуждения.

– А я как же? Да-да, как же я? – тихим голосом спросила Двора.

– Двора, – проговорил Моше, чувствуя, что у него пересыхает в горле, – ты крутишься с нашими внуками. Ты пасешь наших маленьких разбойников. А я – я должен быть на своем месте. Мы, конечно, на разных планетах, но это... это не мешает мне любить тебя так же, как я любил тебя на протяжении последних лет, всех последних лет, не переставая любить ни на минуту.

Он почувствовал, как женщина на другой планете сквозь слезы улыбается.

После разговора с женой он долго молча смотрел в окно на видневшиеся на окраине кибуца апельсиновые сады, на кособокие акации, на песчаные холмики, барханы, кипарисы. Ну и что, теперь так и сидеть сиднем? Было у него средство, которое всегда выручало его, когда ком подкатывал к горлу. Он садился в свою «Субару» и ехал на море. Вглядываясь в бесконечность моря, днем жгуче-синюю, а ночью – черную с серебряной окантовкой прибоя, он ощущал другую бесконечность – бесконечность Того, Кто создал и это море, и эту землю, и его самого – Моше Абу. «Ты создал меня? Так помоги мне!» И Бесконечность всегда отвечала: «Да».

Вода в туннеле была по щиколотку. «Дальше будет хуже, – подумал Хамид. – Хотя нет, вряд ли... Сейчас лето, живем мы, считай, на краю пустыни. Так что никакой воды здесь быть не должно. Исчезни, вода!»

Самое забавное, что стоило Хамиду мысленно произнести эти слова, как лужа под ногами начала мелеть и буквально через несколько метров

на ее месте захрустел сухой песок. И не удивительно – ведь пол и потолок туннеля пошли круто вверх, так что Хамид даже почувствовал, что слегка задыхается.

Ну да! Недаром говорят: «Иглой не выкопаешь колодца». А тут – хоть копали не иглой, да кто копал-то? Мальчишки лет по двенадцать! Видно, ребята замаялись здесь кирками махать, а может, тяжело было одновременно вкалывать и в гору тащиться. Туннель-то поуже стал. Да, поуже – не то слово. Кое-где чуть ли не протискиваться приходилось. То есть будь Хамид пожирнее – точно пришлось бы протискиваться. Вот толстый Ясер Тирауи, тот вообще бы не пролез.

Хамид шел, и шел, и шел. Главное – не закрывать глаза. Едва он это делал, как видел того мертвого мальчишку, что, там, сзади, скрючившись, лежал у сырой бетонной стены. Главное – думать о всяких пустяках, а не об этом мальчишке, не о других мальчишках, не о самом страшном. И конечно же не об Маруане с Мухаммадом. А как о них не думать, когда все время перед глазами...

Пот не просто стекал по щекам – Хамиду казалось – он умывается потом. Воздуха не хватало. Голова кружилась. Световое колечко, выбрасываемое фонариком, плясало впереди. Он понимал, что это из-за дрожи в руках. Еще немного, и он потеряет сознание, упадет и... и забудется, забудется, и так никогда и не придет в себя, так и будет тоже, скрючившись, лежать и остывать. Не останавливаясь, Хамид вытащил из сумки литровую пластиковую бутылку с водой и начал жадно пить на ходу, разбрызгивая драгоценную влагу. Это придало сил, но ненадолго. Не пройдя и километра, он опять почувствовал, что ноги его заплетаются, а колечко света двоится... троеится...

Он присел на землю. Сунул руку во внутренний карман брюк, проверил, на месте ли Инструкция, не менее драгоценная, чем влага. Болели стопы, болели лодыжки, болели колени. Ведь предупреждал его Тауфик: «Не лезь в тоннель! Прямо скажем, не выдержишь! Не дойдешь! Как говорится, вытягивай ноги по длине своего ковра!» А он все хорохорился: «Ради того, чтобы увидеть Уленшпигеля – дойду». Ради того, чтобы увидеть Уленшпигеля... Надо бы встать, но сил нет. Ради того, чтобы увидеть Уленшпигеля... Вот так хорошо здесь и уютно сидеть. Ради того, чтобы увидеть Уленшпигеля... И голова вроде бы как и не кружится вообще. То есть кружится, но это как-то незаметно. Ради того, чтобы увидеть

Уленшпигеля... Хамид понял, что стоит перед выбором – встать или умереть. И умирать было совсем не страшно, совсем не больно – даже приятно. Но он не имел права умереть – он должен был встать – встать ради того, чтобы увидеть Уленшпигеля.

Инструкция... Инструкция... Инструкция...

Зимой, в дождливую погоду, когда бродишь по опустевшему пляжу, порой возникает ощущение, что под тобой топь. Не непосредственно под ногами, а где-то глубоко внизу... Где-то там, под коркой песка, прикинувшегося твердой почвой, таится Топь, Хлябь, которая только и ждет, чтобы проглотить тебя, когда ты зайдешь поглубже. А летом песок мертвый. Да и не песок это вовсе, а крупная пыль. И Моше бредет в сандалиях на босу ногу, закидывает голову, смотрит на бесчисленные звезды, которые кажутся ему глазами Б-га, и шепчет:

– Здравствуй, Б-г! Вот опять я пришел к Тебе потому, что мне опять плохо. Не то, чтобы без этого я Тебя забывал – нет! Три раза в день я прихожу в синагогу, три раза в день я шепчу: «Благословен Ты Г-сподь, наш Б-г и Б-г отцов наших, Б-г Авраама, Б-г Ицхака и Б-г Яакова!» Но когда мне плохо, я прихожу к морю, я прихожу к другому Тебе, к Отцу, который склоняется над сгорбившимся от несчастий сыном, к Отцу, который гладит его душу влажными пальцами, пальцами волн, стирая с нее кровь – кровь мальчика Шимона, на чьей бар-мицве я когда-то плясал, кровь десятков еврейских парней и кровь десятков арабских детей, безвинных детей, что расплачиваются за преступления или молчание их родителей, и мою кровь, мою собственную кровь, сочащуюся из души, из души, которая уже не в силах выносить эту многотысячелетнюю тяжесть убийств, убийств, убийств... Кот из пасхальной песенки «Хад гадыя» пожирает козленка, собака разносит в клочья кота, палка проламывает череп собаке, огонь пожирает палку, вода заливают огонь, и над всем этим не прекращает свою пляску ангел смерти и будет плясать, пока Ты, Вс-вышний не прервешь движение этой карусели, кровавой карусели, не пришлешь к нам того, кто остановит эту круговерть, чертову круговерть. Да сколько же можно уже! Сколько лет, сколько лет я живу на этом свете, а тьма лишь сгущается, страшная тьма! И кажется мне порой, что каждый убитый на земле это я, я, и что в каждой чьей-то гибели тоже я виноват, я и никто другой!

Песок был мертвым. А море было живым. Море было теплым. Море дышало теплом. И, пропитавшись этой бескрайностью, Моше начал читать вечернюю молитву. Дойдя до «Восемнадцати благословений», он поднялся с парапета, повернулся лицом в сторону Иерусалима, а к морю – спиной, так, чтобы морское дыхание ласкало его затылок, и заговорил: «Благословен Ты, Г-сподь, Б-г наш и Б-г отцов наших, Б-г Авраама, Б-г Ицхака и Б-г Яакова...»

Когда он дошел до слов «Услышь голос наш», ему показалось, что где-то на небесах отворилось огромное ухо. И в это ухо он зашептал: «Г-споди, приведи на землю Избавителя, а до тех пор, Г-споди, сорви планы раздела Иерусалима и выселения евреев из их домов и верни нам Гуш Катиф и Северную Самарию! Отведи от нас ядерный удар и угрозу большой войны! Сделай так, чтобы бойня здесь, в Газе, поскорее закончилась, чтобы в ней погибло как можно меньше людей – евреев и неевреев, арабов и неарабов. Сделай так, чтобы дети не умирали, и чтобы мы победили тех, кто поднялся уничтожить, нас! Г-споди, вразуми слепцов, вразуми слепцов, мечтающих разрушить мое государство, пусть поймут они, что, убивая нас, они убивают самих себя!

Г-споди! Пусть мои дети будут здоровы и счастливы, пусть мои внуки проживут долгую счастливую жизнь и навсегда останутся верными евреями!

Г-споди! Прими душу Шимона, сына Арье, освятившего гибелью своей Имя Твое! Стремительнее орла и сильнее льва был он, выполняя волю Твою. Отомсти за пролитую кровь его! Пусть душа его будет звеном в цепи вечной жизни вместе с обитающими в раю душами Авраама, Ицхака и Яакова, Сары, Ривки и Леи и прочих праведников и праведниц!»

Молитва закончилась, и – словно боль из души выхлестнулась, и теплая морская волна омыла душу. А море продолжало молча глядеть на него. Пока он читал молитву, оно окончательно успокоилось, исчезла даже пенная кайма – просто языки прибоя ласково, по-собачьи, вылизывали береговой песок и уходили обратно в глубину.

Завыла сирена. Метеором в вышине сверкнула ракета и полетела в сторону Ашкелона. И тут же навстречу ей из темноты вырвался другой метеор – огненный плевок «Железного купола». Вспышка – и где-то вдалеке, на севере, с небес посыпались искры и раскаленные обломки ракеты.

Моше с удивлением отметил про себя, что он, стоя посреди пляжа, вдали от какого-либо укрытия, ни чуточки не испугался. Многоглазый Б-г глядел на него с такой нежностью, что ясно было – ничего дурного просто не может с ним случиться.

Он побрел назад по берегу вдоль парапета, мимо закрытых ларьков и ресторанов, и вдруг остановился. В воздухе витал явственный запах сигаретного дыма. Моше обернулся. Вокруг никого не было. Странно. Рассказать кому-нибудь, что на пляже было накурено, так тут же попросту покрутят пальцем у виска. А между тем...

Он начал подниматься по обшарпанным каменным ступеням, к бензоколонке, где оставил машину.

С портрета, занимавшего чуть ли не половину стены, смотрел человек в высокой черной шапке, с растрепанными волосами, с длинными выщипанными локонами, знакомыми Хамиду по карикатурам в газетах, выходящих в Газе – кажется, такие локоны называются пейсы – и с удивительно пронзительным взглядом, взглядом, под которым хочется вскочить, вытянуться в струнку и отчитаться за все хорошее и – упаси Аллах! – нехорошее, что ты сделал в жизни. А рядом была другая картина – на ней толпа в *галабях* во главе с бородатым фанатиком, указывающим дорогу в светлое будущее, подваливала к морю, и море перед этой толпой послушно расступалось с такой скоростью и силой, что во вставшей слева и справа стенами воде застыли удивленные рыбки.

Хамид смотрел на картинки и ел. Ел шакшуку, которую приготовил Моше. Ел кускус. Ел питы с тхиной. Ел и все не мог наесться. Сколько дней уже как не было у него возможности поесть по-человечески, да, честно говоря, и желания. После смерти Аيي пришлось варить, жарить и печь для детей самому... Удивительное дело – еда потеряла свой вкус. Казалось бы, готовил он по тем же рецептам, а получалось совсем не то. Создавалось впечатление, что Аяя в *оммуали* или в булочки с творогом добавляла еще один ингредиент под названием «любовь». Нет, он, Хамид, конечно же любил своих детей, да и как было их, золотых, не любить? Но вот добавлять в блюда любовь не умел. А после того, как мальчики погибли, ему вообще казалось кошунством заботиться о собственном пропитании и тем более готовить самому себе. Иногда на оставшиеся

деньги покупал он какой-нибудь фрукт или овощ. Иногда – в основном это случалось во время очередного недолгого перемирия, которые время от времени радовали Газу во время операции «Несокрушимая скала», – заходил в кафе и съедал что-нибудь мясное. Денег оставалось все меньше и меньше, но Хамиду было плевать на это. Ему вообще на все было плевать – похоронив всю свою семью, он был готов умереть и даже воспринял бы смерть с радостью. Возможно, во время учебного года, преподавая в школе – если бы в школе по случаю войны не прервались занятия – он бы чуть-чуть отвлекся, обрел бы хоть какое-то подобие смысла существования, что помогло бы как-то удержаться на поверхности, не пойти ко дну, но на дворе стояло лето, каникулы, и он неодолимо двигался к своему концу. Если что-то еще грело его в жизни, то это вера в то, что однажды он найдет того, кто поможет ему поведать миру свою историю и показать эту страшную Инструкцию! Ведь для чего-то же все это произошло с ним, для чего-то Аллах лишил его Айи и детей. Аллах мудр, Аллах еще сделает так, чтобы все страдания Хамида обрели смысл!

– И представляете... – Хамид отхлебнул кофе и продолжил свой рассказ. Еврей слушал внимательно, устремив на него умные, как у собаки, глаза. – Представляете, так ведь я нашел его, я нашел Уленшпигеля! Самого настоящего! Не то чтобы лично нашел, но... Представляете, роюсь я в обломках только что разрушенного здания в поисках съестного... Как назло, ничего, кроме початой бутылки колы и каких-то сухариков. И вдруг – обрывок газеты. Похоже, американской. И заголовок! Только вслушайтесь: «Штутгартский журналист Герман Шредер («Уленшпигель»): «Боль, кровь и пепел Шуджайи⁵ стучат мне в сердце!» Я прямо как прочел... Представляете?

– Представляю, – мрачно сказал Моше. – Только вот...

– Что?!

– Что это за псевдоним такой «Уленшпигель»? Он ведь, должно быть, не вчера его взял и не сегодня. Шуджайия ему сейчас стучит в сердце, хорошо, пусть стучит! А что раньше стучало? Похоже, это какой-то профессиональный пеплостукальщик, сердечный пеплостукальщик.

⁵ Шуджайия – квартал Газы, сильно пострадавший в ходе операции «Несокрушимая скала».

Хамид стиснул зубы. Все-таки этот еврей предоставил ему стол и кров, а что не верит ни во что хорошее в человеке... так ведь еврей же! Хорошо, что он не успел рассказать ему про Инструкцию! Не будет он ему ничего рассказывать! Только Уленшпигелю расскажет – и больше никому!

– А что было в этой статье? – спросил Моше.

– Так ведь он писал о наших страданиях. Кровью писал. А вот кто в наших страданиях виноват...

– Забыл, забыл рассказать?

– Так ведь конец статьи был оторван. Но я тогда решил – разыскать этого журналиста и рассказать ему правду о Шуджайе.

– Ни больше ни меньше, – с грустной усмешкой спросил Моше.

– Ни больше ни меньше, – твердо сказал Хамид.

– Ну, хорошо, – примирительно сказал Моше. – Но зачем самому ехать? Есть e-mail, есть скайп...

– Так ведь вы не понимаете, – Хамид начал раздражаться, – когда говоришь о самом главном, о самом важном – говорить надо глаза в глаза, уста в уста! Да и кто поверит e-mail'у?

– А скайпу...

– Так ведь думал я об этом! Из Газы по скайпу... У меня компьютера давно уже нет, а от кого-то связываться – подставлять его под смертельный удар.

– А отсюда?

Из Израиля? Так ведь скажут, еврей под араба замаскировался! Нет, надо глаза в глаза!

– А для тебя это сейчас самое, самое главное в жизни – рассказать?

– А что еще? Всех, кого я любил, они у меня отобрали.

– Хамид, прости, что задам тебе вопрос... э-э-э... дурацкий вопрос – ты отомстить ХАМАСу⁶ хочешь?

– Нет, – задумчиво сказал Хамид. – Я не мстить хочу, я хочу остановить их.

⁶ ХАМАС – террористическая организация, правящая в Газе.

– О'кей. Кстати, как ты денег-то, денег наскреб на дорогу?

– Так ведь просто! Я продал квартиру.

Он действительно сказал это очень обыденно, но Моше все понял и воскликнул:

– Так ты теперь, выходит, бездомный?

– Выходит, так, – в тон ему ответил Хамид и, быть может, впервые с дня гибели сыновей улыбнулся.

– И много ты за квартиру-то свою выручил?

Хамиду стало смешно. Что можно выручить за квартиру, которую не сегодня – завтра разбомбят? Да еще там, где подавляющее большинство жителей безработные, а те, кто работает, месяцами не получают зарплату. Да и не сказал Хамид самого главного – деньги за квартиру у него давным-давно отобрали хамасовцы. Те деньги, что с поддельным паспортом и Инструкцией лежали у него в полиэтиленовом пакетике, равно, как и те, на которые он купил этот паспорт, были совсем другого происхождения. Но об этом он не имел права сказать никому, даже врагу ХАМАСа.

– А как же ты сюда-то, сюда выбрался? – продолжал Моше свой наивный допрос.

– Так ведь по туннелю! Вот вы с этими туннелями воюете, а если бы не туннель, мне бы в жизни сюда не добраться.

– Ну, как я понимаю, вы тоже, тоже от этих туннелей не в восторге.

– Так ведь кто спорит? Жуткое дело! Хватали людей и принудительно везли строить эти тоннели, без какой-либо техники безопасности. Скольких завалило! А дети! Сколько детей соблазнили платой – доллар в час! А скольких просто расстреляли, чтобы хранить в секрете расположение этих тоннелей! Я сюда шел по тоннелю – так ведь я кости видел! Эти мрази не удосужились даже вовремя трупы убрать. Я мальчика мертвого видел. Только как бы то ни было, благодаря этому тоннелю я здесь.

– Ну, – усмехнулся еврей, – здесь ты, в первую очередь, благодаря Вс-вышнему, а во вторую, во вторую – уж не сочти меня гордецом, немножечко мне.

Хамид кивнул.

– Так ведь еще больше благодаря вашей кипе, белой с дырочками, которую я там, на бензоколонке, принял за *такую*., как и у нас.

– За что за что?

– За *такую*, за арабскую кружевную шапочку, так ведь они тоже белые, как ваша.

– А ты, как ты вообще оказался на бензоколонке?

– Так ведь куда мне было деваться? Выполз из-под земли посреди чистого поля, вернее, посреди пустого пляжа, единственная моя надежда – найти какого-нибудь араба, чтобы он мне помог. И, главное, не нарваться на еврея, который тут же сдаст меня властям.

– Откуда же тебе было знать, что среди евреев тоже встречаются люди, нормальные люди!

– Не надо иронизировать. Мы не сумасшедшие. Да, среди нас есть фанатики, для которых ВСЕ евреи – потомки свиней и обезьян, поэтому эти так называемые исламисты нападают по всему миру на еврейские организации, музеи или рестораны, хотя люди, которые там гибнут, никакого отношения к Израилю не имеют... Но таких фанатиков – горстка. Остальные...

– Ну конечно, остальные нас обожают.

– Никто вас не обожает. Остальные считают, что есть евреи и есть сионисты. Евреи это те, кто тихо себе сидит и молится, желательно в Париже или Лондоне, но пусть даже – Аллах милостив! – в Иерусалиме, только пусть не требуют нашей земли, не отбирают у нас землю, не устраивают здесь свое государство.

– Понятно, а сионисты, сионисты это, те, кто требует вашу землю и устраивают здесь свое государство. Что ж, поздравляю тебя – прямо перед тобой не тихий еврей, который молится в Париже или Иерусалиме, не *зимми*, иноверец, которого вы были бы согласны терпеть, а именно сионист, религиозный сионист!

Хамид весь как бы съежился, скукожился. Казалось, появился у него сейчас возможность исчезнуть, испариться, раствориться в воздушном океане, он бы посчитал ее великим счастьем. Но тут вновь раздался голос Моше:

– Ладно уж, успокойся, я в это время года не ядовит. И в ШАБАК⁷ тебя сдавать не собираюсь.

– А почему? – спросил Хамид. – Вдруг я засланный террорист?

– Вдруг, – ответил Моше. – А вдруг – нет? Вдруг ты говоришь правду? И я человека, человека, пережившего смерть жены и трех детишек, обреку на страдания, на новые страдания. А точнее – на гибель. Подумай сам, что ждет тебя в нашей полиции! Отправят в тюрьму до выяснения всего и поместят в камеру, в камеру к другим арабам. А кто ты для них? Перебежчик! Предатель!

– Так ведь я же никого не предавал, – возмутился Хамид. – Я от ХАМАСа убежал. А ХАМАС мы знаете как ненавидим?!

– Не знаю, но представляю. Еще бы вам его не ненавидеть, если они вас в открытую насильно под наши ракеты швыряют и трупами ваших детей себе путь к победе мостят. Но ваши же собратья в Иудее и Самарии...

– Где-где?..

– В тех местах, которые вы называете Западным берегом... Да и в самом Израиле масса арабов боготворит этих ублюдков. Ну да, здешних-то, здешних арабских детей хамасовцы под бомбы не кидают! Местным арабам противостоят смирные израильские полицейские, в которых можно плевать, тыкать ножами, швырять камни, петарды, коктейли Молотова и за все это от того же ХАМАСа или от ФАТХа⁸ получать звонкую монету. И почти никакого риска, потому что дай полицейские чуть посильнее сдачи, на них сразу набросятся наши родные израильские правозащитники, еврейские правозащитники, а за ними еврейские газетчики да телекомментаторы, и эти уж растерзают, не пощадят, эти будут посвирепее хамасовцев, самых злых хамасовцев. Никакой нацист в жизни не сможет ненавидеть еврея так, как еврей ненавидит сам себя. А что до твоих палестинских и даже израильских соотечественников, так они тебе твоего побега не простят, нет, не простят, и не надейся. Притом полицейским – полицейским плевать – не к евреям же им сажать тебя. Тебе бы одиночную камеру, но ее заслужить надо! Ну не тянешь, не

⁷ ШАБАК – общая служба безопасности Израиля.

⁸ ФАТХ – соперничающая с ХАМАСом террористическая организация, правящая в Иудее и Самарии

тянешь ты на особо опасного преступника. Так что ни к чему тебе в тюрьму.

– Так ведь я особо и не рвусь!

– И не рвись, не рвись! И я тебе вот что скажу – когда ты рассказывал о гибели детей, я понял – либо это правда, и я буду скотом, последним скотом, если тебя сдам, либо ты великий актер, и у меня права нет, нет никакого права загубить такой талант.

– А вдруг я не только актер, но все же и террорист.

– Ты?

Моше расхохотался. Видно было, что вино его слегка закружило, а полномочие в отношении невольного гостя развязало язык.

– Ты террорист? Да ты посмотри на себя! Тебя же соплей перешибешь! Лучше скажи, весело тебе было тогда, в машине, когда я сказал тебе, что везу тебя в еврейский поселок?

Хамид принужденно улыбнулся.

– А то! Выползаю на бензоколонку, вижу араба в *такие*, спрашиваю, куда едет, а он и отвечает: «В Саад!» Так ведь, думаю, арабское название, означает «Счастье»! И откуда вы так здорово арабский знаете?

– Еще бы, еще бы мне не знать, если я родом из Ирака! Так что счастье твое, счастье, что тебе настоящий араб не встретился, а то был бы тебе: «саад»! Правильно говоришь – кипе моей в петли поклониться надо!..

– Так ведь думаю – ну как мне в таком виде прямо в аэропорт ехать, грязному, в рванье... Меня же полиция... Поеду, обращусь к людям в Сааде – они помогут...

– Ну с одеждой люди в Сааде действительно могут помочь, по крайней мере один из них, то бишь я. Брюки-то в самый раз?

– Да, спасибо...

– Что «спасибо»? Что ты нюнишь. Я же вижу, что длинноваты. Ладно, подверни. Подверни, а потом ушьем. Б-г с тобой, подберу, подберу я тебе одежду. А что у тебя с деньгами, с документами?

– Паспорт я купил поддельный, можете сообщать в полицию.

– Не буду, не буду я куда сообщать. Только не дело это. Лучше давай я тебя завтра отвезу к знакомому журналисту, он наш, правый. Он и сделает с тобой интервью...

«Так ведь почему бы и нет? – на секунду мысленно дал слабину Хамид. – Сегодняшнее яйцо лучше завтрашней курицы. И Инструкцию прямо здесь на экспертизу отдать можно. Но нет. Кто на Западе поверит в правильность экспертизы, если она проведена в Израиле? И потом...»

– Нет, саиди Моше, – твердо сказал он. – Мы с вами все-таки – враги. Вы воюете против нас. Я вам очень благодарен. Вы помогли мне, возможно, спасли меня от полиции. Вы подобрали меня на дороге – не знаю, что стало бы со мною, если бы не вы. Так ведь это не отменяет того, что идет война. Идет война, и выступить в вашей газете – значит перейти на сторону врага и выступить против своего народа. Лучше сдайте меня полиции – я не буду сопротивляться. Да и не нужен мне никакой ваш журналист, ни левый, ни правый. Мне нужен лишь один человек – Герман Шредер.

– Я уже сказал, не буду я тебя сдавать в полицию, не буду. Но давай хотя бы выясним через интернет телефон твоего Шредера. А ехать в никуда... У тебя денег-то, денег много?

– Так ведь на первые несколько дней хватит.

– А потом, потом что?

Хамид пожал плечами.

– А если ты его сразу не найдешь? Может, он уехал, уехал из своего Штутгарта на месяц, на два куда-нибудь в Нью-Йорк или даже... скажем, в Шанхай. Журналист ведь!

– Так ведь что-нибудь придумаю.

– Война план покажет?

– Чего-чего? Какой план?

Моше рассмеялся.

– Я сам родом из Ирака, а жена у меня из России.

– Правда? – удивился Хамид. – Так ведь у моего друга, он раньше жил в Шуджайе, тоже жена из России. Не знаю уж, как ее звали дома, а у нас она приняла имя Закия.

– Ну, и как она ладит с родственниками, с мусульманскими родственниками? – спросил Моше.

– Поначалу тяжело было, потом конфликты понемногу, со временем улеглись. Так ведь получилось, что она там за старшую. Муж – он в семье

старший брат. И оба они медики. И хотя она не работает по профессии, все в доме чуть что – бегут к ней, делать уколы. Или она идет к ним, ставит капельницы. Занимается плаванием, фитнесом, готовит русские блюда – так ведь это всех вокруг покоряет. У нее есть диплом кондитера, торты печет. Вку-у– сно! Особенно есть – «Наполеон» называется!

– А где твой друг сейчас? – спросил Моше.

– Так ведь они в Рафиях перебрались. Там почти не бомбят.

– Да, – пробормотал Моше, – и вам несладко, и нам. Хреновая, хреновая вещь война.

– А как вы, иракский э-э-э... еврей, – Хамид с трудом выдавил это слово, – на девушке из России женились? А где она?

– Она сейчас у внуков в Пардес-Хане, а я тут с тобой обжираловке предаюсь. Мы с ней в «Бней-Акиве» познакомились. «Бней Акива» это такая организация, религиозная организация, молодежная. Сионистская, между прочим. Так вот, у моей жены для таких случаев поговорка, русская поговорка – «война план покажет». Дескать, сейчас вяжемся, а там по обстоятельствам будем действовать, по обстоятельствам. Похоже, и ты рассудил, что война план покажет.

– Ну, в общем, где-то так... Как бы то ни было, я вам очень благодарен – вы очень мне помогли и вообще... но я прошу вас – не считайте меня своим союзником. По большому счету, я не вижу разницы между ХАМАСом и ЦАХАЛом.

Моше медленно поднялся, подошел к Хамиду, допивающему очередную чашку кофе, положил ему руку на плечо и тихо сказал:

– Я, честно говоря, не вижу ничего общего. А ты запомни одно: в ЦАХАЛе командир не крикнет бойцам: «Вперед!» Там нет такой команды. Там есть команда: «За мной!»

«При чем здесь это?» – подумал Хамид.

Вот как, значит, на этой стороне происходит. Сначала «у-у-у!» А потом – «бум!»

– Это, – комментировал Моше, – «Купол», «Железный купол»⁹.

А два часа спустя, после очередного «бума», он вошел в комнату к вскочившему с кровати Хамиду и объяснил: «Не волнуйся, это ваша ракета разорвалась на открытой местности. Я проезжал такое место два дня назад, – добавил он. – Там бездомного пса убило осколком. Ужас! Все кишки наружу!»

«Ужас! – мрачно подумал окончательно проснувшийся Хамид, глядя на его белеющую во тьме кипу. – Ужасов ты, дорогой, не видел!»

Угадав его мысли, Моше усмехнулся:

– Я в Йом-кипурскую, в Йом-кипурскую воевал, в семьдесят третьем. И в Ливанскую, в Первую ливанскую. И не такого нагляделся. И друг у меня на руках умирал. И девочку, христианскую девочку видел, которую вместе с семьей зарубили. Но не дай Б-г мне дожить до дня, когда у меня на пса, на бродячего пса, слез не останется! Ну ладно, отбой тревоги. Пойду к себе досыпать.

И только когда из соседней комнаты раздался его храп, подумал Хамид: «Всякий раз, как тревога, он бежит в эту комнату – «хедер битахон», как он ее называет даже когда говорит по-арабски. Наверняка, пока я не появился, он спал в этой комнате, в защищенной, а теперь, выходит, он мне ее отдал?»

Хамид подошел к окну. Низкорослые фонари выстроились вдоль дороги, устремив в землю желто-оранжевые круглые глаза. В их скудном свете не менее низкорослые пальмы шевелили растопыренными острыми пальцами. За ними, точно рисованные декорации, стояли низкорослые плоскоголовые дома. Скучная картина. И вдруг шальная мысль, залетев в мозг, прямо потрянула Хамида. Волны крови заливают его родину, а он здесь распивает кофе с... с кем? Так ведь с убийцей же! Как говорил этот Моше? «И в Йом-кипурскую воевал, и в Первую ливанскую». Воевал – значит, убивал!

А за окном тишина. Тяжелая тишина. Пыльный воздух, пыльная тишина. Затхлая тишина чужого поселения, чужой жизни. Вот проехала машина. Нет, не проехала, остановилась прямо напротив дома. Странная какая-то машина. Зачем-то крутится на крыше синяя мигалка... Велик

⁹ Железный купол – израильская система ПРО, предназначенная для защиты от тактических ракет с дальностью полета от 4 до 70 километров.

Аллах – да это же полиция! Эх, Хамид-Хамид! Расслабился! Врагу доверился! И вот результат: как говорится, бежал от дождя, попал под ливень! Да, конечно, хамасовцы сволочи, так ведь они же свои! А тут... «Хедер битахон» он ему уступил! Забыл, что еще пророк Мухаммед называл евреев лгунами, ведь сказано в пятой суре Корана: «Не считайте иудеев и христиан своими помощниками и друзьями...» Хорошо еще, что Инструкцию ему не показал! Что же делать? Как найти выход... ну да, выход из дома во дворик? Где тут задняя дверь?

Хамид быстро схватил чистую одежду, которую ему приготовил и повесил на стул Моше. Надо же, какой заботливый – ну да, главное усыпить бдительность, а одежду потом полицейские вернут в целости и сохранности, как только глупого араба в полосатую робу переоденут. А араб не такой уж глупый. Араб в новой чистой одежде... куда бы Инструкцию в пластиковом пакете приспособить? Ага, вот моток скотча. Отлично – прямо на тело и наклеим... готово!.. Паспорт на имя Хамида Кулани – хорошо хоть Сари, выправлявший этот паспорт, оставил Хамиду прежнее имя– меньше путаться! А что был Шафи, стал Кулани – делать нечего! Итак, паспорт сунем в бумажник, а бумажник – в карман. Так, сандалии... сандалии на нем – его собственные, драные, он в них из Шуджайи пришел – но ничего, сандалии новые он в аэропорту купит, а лучше не сандалии – Азат, сын Абу Авада, что побывал в Германии, рассказывал: их там не носят – а целые ботинки. А сейчас тихонько, тихонько, на цыпочках – ага, дверь не заперта! В этом – как они его называют – киббуце, заборов нет, ну и отлично.

И вот он уже в соседнем дворе, а вот – уже на соседней улице. Слава Аллаху – сейчас два часа ночи, евреи спят, как куры в курятнике. Но – не расслабляться, не расслабляться! Где же выезд из этого чертового киббуца? В какую сторону бежать?

Ой, кто-то идет! Этого еще не хватало! Как известно, в чужом краю даже заяц может съесть твоего ребенка. Хорошо хоть ночью шаги далеко слышны!

Свернув в первый попавшийся проулок, Хамид оказался на детской площадке. Даже в блеклом свете фонарей горка сверкала разными цветами. Хамид посмотрел на ее ядовито-желтый пластиковый спуск, представил, как по нему скользят Мухаммад и Маруан, и – защемило. Тощим задом плюхнулся он на коня-качалку на пружинах, и показалось,

будто весь Земной шар под ним задрожал.

А что это там за каменный куб в пол человеческого роста рядом с садовыми качелями? Да это же поилка!

Только сейчас Хамид почувствовал, до чего пересохло в горле – и от жары, и от горечи, и от страха, что его схватят, и от неопределенности. Перемахнув в два прыжка через всю площадку, он оказался у куба и увидел, что там два фонтанчика, а по бокам две кнопки. Чтобы не быть Буридановым ослом и не обижать ни один из фонтанчиков, он решил попить воды из обоих – сначала из правого, потом из левого... или наоборот? Ведь часовая стрелка движется слева направо! Стрелка движется слева направо, а пишем мы справа налево! Значит, начнем с правого.

Струйка была очень слабая и тонкая. Пока пил, Хамид несколько раз переводил дух. Перейдем к левому фонтанчику. Хамид наклонился чуть ли не к самому металлическому «жерлу» и что было силы нажал на кнопку. Мощная струя ударила ему в лицо. Ну надо же!

– Ну что, – спросил лейтенант полиции Хаим Саризель сержанта Давида Левина. – Все тихо?

– А что может быть громкого в кибуце Саад? – ответил тот, вылезая из машины. – Ну, кроме ракет из Газы и «Железного купола»?

А сам вспомнил дурацкую фразу из какой-то постановки, которую слушал еще ребенком в Москве: «В Багдаде все спокойно». Что же это была за постановка? Ага, «Алладин и какая-то там лампа!». Или «Али-баба и сорок разбойников»?

Помнит только – он сидит на диване в... они не употребляли слова «салон». Говорили «большая комната». А бабушка по папе, баба Ната, русская дворянка в плотном еврейском окружении, слегка в нос произносила слово «гостиная». Кстати, бабе Нате в этом еврейском окружении было вполне уютно. Именно она настояла на том, чтобы внука назвали еврейским именем Давид. И, впоследствии именно она со своим аристократическим выговором произнесла сакраментальное: «Поднимаем жопы и валим в Израиль!» Бабушка, бабушка, чтобы ты еще сто двадцать лет была здорова!

Так на чем он остановился в своих воспоминаниях? Ах да, пластинка! «Алладин» или «Али баба»? Он не помнит. Помнит только песню «Персидские персики, зеленый чай!» Помнит себя сидящим на диване и – жили они на первом этаже, а потому – на окне решетка. Он про нее еще стих натворил: «На окне моем решетка в виде солнечных лучей».

Давид очнулся. Воздух стал светло-синим. Еще немного, и – недавно еще казавшаяся черной «Крепость напротив Газы», созданная в память об энтузиастах, построивших во время Войны за Независимость Кфар-Даром, Беэрот-Ицхак и Саад, окажется белой. И вон те кипарисы позеленеют. И об их верхушки зацепятся первые лучи солнца. И распахнется небесное окно! И вырастет на нем... все та же «решетка в виде солнечных лучей»!

Ну и где, где его искать? Зал отлета буквально кишит людьми. Прямых рейсов в Штутгарт нет. Как этот Хамид собирается лететь? Через Стамбул? Через Цюрих? Через Вену? Какой же он, Моше, идиот! Утром, когда выяснилось, что его ночной гость сбежал, надо было сразу же звонить в полицию – араб из Газы по фальшивому израильскому паспорту собирается лететь в Германию. Почему он ему поверил?!

Но что это? Вон тот тип у входа в коридор, ведущий прямо к огороженному стеклянной стеной залу, где проходят таможенный досмотр, а там уже и проверка паспортов. Это же его, Моше, белая в мельчайшую полоску рубашка, серые джинсы... Он!

Вот только через весь зал мимо регистрационных стоек бежать...

– Ваш билет? – деликатно осведомилась изящная сотрудница аэропорта, годящаяся ему во внучки, а с нынешними темпами молодежи – и в правнучки.

Моше запнулся. Объяснить ситуацию? Сказать: «Тут араб из Газы едет по фальшивому паспорту»? Мол, наплел про убитых детей, про доброго журналиста из Штутгарта – а вдруг все это ложь, мало ли зачем ему нужна Европа?

А действительно, зачем? И что теперь делать? Поднять тревогу? Ну, хорошо, предположим, тот, кто назвал себя Хамид, сказал чистую правду. Но он же пропадет в этой Германии! Уж лучше израильская тюрьма!

Лучше? Очутиться в камере с другими арабами, может быть, с террористами? Или передадут его Абу-Мазену¹⁰ – пусть арабы сами со своим разбираются. Уж они бы разобрались! Нет, все было сделано правильно. Но сейчас, сейчас-то как быть?

– Ваш билет! – повторила девушка.

Из кармана запела сороковая симфония Моцарта.

Любопытно, что всегда в ситуации, когда решаешь какую-то проблему, и при этом вдруг зазвонит телефон, сразу же начинает искриться – порой даже несбыточная – надежда, что к тебе пробивается кто-то, кто поможет эту проблему решить. Вот и сейчас: ну как – судя по номеру – Зеев, сосед, а по совместительству секретарь поселения, мог бы эту проблему решить? Может, он, Моше, ошибся, и Зеев сейчас скажет: «Араб, который у тебя ночевал, пошел среди ночи гулять, заблудился, пришел ко мне и теперь сидит здесь, тебя дожидается»?

Он показал девушке на телефон, дескать, извини, одну минуточку, и отошел в сторонку.

– Слушаю!

– Моше, где ты?! Ты жив?!

– Здравсьте пожалуйста! С чего бы, с чего бы это мне не быть живым? Я тут по делам вздумал в Бен-Гурион съездить...

– Ты в аэропорту? Барух Хашем! И ничего не знаешь?

– А что я, собственно говоря, должен знать?

– Твой дом разбомбили!

– Что?! Когда?!

– Двадцать минут назад! Они выпустили «Град»! «Купол» не успел перехватить его...

Моше, ошарашенный, вскочил со скамейки. Зеев не тот человек, чтобы так шутить, да и никто другой так шутить не стал бы.

– Дом? Быть не может! Вдребезги, да? Вдребезги?!

– Ну, не то, чтобы вдребезги, но треть дома снесло, а остальное...

– Зеев, погоди, моя жена пробивается! Спасибо тебе большое! Я

¹⁰ Абу-Мазен – лидер Фатха, председатель палестинской автономии.

перезвоню! Алло! Алло!

– Моше! Моше! Моше! – рыдала в трубке Двора. – Ты ранен?! Тебе больно?!

«Вот она, Европа, – усмехнулся Хамид, разглядывая красную полосу на простыне. – Представляешь, приеду в Шуджайю, выйдет Али... Нет, Али уже ниоткуда и никуда не выйдет».

Да, Али, которого расстреляли как якобы агента ШАБАКа, уже ниоткуда и никуда не выйдет. Да и Шуджайи больше нет. Груда развалин и обгорелых трупов, в том числе детских, разве это Шуджайя? Впрочем, есть Мухтар. Да-да, Мухтар Садик! Выйдет Мухтар и спросит: «Ну, как там в Германии?» А Хамид ему: «А что в Германии? Клопы в Германии!» Мухтар поперхнется своим любимым кофе... впрочем, какой кофе?! Кофе сейчас по контрабандным тоннелям везут, а египтяне – не то, что было в золотые времена, когда там правил Мурси – египтяне эти тоннели разрушают, кофе теперь бешеных денег стоит, как и все остальное. Но Мухтар все равно будет кофе пить. Штаны последние продаст, а на кофе наскребет! Так что сделает он маленький глоток золотого такого кофе, драгоценного кофе с кардамоном и скажет: «Ну да! Как это может быть? В Германии – и вдруг клопы?!»

Кровь на простыне. Его кровь. Его, значит, тяпнули. Интересно, куда?

Чесалось почти у щиколотки. Небось, волдырь здоровенный! Хамид подтянул к себе ступню. Волдыря не было, но ранка была – небольшая, словно крохотный вампирчик поработал.

Хамид спустил ноги на пол и потянулся. Осмотрел номер.

Вчера, выйдя из аэропорта, плюхнулся в подъехавшее такси и пробормотал по-английски: «В гостиницу. В центре города – самую дешевую».

«Самая дешевая – «Гамбург», – сказал черноволосый таксист, чья внешность совсем не вязалась с привычным образом белобрысого немца. – Но все равно дорого: одноместный номер – не меньше ста евро за ночь».

Хамид был настолько поражен тем, как хорошо этот чернявый европеец знает расценки в местных гостиницах, что не сразу понял, что тот говорит с ним по-арабски. А когда понял, произнес только одно слово:

«Откуда?» «Из Каира, – отвечал тот. – А ты из Палестины?» «По акценту догадался, – понял Хамид, – я бы тоже мог по акценту узнать египтянина»... Но он ничего уже не мог – в машине укачивало, тьма резала глаза, а измотанность последних дней наваливалась черной тушей. Как во сне, он расплатился с водителем, как во сне, протянул деньги и паспорт девице, исполнявшей роль портье, как во сне, взял ключ и поднялся на лифте на второй этаж.

И вот теперь свежий, хотя и покусанный клопами, стоял он у окна и смотрел на улицу немецкого города, на прохожих, которые, услышав свист мобильного, сообщаящий, что к ним пришла SMS, не трясутся от ужаса и не хватают в охапку ребенка, чтобы бежать как можно быстрее и как можно дальше. Впрочем, SMS к ним приходят от родных или знакомых, от рекламщиков, от кого угодно, только не из штаба вражеского ЦАХАЛа, предупреждающего мирное население, что в такое-то время в таком-то месте будет обстрел.

Прямо напротив гостиницы вытянулось длиннущее трехэтажное здание, на котором между вторым и третьим этажами простерлась надпись сначала черными буквами: "FITNESS / WELLNESS / KURSE", затем красными: "STRONG, FIT + SEXY... nur fur Frauen" и опять черными, но как будто от руки: "ZUMBA". Заканчивалась эта иероглифика изображением полубнаженной женщины.

Повернувшись к окну спиной, Хамид обвел глазами номер. Вот, дружок, какой у тебя, значит, теперь приют. Ни гудения беспилотников, ни руин, ни трупов, ни SMS, сообщающих, что нужно бежать, но не объясняющих куда, ни удаляющегося звука хамасовских ракет, ни приближающегося звука ракет еврейских. Уютный гостиничный номерок. Чисто, очень чисто, хотя изрядно ветхо. Углы отбиты. Ну, понятно, самая дешевая из гостиниц в центре города. Хотя, с другой стороны, какая бы ни была дешевая, на ремонт должно хватать денег.

Неужели он, под чьими подошвами еще три дня назад хрустели осколки стекла, осколки чьего-то дома, чьего-то уюта, чьей-то жизни, способен обращать внимание на такие вещи? Да, способен! Способен! Способен! И, если способен, значит, жив!

Кушать хочется. Хамид оделся и вышел в коридор. Стоило ему подойти к стеклянной двери, ведущей на лестницу, как вмонтированные в потолок лампочки резко вспыхнули, освещая ему дорогу. Как интересно! Хамид

почувствовал себя деревенским увальнем, очутившимся в асфальтовых джунглях. А вот лифт зря останавливается только между этажами. Очень неразумно. Куда бы ты ни поднялся, чтобы попасть в свой номер, придется идти по лестнице.

В холле народу не было. Девушка, сидевшая на «ресепшене», полная и белокурая, улыбнулась и сказала:

– Ваш завтрак вас ждет.

– Завтрак? – удивился Хамид.

– Завтрак входит в стоимость проживания, – произнесла сотрудница гостиницы и вновь улыбнулась.

На несколько секунд Хамид растерялся. Завтрак входит в стоимость? Он не помнит, чтобы вчера об этом шла речь. Правда, за компьютером сидела другая девушка. Хотя он и спал на ходу, но ту запомнил: тоже полненькая, но темноволосая, с большими карими глазами. Нет, вроде бы ничего про завтрак она не говорила... или говорила, но в тот момент его сон на ходу был особенно крепок? И опять же – как быть с *халялем*? Что из того, что здесь подается, может быть правоверный мусульманин?

Белокурая красotka истолковала его растерянность как смущение провинциала, и вышла из-за стойки. На ней была униформа работниц гостиницы, довольно, кстати, необычная – черное платье с белым передником, галстук, состоящий из двух красных ленточек, плоская соломенная шляпа поверх узкого чепца с оборкой, белые чулочки и туфельки на низком каблучке. Очевидно, имелось в виду традиционное одеяние какой-нибудь пейзажки из окрестностей Гамбурга.

Жестом предложила ему сесть за столик, а затем отправилась на кухню, что-то там скомандовала и, вернувшись, довольная объявила: «Сейчас будет яичница!» После чего прошествовала обратно за стойку. «Откуда она знает, что я люблю яичницу? Так ведь яичницу, наверно, можно поесть, что там может быть запрещенного?» – думал Хамид, провожая благодарным взглядом ее крепко сбитую фигурку.

Сам он подошел к автомату, попробовал разные виды кофе и остановился на «эспрессо». Конечно, без кардамона кофе не кофе, это вам любой араб скажет, но что делать с этими европейцами? Опять! Велик Аллах! Вспомни, Хамид, когда ты в последний раз кофе пил! Вспомнил. Вчера. У Моше. А до этого – месяц назад. Значит, этот месячный

недостаток кофе надо срочно возместить. Ведь высший арабский комплимент так и звучит: «Ты мелешь кофе целый день!» Так араб он, Хамид, черт возьми, или не араб?! А если так, то... то такое количество его никак не устраивает. Налют три капли на донышко бумажного стаканчика и думают – достаточно!

Он начал давить на кнопку автомата и давил еще, и еще, и еще, пока стакан не наполнился на две трети. Затем уселся за столик и, потягивая напиток, который мы с вами сочли бы божественным, а он – пародией на божественный, – стал оглядывать холл. Несмотря на название отеля, видов собственно города Гамбурга было раз-два и обчелся, зато все стены были увешаны картинами с изображениями кораблей, верфей и портов. То тут, то там стояли стеклянные витрины с маленькими моделями парусников, а в витрине красовалась большая модель каравеллы.

Справа от стойки, где можно было получить разнообразные соки и фруктовый салат, висела карта. Подойдя к ней, Хамид сразу понял, что Штутгарта он там не найдет. Штутгарт оставался далеко на юге, а бродя по карте, вы оказывались на туманном севере Германии, омываемом холодной Балтикой. Киль... Росток... а вот и Гамбург. Ну как же, крупнейший порт! Вот откуда взялись верфи и парусники.

А это что за стенд там у двери? Сверху – разноцветные проспекты – шпаргалки на предмет того, что туристу следует посетить в славном городе в первую, вторую и прочие очереди? А что снизу? Ого, а вот снизу как раз то, что надо – газеты! Разнообразные газеты, выходящие в Штутгарте. Вот сейчас он просмотрит списки членов редколлегий и в одной из них непременно окажется Герман Шредер («Уленшпигель»). Ну, а дальше – выйти на него – дело техники...

Газета за газетой отработанным материалом летели на соседнее кресло. Перед глазами Хамида мельтешили разнообразные гансы, хуго, альберты и вильгельмы, было несколько германов, но среди них – ни одного Шредера, то есть была парочка шредеров, но среди них ни одного Германа. И уж точно ни в одной редколлегии не значился журналист с псевдонимом «Уленшпигель».

Это дело надо перекурить. Как же он в «Бен-Гурионе» не запасся сигаретами?! В Рафахе в свое время купил свой любимый Pall Mall в темно-синей пачке за пятикратную цену – пятьдесят шекелей, а в аэропорту мог ведь купить сколько угодно пачек по нормальной цене, да

не до того было – все озирался, не гонится ли полиция. А теперь – пожалуйста! Осталась последняя сигарета, и скоро придется тратить драгоценные евро, чтобы купить новую пачку.

Хамид вышел из гостиницы, благо стеклянные раздвижные двери весь день стояли открытыми. Ого, прямо на стене по обе стороны этих дверей висят металлические ящички-пепельницы. Кури – не хочу!

Сладко затянувшись, Хамид вдруг вспомнил, как в первый раз открыл для себя полгода назад эти сигареты-зубочистки, как наслаждался ими, сидя на скамеечке в садике больницы «Аль-Вафа», ждал, когда выйдет Айя, которая работала там медсестрой, и тут вдруг толстый Ясер Тирауи из дома напротив подошел к нему, сидящему на каменной скамейке, взглянул этак ехидно и спросил: «Халь анта наблуси?» – «Ты наблусец?» Почему-то жителей Наблуса традиционно отождествляют с гомосексуалистами. И опять же – если куришь «дамскую» сигарету, значит, гомик. С тех пор Хамид не раз, закуривая, слышал вопрос: «Давно ли из Наблуса?» Пару раз даже не сдержался, дал по физиономии.

Хамид загасил окурочек и, аккуратно сложив его пополам, поместил в настенную пепельницу. Надо же, какие здесь тротуары чистые! Потому, видать, и чистые, что народ не гадит. Не то что Газе – даже Израилю далеко до этих немцев. Правда, в Израиле он сам бывал лишь проездом – но люди говорят!

«Эх, нам бы в наших краях такую чистоту, – подумал Хамид, – да вот публику нашу пойдя приучи! Верно говорят – от ворона не родится сокол».

А вот эту картинку Хамид не то, что в жизни не видел – он представить себе не мог, что такое возможно. Мимо проществовала рыжеволосая особа на каблуках, что увеличивали ее и без того изрядный рост процентов на десять, в джинсах, которые были размера на три меньше того, что они облегали, так что ткань казалась синей краской, тонким слоем нанесенной на голую кожу. Но самое забавное было не это. Дамочка вела на поводке большую красивую... кошку! Кошка была ослепительно белой, буйно-пушистой, с чуть розоватыми ушками и нежно-голубыми глазами. Хозяйка казалась вполне стройной, хотя и крепко сбитой, а кошка явно слегка страдала избыточным весом. Но походка у обеих была одинаково величественной.

«Persian?» – спросил Хамид, едва справившись с изумлением. Женщина кивнула, а затем, улыбнувшись, в свою очередь спросила: «Age

you a cat-lover?»

Хамид пожал плечами, и парочка, не дождавшись ответа, двинулась дальше.

Любит ли он кошек? Да нет, у них в Газе как-то не очень принято их держать дома. Двойственное к ним отношение. С одной стороны известно, что сам пророк Мухаммад однажды, собираясь на молитву, обнаружил, что на крае его одежды спит его кошка. В тот момент он торопился на намаз, не хотел тревожить животное. И что сделал Божий Посланник? Отрезал ту часть своей одежды, на которой лежала его любимица!

А в сборнике хадисов Бухари приводится история, как одна женщина была брошена в Геенну за то, что заперла своего кота и морила его до тех пор, пока тот не умер от голода.

С другой стороны, многие мусульмане считают кошек нечистыми животными – ведь хищники, а значит, могут употребить в пищу что-либо из наджаса (нечистот), например, внутренности своей жертвы. Отсюда прикосновение языка кошки к воде или же к человеку также является нечистым.

А узнал он в белой красавице персиянку потому, что она была копией Сони – кошки, принадлежащей той самой россиянке Закии, о которой он еще вчера рассказывал Моше. Когда Сонечка заболела, Закия связалась с международными организациями по защите животных, рассказала свою историю в русскоязычной группе в Фейсбуке «Израиль любит кошек». В итоге ей удалось совершить невозможное – переправить Соню через КПП «Эрез» представителям израильской организации по защите животных «Тну ла-хайот лихьет». Состояние Сони улучшилось, но ветеринары продолжали лечение и наблюдение. Вплоть до начала войны Закия поддерживала постоянную связь с клиникой.

Кстати, в Шуджайе многие выражали возмущение поступком Закии. «Тут дети в больницах умирают, – шипели они ей вслед, – а эта со зверьем возится!»

«Сами вы зверье!» – огрызалась Закия.

Как часто бывает – зацikliшься на какой-то проблеме, и кажется – нет решения. Потом вдруг отвлечешься, а когда вновь вернешься, взглянешь свежим взглядом и все увидишь по-иному.

Вот и теперь – не успел Хамид вновь вернуться к делам своим

скорбным, как проклюнулась новая, спасительная, мысль: если Шредер и не работник редакции, то в газетах-то он все равно печатается. Это называется – фрилансер. Значит, надо просматривать газеты, пока не наткнешься на его фамилию и псевдоним, не только в списке сотрудников редколлегий, но и в качестве подписей под статьями. В какой газете наткнешься, в ту редакцию и бежать надо. Не может быть, чтобы в редакции не было телефона сотрудника, даже и внештатного.

Хамид вернулся в холл и бросился к вороху газет, безнадежно разбросанных по креслу. Перебирая одну за другой, он начал читать подписи под статьями. При этом в самих статьях он не понимал ни слова, но это было неважно. Schroder Herman (“Ulenspiegel”)... Schroder Herman (“Ulenspiegel”)... Schroder Herman (“Ulenspiegel”)... Трупы газет ложились друг на друга, пока последняя «Ди Вельт» не накрыла белыми крыльями, испещренными письменами, скукожившиеся, а точнее, полускомканные «Унтертюркхаймер Цайтунг» и «Штутгартер цайтунг». Не понимая ни что происходит, ни что в этой ситуации делать, Хамид решил еще раз перекурить, выудил из кармана пустую темно-синюю пачку из-под Pall Mall'a, скомкал ее и пошел к автомату покупать новую пачку.

Синего Pall Mall'a не было. Хамид решил взять белую пачку «Мальборо», поскольку, как известно, белый цвет – признак «лайта», бросил четыре с половиной евро в прорезь, но ничего из автомата не выскочило. Хамид подошел к девушке на «ресепшене» и пожаловался на жадную машину. Кстати, это была уже не блондинка, а другая девушка, та, ночная, кареглазая. Девушка оторвалась от компьютера, вышла из-за стойки и, покачивая бедрами, проплыла мимо Хамида, вертя в руке какую-то пластиковую карточку наподобие «Визы». Эту карточку она то ли вставила в какую-то прорезь, то ли приложила к какому-то окошечку на поверхности автомата.

– Все, – ласково сказала она Хамиду, – можете пользоваться.

И поплыла обратно к стойке, причем одарила араба улыбкой почти официальной и одновременно обожгла его взглядом, исполненном такой страсти, что Хамид аж поежился: «Что это с ней?!»

«Мальборо» оказалось редкой гадостью; «лайтом» там и не пахло. Сделав несколько затяжек, Хамид вынужден был согласиться с надписью на пачке. Правда, полностью прочесть ее он не смог, но слово “Impotenz” разобрал, понял, к чему, по мнению медиков, ведет курение, и мрачно

признал: «Курение таких сигарет – без сомнения ведет к этому самому!» Разумеется, никакая блестящая идея под их воздействием в голову прийти не могла. У входа в гостиницу Хамид, пустым взглядом шаря перед собой, обратил внимание на половичок с надписью: “Herzlich Willkommen”. Ну, “Willkommen”, это, наверно, родственное английскому «Welcome», а вот что такое «Herzlich»? А, ну конечно же: “Herr” – по-немецки «господин» это всякий знает. “Herzlich¹¹ Willkommen” – «Добро пожаловать, господа!»

Хамид был дважды доволен – и тем, что так легко разгадал неожиданный ребус, и тем, что сумел еще раз отвлечься от проблемы и опять сможет посмотреть на нее свежим взглядом. Свежий взгляд действительно помог – через секунду Хамид, окрыленный новой идеей, уже стоял у «ресепшена» и, поглядывая на млеющую от вожделения толстушку, рычал в трубку: «Алло, справочная?! Справочная?! Справочная?!»

– Давайте я, – мягко и одновременно с тем повелительно произнесла толстушка и, буквально выдернув у Хамида из рук трубку, стала повторять под его диктовку. – Schroder Herman, ja, ja!..

Наступило молчание – очевидно, она ждала ответа. Вдруг, выдав очередное “ja, ja!”, как-то странно дернулась и возмущенно затараторила по-немецки. Снова воцарилось молчание, во время которого немка пару раз картинно закатывала глаза, а потом тайком скашивала их на Хамида – «ну, мол, как я тебе?» Потом опять “ja, ja!” и, выслушав окончательный вердикт, она обескураженно положила трубку.

– Нет в Штутгарте Германа Шредера. Есть несколько других Шредеров – Хайнрих, Курт... Нет смысла им звонить – Шредер распространенная фамилия. Это наверняка однофамильцы.

– А вдруг родственники, и они знают, где...? – прошептал Хамид.

– Вряд ли, – пожала плечами девушка. – Только время потеряем.

– Что же делать? – уже в полной растерянности пробормотал Хамид.

– Сейчас подумаем... Так вы говорите, он журналист, и его псевдоним «Уленшпигель»? Хорошо. Посидите пока вон там, попейте кофе, а я пока пробежусь по интернету. Кстати, меня зовут Марион.

– Спасибо, Марион, – пробормотал Хамид.

¹¹ Herzlich (нем.) – сердечно.

Через пару минут она подошла к Хамиду и сообщила:

– Герман Шредер – псевдоним «Уленшпигель» регулярно печатается в газетах «Штутгартер Альгемайне Цайтунг» и «Нойе Штутгартер Цайтунг», а также на сайтах... так, ну это ладно... Редакция «Нойе Штутгартер Цайтунг» находится совсем недалеко отсюда – Шлоссштрассе 17, но только... Но только, думаю, будет лучше, если... ммм... если мы с вами вместе подойдем...

– Почему? – удивился Хамид.

– Видите ли... Насколько я поняла, ваш Герман Шредер фрилансер и печатается в разных газетах.

– Ну и что?

– А то, что в редакции могут дать номер его домашнего телефона или адрес или e-mail, а могут не дать. И... и будет лучше, если мы пойдем вместе.

Треть дома. Но какая треть! Пол покрыт щебенкой, которая еще недавно была частью стены. А другая стена похожа на обожженный скелет, откуда паутинятся жилы проводов. Где был потолок – голые балки. Дверь ванной комнаты снесена, и там спущенным белым флагом с белого пластмассового карниза свисает клеенчатая занавеска, осыпанная известкой. А вот здесь угла в доме вообще нет – вместо него дыбом встали бетонные блоки с торчащими из них стрелами арматуры.

Он ходит по своему дому, а под ногами пружинят груды досок да хрустят осколки стекла, через которое он еще вчера смотрел на деревья, на людей, на небо. Вот здесь стояло кресло, его любимое кресло... остались обугленные щепки. Здесь он вчера сидел и вспоминал Шимона. И сидел бы сегодня, сидел бы в ту минуту, когда долбанул «Град»¹², если бы...

Если бы... если бы...

Да ведь это «хедер битакон», комната-убежище. Не выдержала, не выдержала прямого попадания!

Так вот что такое холодный пот! До шестидесяти лет дожил Моше и

¹² «Град» – реактивная система залпового огня.

только сейчас понял – холодный пот это когда смотришь на то место, где должен был лежать твой труп. И лежал бы, если бы... если бы...

Если бы не Хамид!

Перед тем, как выйти на улицу, Марион успела переодеться. Вместо дурацкой соломенной шляпы и всей этой веками овеванной униформы на ней был модный темно-серый комбинезон с брюками, расклешенными от бедра, того же цвета сумка с длинной бахромой висела на обнаженном пухлом плече.

Обрамленная старинными, но довольно высокими домами, улица изгибалась дугой. Хамид и Марион пошли вдоль трамвайных путей. Идти было недалеко, хотя пару раз их все-таки обогнал новенький желтый блестящий трамвай. Псевдоготика вековой или двухвековой давности неожиданно сменилась вполне современными домами-кубами.

– Пришли, – объявила Марион и, оставив Хамида перед тяжелой дверью, втиснувшейся между огромными окнами-витринами, двинулась внутрь одна.

– А я? – спросил Хамид.

– Здесь подождешь, – отвечала она, затем, в очередной раз критически оглядев Хамида с головы до ног и не менее критически покачав головой, мрачно констатировала: – Араб.

– Но почему, почему? – возмутился Хамид. – Ну и что, что араб? Так ведь они же сочувствуют нам! Так ведь они же нас любят!

– На расстоянии! – подытожила Марион и, войдя в подъезд, захлопнула дверь прямо перед носом Хамида. Просто захлопнула, не заперла. Но... не может быть! Это наваждение! Эта зеленая дверь была точной копией той, к которой он тогда, в тот проклятый день, рванулся, чтобы спасти Мухаммада и Маруана. Вот в правом верхнем углу невесть откуда взявшиеся застывшие капли белой краски. Вот внизу кем-то выцарапана буква՝ «та марбу́та». А это что? Откуда взялись эти красные пятна?! Велик Аллах! Да это же отпечатки его собственных рук, когда он впился исцарапанными, окровавленными пальцами в эту запертую дверь, дверь подъезда, которую никогда никто не запирает, а вот теперь она стала неприступной, и он яростно, безуспешно, безнадежно пытался выломать,

высадить, выдавить ее! А потом... а потом там, на востоке, раздался этот страшный звук, нарастающий с бешеной скоростью. И оно ударило! И земной шар тряхнуло. И сквозь гром послышался хор ужаса, и Хамиду показалось, что в этом многоголосье он слышит, как Мухаммад и Маруан зовут его. И вновь тишина, только грохот разваливающихся балок да треск нарастающего пожара. А затем открылась бездна, из которой хлынули океаны огня – то алого, то рыжего, то оранжевого – и черного дыма. И были они неиссякаемые. А он стоял посреди улицы, задрал голову, и смотрел, смотрел на это извержение, на эту рыжую, алую, черную, золотую лаву... И увидел, как к двери подходит лично командир хамасовцев, короткобородый, без маски. Вытаскивает из кармана ключ, не торопясь отпирает дверь, на которую успели уже опуститься первые хлопья пепла, и жестом радушно приглашает Хамида внутрь.

– Вот...

Голос Марион пробудил его. Он осмотрелся. Дверь была совсем не та. Капли краски были никакие не белые, в отличие от той, что в Шуджайие, а светло-бежевые. «Та марбута» была никакая не «та марбута», а просто царапина. Отпечатков окровавленных пальцев не было вообще – они Хамиду пригрезились.

Хамид посмотрел себе под ноги. Там лежало два окурка, докуренных до фильтра и один выкуренный наполовину. Это значит, он их высмолил, пока грезил наяву. Впрочем, такую гадость только в бессознательном состоянии и можно курить.

– Ну, и долго ты будешь очухиваться?..

Марион, насмешливо глядя на приходящего в чувство Хамида, который со стороны казался просто заспанным, протягивала ему какую-то бумажку. А он медленно перетекал из той вселенной, где заживо сгорали его дети, в ту, где на тихой немецкой улице его тормозила немецкая девушка.

Почти машинально взял он зеленоватый квадратик и увидел набор цифр и имя человека, которого он искал.

– Фрилансеры, – пояснила Марион, – по редакциям не сидят. Хорошо хоть номер телефона дали.

– Так ведь скорее в гостиницу! – воодушевился Хамид. – У меня же нет мобильного! Я позвоню с ваше... ну, с вашей стойки... Там телефон!

– У меня и здесь телефон, – спокойно сказала Марион, достав из сумки

с бахромой и великодушно протягивая ему сотовый. – Звони.

Но позвонить Хамиду не удалось. Сначала были длинные нудные гудки, это тянулось так долго, что Хамиду стало казаться, будто Шредер откуда-то издалека едет домой и слышит – тоже издалека, – как у него дома звонит телефон и как он, Хамид, дышит в трубку, дрожа от нетерпения, и Шредер торопится, торопится. Но не успел. В телефоне щелкнуло, и приятный женский голос начал что-то обстоятельно вещать на немецком. Выхватив у Хамида из рук аппарат, Марион нервно приложила его к уху и чуть ли не с торжеством произнесла: «Абонент вне зоны доступа. Оставьте сообщение».

Сообщение! О чем? О том, что он просит о встрече? Но как им потом связаться?

– Ты должен купить себе сотовый телефон. У тебя деньги-то есть?

Хамид кивнул.

– Ну вот и хорошо. Иди прямо по этой улице, дойдешь до Кёнигштрассе, там магазин “Clove”. А я пойду, мне до пяти работать. Еле упростила Катрин подменить меня на час.

Она резко развернулась и двинулась прочь.

– Спасибо большое! – уже практически вслед ей крикнул Хамид.

Как вкопанная остановилась Марион.

– Спасибо? Ну, нет, одним «спасибо» ты не отделаешься. Ровно в пять я заканчиваю, ровно в пять ты ждешь в своем номере...

– Жду чего? – пролепетал Хамид.

Только стук каблучков был ему ответом.

Замотанная в шаль старуха сидела на асфальте, раскачивалась из стороны в сторону и пела...

Подойдя ближе, Хамид обнаружил, что слегка ошибся. Во-первых, не очень старуха. Ну, лет сорок-пятьдесят, не больше. То есть в глазах, скажем, его отца – да упокоит Аллах его душу! – она бы считалась

старухой, но сейчас, когда врачи так хорошо работают... ну в общем, не старуха сейчас сорокапятилетняя. Но эта вот женщина выглядела глубокой старухой. Во-вторых, что значит «пела»? Выла – да, голосила – да, но пела? Пеньем это назвать было трудно. И слова разобрать было трудно. Явно это был не арабский язык. Скорее всего, турецкий, а быть может, фарси. Но это была единственная мусульманка, которую он встретил за все время в Штутгарте, если не считать ночного водителя. А еще говорят, мол, в Европе сплошь мусульмане. А где они? Уже почти час как бродит он по городу – и ни одного! Нет, смуглых много, но поди разбери откуда они! Может, бразильцы какие или греки. Мусульманин – он должен в мусульманской одежде ходить. Правда, в Газе и даже в его родной Шуджайие полным-полно мусульман, которые одеваются по-заморски. Так ведь то у себя дома! А среди гяуров нужно подчеркивать свою верность Аллаху. Конечно, сам он одет по-европейски, чтобы не сказать: «по-еврейски»... да нет, еврейского в его одежде ничего нет, разве что вся она с еврейского плеча! Вот именно! Его ли вина, что половина его галабеи в виде лоскутков осталась в туннеле между Бейт Хануном и Кисуфимом? Как только он здесь осмотрится, обязательно купит себе национальную одежду. Но сейчас проблема куда более насущная – голод и как с ним бороться в стране, где свинина – национальное блюдо.

В очередной раз позвонив Шредеру со свежескупленного аппарата и в очередной раз выслушав монолог автоответчика, он подошел к поющей старухе, присел на корточки и вежливо произнес: «Халь юмкынука ан тансахуни ила матхам халяль? – Вы можете порекомендовать мне халяльный ресторан?» По тому, как женщина отшатнулась, он понял, что арабского она не понимает.

Спустя пять минут после фиаско со старой турчанкой или персиянкой, Хамид признал своего в некоем бородатом подростке, но подошел к нему с определенной осторожностью – в Газе такая внешность явственно указывала на принадлежность к ХАМАСу.

– Какой там ресторан?! – махнул рукой юный бородач. – Иди прямо, и через пять минут справа будет шаурма.

И через пять минут он снова был дома. Он сидел за столиком, ел настоящую шаурму и запивал настоящим кофе с кардамоном. Он закрыл глаза. Запахи... Запахи были тамошние, родные! Речь... Речь рядом звучала арабская, правда, с каким-то непонятным акцентом, похоже,

тунисским. Вокруг стульев с визгом бегали малыши... если покрепче зажмуриться, можно представить себе, что это Мухаммад и Маруан...

– Ну что, освоился? Как там в «Гамбурге»?

Хамид открыл глаза и посмотрел непонимающим взглядом на мужчину в черной футболке, который тряс его за плечо.

– Не узнаешь меня?! Ну да, ты же тогда спал на ходу! Я – Гамаль, шофер, который вчера вез тебя в гостиницу из аэропорта.

Какая, спрашиваешь, печаль заставила меня по воле Аллаха покинуть родную Газу и переместиться в вашу холодную Германию? Ну что ж, Гамаль, слушай. Жил я себе в Шуджайе, это предместье Газы, молился Аллаху, работал в школе, учил детей английскому языку. Говорят, здесь, в Германии, в школах запрещают бить детей плеткою. Так ведь, поверишь мне – за двенадцать лет работы в школе ни разу никого не ударил. Меня даже к директору однажды вызывали – дескать, дисциплина у тебя, дружище, страдает, а ты с ними, засранцами, либеральничаешь.

– В народе говорят, – перебил его подремывавший дотоле Гамаль, приоткрыв один глаз, – «лучше заставлять дитя плакать, чем самому потом плакать о нем». У тебя-то самого жена есть?

– Была, – ответил Хамид, – Красивая... Айя звали.

– Одна?

– Так ведь мне второй не надо. И три сына были – Мамдух, Маруан и Мухаммад. Нет, дома у нас своего не было. Так ведь последние девять лет – блокада, стройматериалы достать невозможно – все уходит на строительство бункеров да туннелей, а если что сыщешь, то стоит бешеных денег. И дернул нас шайтан этот ХАМАС выбрать себе на голову!

– На выборах-то, небось, за него голосовал?

– Конечно, за него! Так ведь все за него голосовали! Казалось так просто: ФАТХ – сплошное ворье, а ХАМАС – честные верующие люди, кстати, собирающие огромные пожертвования для бедных, ФАТХ интифаду проиграл, а ХАМАС выиграл. В Рамаллу и в Шхем, где правит Аббас, еврейские войска заходят, как к себе домой, кого хотят отстреливают, кого хотят арестовывают, а из Газы, где хамасовцы

«кассамы» пуляются, евреи и армию выводят, и поселенцев силой изгоняют. Головой-то я понимал, что радоваться тут нечему, что от еврейских теплиц в их поселениях, да и от строительства в самих поселениях, мы ничего плохого не видели, только рабочие места, и это при нашей повальной безработице. И самое главное – мне было ясно, что оккупация – это, конечно, плохо, но бандиты у власти, что у нас, что в Рамалле – куда страшнее. Так ведь понимать я понимал, но, когда на улицах ликование, когда ученики прибегают с шербетом и мухаллабией и поздравляют, когда жена приходит с работы, сияя от счастья, тогда волей-неволей заражаешься этим настроением, и ноги сами пускаются в пляс. Ну, а там уже и выборы были на носу. Это потом, когда прошла эйфория, мы поняли, кого выбрали, да и то не сразу. Зато со временем поняли еще кое-что – что черные дни оккупации, когда можно было говорить что хочешь, миновали, и теперь нужно держать язык за зубами, если не хочешь бесследно исчезнуть, как Али Суейф, выразивший во время разговора в кофейне сожаление, что израильтяне в две тысячи третьем, стреляя с воздуха, только ранили Исмаила Ханию¹³.

Но жизнь продолжалась. Рождались сыновья, выросли ученики, появлялись седые волосы, выздоравливали люди, которых лечила Айя. К несчастью, в день, когда ХАМАСовцы стреляли с территории больницы, где работала Айя, туда заявился Мамдух – маму навестить. Вот и навестил. Я потом видел их обгорелые трупы – лежали у ограды больничного садика. Ответным израильским ударом накрыло... Ты знаешь, что такое хоронить своего ребенка? Ты знаешь, каково отворачиваться, закусив губу, когда твои дети спрашивают: «Папа, а когда мама с Мамдухом вернутся?»

День за днем евреи атаковали Шуджайю. День за днем хамасовцы стреляли из дворов, из школ, из жилых домов, а евреи послушно отвечали им, уничтожая давно покинутые бандитами ракетные установки, а заодно и мирных жителей, которых хамасовцы использовали как живой щит. Я удивлялся и тем, и другим. Зачем евреям так подставляться? Неужели нельзя придумать что-нибудь другое, чтобы не идти на поводу у негодяев. Так ведь и хамасовцам я удивлялся. Ну хорошо, равнодушные репортеры, скороговоркой перечислив сколько ракет упало на территорию Израиля, направляют объективы камер на руины, из которых торчат куски ржавой

¹³ Исмаил Хания – один из лидеров ХАМАСа.

арматуры, на окровавленные тела и на детей с перевязанными обрубками рук и ног. «Так ведь найдется, – думал я, – журналист, которому, как Уленшпигелю, пепел Шуджайии стучит в сердце?» Что-что? Ах, кто такой Уленшпигель... Так ведь это герой романа одного бельгийского писателя, который... а впрочем, неважно. Важно, что рано или поздно появится такой журналист и крикнет на весь мир, что король голый, и расскажет всему свету о том, кто истинный виновник нашей боли, нашей крови, нашего пепла. Но журналист не появлялся, дома продолжали рушиться... И вот однажды я получил СМС, где израильтяне меня предупреждали, что наш дом находится в зоне обстрела и они просят нас немедленно его покинуть. Мы с Мухаммадом и Маруаном, в чем были, влезли в мой полуразвалившийся «фиат» и поехали куда глаза глядят. Ах, если бы эти глаза поглядели в другую сторону, быть может, мои дети были бы сейчас живы. Так ведь недалеко мы уехали – квартала два или три проскочили, а там... там – улица была перегорожена. Они выволокли нас троих из машины, затащили в четырехэтажный дом и погнали вверх по лестнице. А потом была крыша.

Машина завернула налево, резко замедлив ход, нырнула под мост и понеслась по главному проспекту Пардес Ханы, время от времени замедляя ход на «кикарах», – маленьких круглых площадях-перекрестках.

Права была Двора. Действительно здесь после Юга, не вылезаящего из-под бомб, поражала тишина. Тишина была написана на лицах.

О чем он? Сейчас самое главное – осмыслить то, что с ним произошло. Итак, к нему на бензоколонке в тот момент, когда он садится в машину, подходит араб, некий араб, и спрашивает, куда он, Моше, едет. Случайность? Конечно, чистая случайность. В результате араб оказывается у него в доме – тоже случайность, но уже не такая... чистая, так сказать. Хотя, с другой стороны, какая же она – грязная, что ли? Просто это нормально – встретив человека, которому некуда идти, предложить ему разделить с тобой хлеб и кров. Это то, чего от нас требует Вс-вышний. Да-да, тот самый, которому Моше так пылко молился на берегу за несколько минут до странной встречи. Значит, ничего случайного в том, что он приютил путника, нет. Идем дальше. Ночью гость исчезает. О кей, поведение арабов вообще непредсказуемо. То есть отнесем это к

случайности, хотя на самом деле есть здесь какая-то закономерность, просто мы ее не знаем.

Обнаружив «пропажу», Моше оказался перед выбором – звонить в полицию, отправиться в «погоню» самому или махнуть рукой – «что он, сторож брату своему», двоюродному, кстати? Последний вариант явно не годился, потому что – да, сторож! Ведь он, Моше, как и все люди, потомок Шета, а не Каина, чтобы так отвечать. И все, выходит, друг за друга в ответе. Но и первый вариант – не выход. Он уже обдумывал его, и не раз, – это значило подставить Хамида, может быть, даже рискнуть его жизнью. Следовательно, никакого выбора, реального выбора у Моше не было. Не мог, не мог он не поехать в аэропорт. А значит, ничего случайного в этой «цепочке случайностей» нет. Выходит, Хамид был послан Вс-вышним, чтобы спасти Моше, а не только Моше послан Вс-вышним, чтобы спасти Хамида.

Стоп-стоп, не так быстро!

Мысленно сказав себе это, Моше даже машинально нажал на тормоз, за что и заслужил гудок из «мазды», чуть было не упершейся ему в бампер, а вслед за тем и наилучшие пожелания от ее хозяйки.

Моше вывернул свою «субару» ближе к тротуару, вильнул спасенным бампером и пропустил вперед «мазду», чьей владелицей оказалась очаровательная блондинка, которая, как показалось Моше, смотрела не на дорогу, а все больше на внутрисалонное зеркало дальнего вида, любуясь своей красотой.

«Но ведь он меня действительно спас, а я... я даже не знаю, где он сейчас находится!» – с огорчением заключил Моше, въезжая во дворик дома, где жила одна из его дочерей и где сейчас его Двора покоряла вершины педагогики, занимаясь выпасом внуков. Чуть ли не из-под самых колес выпорхнули многочисленные разноцветные кошки, базирующиеся на здешней помойке.

Опять накурено! Да что же этот запах преследует его, ведь рядом никого нет?!

Моше поднялся по лестнице и надавил на дверную ручку. В следующий момент его обнимала Двора со свисающими с нее малышами. Самые ловкие вроде пятилетнего Хаима и шестилетнего Меира умудрились переползти с бабушки на дедушку и теперь раскачивались на нем, как на лиане.

После бурной встречи Моше, оставив сумки у двери, двинулся в отведенную ему и Дворе комнату. Вообще-то, по сравнению с тем, как набилось в квартиру Леи многочисленное потомство Моше, покинувшее обстреливаемый Юг, пресловутым сельдям в бочке впору было бы аукаться.

Оказавшись наконец в одиночестве, Моше первым делом бросился к компьютеру. Пока тот загружался, он нетерпеливо щелкал пальцами. Наконец на экране возник долгожданный Google. Моше быстро заработал пальцами, и в окошке появилась надпись: «Герман Шредер (Уленшпигель)».

– В общем, как говорится, бежал от дождя, попал под ливень! Что делать! Пошел я наугад и, представляешь, через некоторое время услышал... знаешь, какое-то шипение или шуршание. Так ведь это вдалеке, в нескольких километрах от Саада, дышало ночное шоссе. Шоссе никогда не замирает, никогда не засыпает. Шоссе ждало меня, шоссе рвалось помочь мне, шоссе, когда я наконец до него добрался, обойдя во тьме охрану киббуца, прислало мне такси с водителем, настоящим евреем, который сразу понял, что я араб, но плевать ему было, его лишь деньги интересовали, он мать свою еврейскую готов был продать за деньги, я сказал ему «в аэропорт Бен-Гурион» и он повез меня в аэропорт Бен-Гурион, и доброе шоссе понесло меня в аэропорт Бен-Гурион, прочь от евреев, прочь от арабов, к тому единственному в мире человеку, которому небезразлична кровь моих несчастных детей, к Герману Шредеру, Уленшпигелю... А главное – я везу с собой...

Он хотел рассказать про Инструкцию, но вдруг замолчал. Гамаль продолжал сидеть с закрытыми глазами. «Неужели заснул, пока меня слушал?» – подумал Хамид.

– Гамаль, – осторожно прошептал Хамид.

– Да думаю, думаю, не сплю я! – раздраженно отвечал Гамаль.

– Думаешь? – недоуменно спросил Хамид. – О чем думаешь?

– Думаю, безнадежен ты или нет?

– Я? В каком смысле безнадежен?

Хамид ничего не понимал, а Гамаль, не размыкая век, продолжал

рассуждать, словно не слыша его, а может, и действительно не слыша.

– Предположим, тебя можно убедить или купить. Это означает, что ты не безнадежен. Другой вариант – тебя не удастся ни убедить, ни купить. Это значит, ты безнадежен, и тогда тебя надо убить.

– Меня?! – не столько ужаснувшись, сколько удивившись, переспросил Хамид.

– Ну не Шредера же, – устав от общения со столь бестолковым собеседником, охнул Гамаль. В голосе его была какая-то удивительная твердость. Там, где должны были звучать восклицания, было лишь спокойствие. – Шредера убивать пока не за что. Вот если ты снабдишь его нежелательным материалом, тогда придется и его. А чтобы этого не произошло, профилактически только тебя.

– Так ведь если не убивать, то убеждать меня ты собираешься. А в чем?

– А вот в чем! – Гамаль как-то встрепенулся, весь подтянулся. Он уже не кемарил, развалясь на стуле, а нервно прикуривал сигарету от сигареты. – Враги захватили нашу землю. Враги отправили сотни тысяч наших людей в изгнание. Враги одним своим существованием, одной лишь попыткой установить свою власть на земле ислама, – оскорбляют нашу веру.

Погоди, погоди, Гамаль, так ведь ты же египтянин, а не палестинец! Откуда у тебя эта хамасовская бредяти... эти хамасовские идеи? Ты часом не из братьев-мусульман?

– Все мы братья, и все мы мусульмане, – уклончиво отвечал Гамаль. – А до ублюдка Ас-Сиси¹⁴ мы еще доберемся! Кабы не он, черта с два я бы сейчас торчал в Штутгарте вместо того, чтобы гулять по Каиру.

«Хамасовцы, братья-мусульмане, – подумал Хамид. – Какая, к шайтану, разница! У лука, как говорится, всегда один и тот же запах!»

Гамаль между тем продолжал:

– У наших врагов танки, самолеты, «Купол» этот проклятый! А что у нас? Да почти ничего. «Грады», которые они сбивают, как яблоки с ветвей.

¹⁴ Ас-Сиси, президент Египта, возглавил военный переворот 3 июля 2013 г., сверг предыдущего президента Мухаммеда Мурси. В Каире были арестованы более 300 членов партии «Братья-мусульмане».

«Калашниковы», с которыми наши ребята пытаются – без особого успеха – выползти из туннелей на территории, захваченной врагом. «Корнеты» и РПГ, с которыми они встречают вражеский авангард в развалинах своего дома. Мы фактически беззащитны. И при этом мы побеждаем. Мы все время побеждаем. Мы выбросили их из Газы. Мы выбросили их из Ливана. Мы сорвали все их попытки свергнуть власть ХАМАСа в Газе. У нас есть мощное оружие – наши страдания. Вот, смотри!

Он протянул Хамиду вчетверо сложенный листок.

– Что это?

– Выдержки из инструкции Министерства нац. безопасности – заметь, не хамасовского, а твоего любимого Абу-Мазена! Инструкция для СМИ и блоггеров! Почитай!

«Любой убитый должен прежде всего называться «гражданским лицом», – начал читать Хамид, – и только потом можно упомянуть его статус в джихаде или воинское звание. Не забывайте всегда добавлять к имени убитого «невинный гражданин» или «мирный житель».

Начинайте ваши сообщения об атаках палестинского сопротивления фразой «В ответ на жестокую израильскую агрессию» и завершайте фразой «Столько-то человек погибли с начала израильской агрессии в Газе». Всегда следуйте формуле «атака – ответ на оккупацию, палестинцы только реагируют».

Следите за сообщениями израильских представителей. Всегда подвергайте их сомнению, опровергайте и представляйте ложью.

Не публикуйте фотографии наших бойцов в масках и с тяжелым оружием, чтобы вас не обвинили в подстрекательстве к насилию.

В разговоре с западными журналистами используйте рациональный политический язык, избегайте эмоциональных выпадов. Наша цель – разоблачить подлость оккупации и уличить ее в насилии.

Не убеждайте западных людей, что Холокост – это ложь. Не отрицайте Катастрофу. Наоборот, используйте ее для сравнения, чтобы показать, что именно это теперь Израиль творит с палестинцами.

Нарратив жизни против нарратива крови. Когда вы говорите с арабами, говорите об убитых как о мучениках, павших в боях с агрессорами. Но когда вы говорите с западными людьми, говорите об убитых как о мирных гражданах. Говорите о большом количестве раненых. Показывайте

человеческое лицо палестинских страданий. Красочно описывайте страдания мирных жителей под гнетом оккупации и бомбежек.

Не публикуйте фотографии военных командиров. Не упоминайте их имена и не восхваляйте их успехи в беседах с иностранными друзьями».

«Занятная инструкция, – подумал Хамид. – Так ведь прекрасно сочетается с той, другой инструкцией, которая у меня под рубашкой скотчем к телу приклеена».

– Вот так-то, дорогой, – продолжал Гамаль. – Так что не надо против своих переть. Впрочем, все равно у тебя ничего не получится! Все равно евреи проиграют! Идиоты! Думали, что «Железный купол» это их спасение. Да это же их гибель! Да мы при помощи этого «Купола» добьемся того, что тупые христиане и прочие язычники, которые и без того евреев не жалуют, а тут так их возненавидят, что вообще заставят убираться с нашей земли!

– Почему? – не понял Хамид.

– Да потому, дурья твоя башка, что раньше хоть иногда шальная ракета залетала в еврейский дом, и они в ответ на щедро демонстрируемые нами реки крови – иногда, впрочем, просто красной краски – они тоже сконфуженно как-то, вроде бы как извиняясь, предъявляли миру какой-нибудь труп. А теперь – мы пишем ноты, а они играют. Мы выпускаем ракету, они, естественно, сбивают, мы еще выпускаем, они опять сбивают. И так пока у них не лопается терпение, и они не начинают палить по нам в ответ. И тут главное – вовремя подставить под огонь максимальное число невинных жертв. Чтобы экраны всего мира заполнили мертвые лица наших крошек, погибших от рук кровожадных евреев и воздетые к Аллаху руки рыдающих матерей, их искаженные мучкой лица. Чтобы у людей по всем уголкам планеты сжимались кулаки от ненависти. Чтобы губы сами собой шептали: «Прав был Гитлер!» Чтобы по всему миру звучало: «Оккупанты, вон с палестинской земли!» Чтобы политики, которые стоят у власти, опасаясь народного гнева, голосовали за создание арабского государства и за уничтожение еврейского...

– Так ведь это тыхвати-и-ил – задумчиво протянул Хамид, не возвращая Гамалю листок. – Не думаю, что какой-нибудь народ будет свергать правителя только за то, что он поддерживает Израиль.

– Посмотри на этих людей, – произнес Гамаль, поводя рукой.

Хамид невольно поднял глаза. Высокие, белокурые и темноволосые, мужчины и женщины, одни из них шли мимо кафушки, о чем-то болтая или спеша по своим делам, другие сидели за столиками, расставленными на брусчатке, кто-то ел шаурму, кто-то ел мороженое, кто-то пил кофе, кто-то – пиво.

– Посмотри на этих людей, – повторил Гамаль, – они выросли с чувством вины перед евреями. Им с сопливых лет вбили в головы, что ненавидеть евреев – преступление. Но это потомки тех людей, что ненавидели евреев и уничтожали их на протяжении столетий, а на протяжении одного из относительно недавних десятилетий – с особенной страстью. Это носители тех же генов ненависти.

– Ты говоришь о немцах? – спросил Хамид.

– Обо всех европейцах. Даже во время Второй мировой войны другие народы Европы усердствовали на этом поприще немногим менее немцев, а то и поболее. И ненависть к евреям никуда не делась. Просто шок, вызванный результатами этой ненависти, загнал ее в подсознание. И теперь – о радость! – можно ненавидеть евреев, вслух проклинать их, публично желать им гибели и при этом не только не считаться антисемитом, но и не признаваться самому себе в том, что ты антисемит. А тут еще и – бальзамом на сердце – евреи, которые сами активно участвуют в антиизраильском движении. Помнишь того маразматика, пережившего Аушвиц, который плыл к вам на помощь пассажиром флотилии «Свободная Газа»? Только представь – еврей, жертва Освенцима, воюет против Израиля. Какие же мы после этого антисемиты? Мы антифашисты! Теперь подумай – эта ненависть, что гнала миллионы, десятки миллионов на фронты Второй мировой войны, на гибель – неужели она не сметет какую-то там Меркель, если та посмеет пикнуть в поддержку страшного, нацистского, человеконенавистнического Израиля. А наша задача – кормить эту ненависть, чтобы она росла, крепла, рвалась наружу. И дровами в топку этой ненависти ложатся тела наших людей – мужчин, женщин, детей.

– Так ведь детей-то зачем? – Хамид почувствовал, что на глаза вдруг наворачиваются слезы. «Вот черт! Не хватало еще при этом подонке...» А при мысли, что он, читая инструкцию абу-мазеновскую, чуть было не ляпнул про лежащую у него за пазухой хамасовскую Инструкцию, у Хамида по коже побежали мурашки. Он хлебнул кофе, прокашлялся и

повторил:

– Детей-то зачем? Вот пусть сами бы хамасовцы дровами в эту топку и ложились...

– А воевать кто будет? Атаковать? У нас нет детей и взрослых. У нас все – бойцы. У нас весь народ – армия. Понимаешь, армия. А в армии командиры не бросаются под пули сами – они отправляют на смерть бойцов. Это нормально. Назови мне хоть одну армию, в которой дела обстояли бы по-другому.

Хамид почувствовал, как на плечо ему ложится сухонькая рука Моше.

– ЦАХАЛ, – тихо сказал он, машинально засовывая сложенный вчетверо листок в карман.

– Что-что? – переспросил Гамаль.

– ЦАХАЛ, – повторил Хамид. – В ЦАХАЛе нет команды «Вперед!» Есть команда «За мной!»

Гамаль вскочил, побагровел – куда девалось его спокойствие, – схватил Хамида за грудки и прошипел:

– ЦАХАЛ, говоришь?! Мы покажем тебе, пес, ЦАХАЛ! Уматывай к шайтану из Германии и забудь про всяких там Шредеров-Уленшпигелей! Иначе – не жить тебе!

Никогда особой силой не отличался Хамид, а тут – через стол перелетел Гамаль, сметая на своем пути хлипкие стулья – видно, вся мұка последних недель в силу кулака Хамидова перелилась.

На ресепшене была белокурая.

– А где Марион? – спросил Хамид.

Белокурая как-то странно на него покосилась и ничего не ответила. Хамид пожал плечами и вошел в лифт. Поднявшись на свой этаж, он уже подходил к двери, когда открылась дверь напротив, дверь, на которой, в отличие от остальных, не было номера. Вышедший оттуда тщедушный парень в очках и легкой белой куртке прошел мимо, обдав его запахом свежевыкуренной сигареты. И тут вдруг Хамид понял, чего ему до безумия хочется – курить. После того, как он приложил Гамалья и был с позором изгнан из кафешки – «Скажи спасибо, что мы полицию принципиально не

вызываем, а то ты, змей, сейчас бы уже извивался в объятиях копов!» – Хамид пребывал в какой-то прострации, и сейчас ясно понял, что сигарета, пусть дрянная, поможет ему из этой прострации выйти. Вот только, похоже, здесь не принято в номерах курить, по крайней мере, пепельницы у себя в номере он не видел. Да и, честно говоря, при всей своей страсти к табаку, не любил Хамид торчать в прокуренном помещении. Не кури, где живешь, и не живи, где куришь. Неужели спускаться обратно вниз и опять выскакивать на улицу? Погодите, погодите, а с чего это молодой немец, дыша табачищем, выходил из комнаты без номера? Ну-ка, ну-ка! Хамид подошел к двери и осторожно приоткрыл ее. В комнате не было кровати, зато стояли два стола, несколько стульев и множество шкафов. На столах лежали простыни, на стульях – сложенные четверо шерстяные одеяла. Нечто вроде кладовки или боевого поста кастелянши. Только вот непонятно, что здесь делал тщедушный очкарик – на кастеляншу он не очень похож. Тут Хамид заметил, что прямо напротив входной двери вместо окна, как у него в номере, находится дверь, ведущая на балкон. Он подошел и нажал ручку. Дверь поддалась, но Хамид увидел не балкон, а металлическую площадку лестницы, которая сошла бы за винтовую, кабы не прямые углы. Очевидно, она соединяла пожарные выходы с каждого этажа, а затем вела на улицу. Правда, на двери комнаты обозначить этот факт забыли. Подразумевалось, что в случае пожара обитатели гостиницы, мечась среди огня и дыма, должны были сами догадаться, что здесь – путь к спасению. Но это не имело значения. Главное, что в углу металлической площадки стояла пластиковая табуретка, а на ней – железная пепельница с окурками. Хамид уселся, поставив пепельницу себе на колени, достал сигарету и, уже почти не испытывая отвращения, высосал ее в несколько затяжек. Он едва ли не физически ощущал, как все внутри успокаивается, как нервы приходят в порядок, как нечто, лежавшее черной тушей на душе, из туши превращается в тучу, из тучи – в облачко, в легкое облачко, а затем рассеивается, рассеивается, рассеивается. Докурив сигарету до фильтра, Хамид с чувством исполненного долга двинулся к себе в номер.

У самой двери он остановился. Возникло необъяснимое ощущение, что в номере кто-то есть. Необъяснимое, потому что ни шороха оттуда не доносилось, да и свет не пробивался сквозь щель под дверью. И все-таки шестым чувством он ощущал, что кто-то там находится.

Хамид вспомнил американский фильм, который он несколько месяцев

назад смотрел по телевизору. Главарь гангстеров входит в бар, а в баре – засада. Переодетые полицейские ведут себя естественно – кто задумчиво курит, кто потягивает виски с содой, кто болтает с приятелем, вернее, с сотрудником, а еще вернее – с напарником. Но бандит вдруг нутром чувствует – копы! – и бросается бежать.

Остро захотелось бежать и Хамиду, он даже слегка попятился, но остановился. Не только потому, что это казалось бредом – ну кто мог там быть? И главное – потому что бежать ему было некуда.

Решительно достал он ключ с продолговатой пластиковой биркой, решительно вставил его в скважину и нажал дверную ручку.

– Ну и сколько времени, скажи на милость, я должна ждать? – спросила Марион. – Тебе велено было прийти в пять, а сейчас уже половина шестого. У вас в Газе все такие?

– Так ведь я не знал... – пролепетал Хамид.

Что ты не знал? – отрезала Марион. – Что если я потратила на тебя свое драгоценное время, то тебе придется потратить на меня свое? Что долг платежом красен? А сам ты не догадался? Совесть у тебя есть?

Хамид словно прирос к полу.

– Ну что ты стоишь столбом? – прорычала ангельским голосом Марион. – Дверь закрой за собой и иди сюда. Или вы там под бомбами совсем забыли, чем мужчина отличается от женщины.

...Ее волосы. Черный водопад, обрушивающийся на плечи. Хамид припал к нему губами, как к потоку чистой воды в жаркий палестинский полдень.

Она гладила его стриженую голову, а он чувствовал себя маленьким мальчиком под утешающими пальцами мамы. Слезы текли по его лицу. Никогда не становиться большим, никогда не слышать разрывов бомб, никогда не видеть крови, никогда не...

Стук каблучков Марион звучал в коридоре все глуше, а вместе с ним стихало то ощущение любви, которое проснулось в нем во время первых объятий. Марион больше не была мамой, не была воскресшей Айей, не была спасательным кругом, который Аллах бросил ему с небес. Лежа в

постели, еще хранившей тепло ее тела, он размышлял, почему она, коли сама оказывается на ею же выданных простынях – а он не сомневался, что подобное происходит с известной регулярностью – не позаботится о том, чтобы по этим простыням не бродили шестиногие вурдалаки? Или она не страдает от них вовсе? Неужели немки такие толстокожие? Опять же, на таком продавленном матраце и в одиночку лежать неудобно, а когда в два этажа, то бедняжка, оказавшаяся в роли первого, вообще, должно быть, чуть ли не пола ягодицами касалась. Неужели нельзя проявить инициативу и сменить матрацы.

За этими глубокими размышлениями Хамид поднялся и, натянув на себя рубашку и штаны, глянул в окно. Салям алейкум! Это еще что такое?

Желтое юркое «пежо» вынырнуло из-за угла и, проскочив мимо гостиницы, остановилось напротив кафешки метрах в пятидесяти от входа. Четверо вытряхнулись и перешли улицу, причем один – тот, кто вылез через переднюю левую дверь, то есть водитель, показывая на гостиницу, что-то объяснял своим спутникам – троем черноволосым парням в одинаковых футболках и, судя по внешности, единомерцам, а то и землякам Хамида. Затем он вошел в кафе, а трое двинулись ко входу в гостиницу. Тех нескольких секунд, которые Хамид видел водителя, хватило, чтобы безошибочно определить – Гамаль.

«Уж не по мою ли душу? – спросил он себя и тут же сам ответил. – А по чью же еще? Получил по роже и решил продолжить знакомство...»

Израильский снаряд миновал Хамида в Газе. Ракеты ХАМАСа не достали его в Израиле.

И вот теперь здесь, в Германии... От медведя спасся, да в колодец попал!

Как палестинской зимой ледяные струйки дождя затекают за шиворот и бегут по спине, так и сейчас... только сейчас это был пропитанный страхом ледяной пот.

Хамид бросился в коридор, схватив лежащие на столе паспорт, Инструкцию и пачку денег. Нет, вниз по обычной лестнице бежать нельзя. Именно по ней они сейчас и поднимутся. И точно – упавший на пластиковые дверцы лифта, отсвет лампочек, что загорелись сами собой при появлении человека, однозначно показал, что между вторым и третьим этажами кто-то поднимается по ступеням. Но и сам лифт уже набирал высоту. Похоже, дорогие гости, разделившись на две группы,

вздумали перекрыть ему все пути к бегству. Отступив вглубь коридора, Хамид почти машинально толкнул дверь комнаты, служившей бельевым складом. Влетев внутрь, захлопнул за собой дверь, выскочил на площадку металлической пожарной лестницы и помчался вниз, прыгая через три ступени сразу. Последняя из них была уже в чьем-то палисаднике возле домика, притулившегося на заднем дворе гостиницы. На террасе сидел лысый светлородый немец и пил кофе. Он с удивлением взглянул на Хамида. Тот приложил палец к губам, сделал страшные глаза, провел большим пальцем себе по горлу, дескать, выдашь – прирежу, и со всех ног помчался вглубь двора, перепрыгивая через невысокие заборы и моля Аллаха о том, чтобы двор оказался сквозным. К счастью, таким он и оказался.

Хамид проснулся от сильного удара в бок. Ногой, вернее, острым концом ботинка. Он открыл глаза. Над ним стояли двое.

– Ну что, порождение свиньи, поднимайся, если ты настоящий мужчина! Поднимайся, чтобы получить свое!

Голос у первого из негодяев был высокий, почти визгливый. Хотя он явно старался говорить спокойно, чувствовалось, что внутри у него все кипит от возмущения.

– Да какой он мужчина! – подключился второй. – Он только и знает, что задницу евреям подставлять! Одно слово – наблуси!

«С двумя я, пожалуй, попробую справиться с помощью Аллаха, – подумал Хамид. – Максимум будет драка, а не избиение».

Резким движением он попытался вскочить на ноги и тут же, получив со всей силы удар кулаком по лицу, полетел обратно наземь.

«Сейчас обрушатся удары, – в ужасе подумал Хамид и крепко зажмурился.

Но ударов не последовало. Когда он наконец открыл глаза, то обнаружил, что по-прежнему лежит на лужайке возле Концертного зала, куда среди ночи выполз из находящегося в трех метрах подземного перехода, чтобы поспать на свежем воздухе. Рядом никого не было. Неужели все это лишь ночной кошмар? Похоже, что так. Правда, бок саднило, но и этому нашлась материальная причина в виде торчащего из

земли острого камня, о который он, видимо, поцарапался, неловко повернувшись во сне. Тем не менее, ощущение незащитности не покидало араба, и, немного поворочавшись на траве, он спустился обратно в тот самый подземный переход, который покинул часа четыре назад. Пусть бетонный пол, зато не так страшно.

На Шлоссштрассе ремонтировали трамвайную линию. Асфальт был вспорот, как рыбье брюхо, и в утренних лучах поблескивали рельсы.

«Когда уже закончат эту дорожную косметику?! – мысленно ругнулась Марион. – Когда уже я смогу пользоваться родной и любимой стоянкой, а не тащиться за тридевять земель на Зильбербургштрассе?!» Внезапно ей почудилась, что из-за стенки парадного, мимо которого ей предстояло пройти, за ней наблюдают. И точно – чей-то нос высунулся. Неужели бандиты?

Марион огляделась. Улица практически пуста. Вон у Еврейского Культурного Центра маячит какая-то одинокая старушка. Понаехали русскоязычные нахлебники! Подавай им теперь жилье за то, что их дедов и бабок газом травили! Ну чем эта старушка может помочь? Где она, и где эта старушка?! А была бы рядом – что она могла бы поделаться? Старушки ловле преступников, как правило, не обучены. Даже русско-еврейские.

Марион остановилась. Страшно идти вперед. Будь они прокляты, эти ремонтные работы, из-за которых приходится переться невесть куда под взглядами всяких подозрительных личностей.

Хоть бы полицейский вынырнул откуда-нибудь...

И точно – вынырнул, только не полицейский, а обладатель носа, вызвавшего у бедняжки Марион такой прилив эмоций. И тотчас же покой разлился по ее душе и упитанному, но крепко сбитому телу – обладателем оказался тот самый вахлак из Израиля или Палестины, в общем, откуда-то оттуда, который сначала измучил ее поисками какого-то штутгартского фрилансера, затем в постели, казалось, расплачивался с ней за труды словно заботясь, чтобы ни цента не переплатить – и, наконец, вчера днем сбежал в неизвестном направлении после того, как к нему заявили четверо мордovorотов. Ну, что скажешь, смуглый педант?

Видик у араба был отменный – под глазами круги после бессонной

ночи, на морде – черная щетина, рубашка – будто ее вчера сняли, помыли ею пол, высушили, не прополоскав, и обратно надели. Но главное – страх, застывший во взгляде. Прижав палец к губам – это на пустой-то улице! – знаком он показал, дескать, давай прижмемся к стене, и горячо зашептал:

– Марион, мне нужно укрытие! Слышишь, Марион, за мной охотятся! Слышишь, Марион, меня хотят убить! Помоги мне!

– Ничего не понимаю, – пробормотала Марион, – кто охотится? Зачем?

– Так ведь они боятся, что я встречу с Уленшпигелем! Они хотели перетянуть меня к себе!

– Кто – «они»?

– Так ведь арабы, которые живут в Штутгарте! Они пришли убивать меня. Я удрал, успел взять паспорт и деньги, спустился по пожарной лестнице. До трех утра мотался по городу, в три попытался вернуться в гостиницу, но еще издали завидел дорогих гостей, наблюдающих за входом в гостиницу, и смотался.

– А пожарная лестница? – заикнулась Марион.

– Ага! После того, как они поняли, что я по ней сбежал, они не будут за ней приглядывать? Как же! Жди!

– Ну, и куда же ты делся?

– «Куда, куда?» Вот как был, в рубашечке, в джинсах, с деньгами, паспортом и Инстр... ну в общем, с деньгами и паспортом в кармане пошел куда глаза глядят. Бродил-бродил остаток ночи, шлялся по каким-то темным и пустым проулкам, а утром у первого встречного спросил, где здесь гостиница. Тот понятия не имел. Спросил еще одного. В-общем, какой-то полицейский мне в конце концов объяснил, не забыв при этом проверить документы. Очень уж ему казалось подозрительным, что заморский гость ходит вот так налегке.

– Он что, прямо спросил тебя об этом?

– Спросил...

– И что ты ответил?

– Что оставил чемодан у приятеля. А он сказал: «Что же твой приятель ни у себя тебя не оставит, ни про гостиницу для тебя не узнает?»

– А почему ты не рассказал, что за тобой гоняются?

– Так ведь что я ему скажу? Что по приезде в Штутгарт набил морду

местному жителю, который родом из Египта? Что сиганул с балкона только потому, что четыре араба подошли к отелю? Он мне поверит? А если и поверит – им, полицейским, нужны здесь разборки на мусульманской улице? Да на черта я им сдался? Я приехал – начались проблемы. Так ведь не будет меня – не будет проблем!.

– Ты что, боишься – тебя полицейские убьют?!

– Убьют – вряд ли, скорее депортируют под каким-нибудь предлогом.

– Ну ладно, что дальше-то было?

– Дальше? Дальше дал он мне адрес гостиницы...

– Какой?

– «Меркюр Штутгарт».

– Это на Хайльброннерштрассе?

– Ага. Хайльброннерштрассе 88.

– Ну и как там?

– Откуда я знаю?

– Ты что не был там?

– Так ведь был... Добрался, пошатываясь от усталости, получил ключ, рухнул на кровать и отключился. Проснулся, как из Мертвого моря вылез – мы туда еще при израильтянах, до Осло, с женой ездили – так вот, как из Мертвого моря выполз – вроде бы уже на суше, а ощущение, что вода с тебя не стекает, а сползает, как хумус или тхина. Вот так же и сон с меня. И есть хочется. Ладно. Думаю – одно *халяльное* кафе знаю – вот туда и двинусь. Вышел, перешел дорогу, и вдруг боковым зрением вижу – они, родимые! Как пронюхали, кого у вас в «Гамбурге» следить за мной оставили – ума не приложу! Да и не до выяснения мне было – мотать надо было, пока меня не заметили – они-то к «Меркюру» только приближались. Ну, я за угол и – бежать. А там и вечер. Какое уж тут *халяльное* кафе?! Засветишься в секунду! То же в любом *халяльном* магазине. Значит, осталось – что? Фрукты и овощи! Только пока я соображал, что да к чему, овощные магазины да суперы уже закрылись. Остались дежурные магазины, а их найти еще надо. Нашел я такой часам к десяти, закупил бананов да апельсинов...

– А почему не яблок, не помидоров, не огурцов?.. Вроде как подешевле, да и питательнее.

– А где я огурцы да яблоки мыть буду? Туалеты-то все уже закрыты!

Короче, взял я с собой эту снедь и отправился на лужайку возле Liedeshalle, концертного зала недалеко от вас...

– Спасибо за разъяснение. Это городской концертный зал, который известен даже тем, кто живет далеко от него.

– ...Возле этого зала есть подземный... переход не переход... закуток такой. В нем всякие автоматы... и игральные, и с напитками. В этот переход я залез и попытался там заснуть. Но как же?! Уснешь тут на бетонном полу! Наверху на травке – спи на здоровье! Да уж сильно боязно – вдруг друзья милые появятся! Но среди ночи не выдержал – вылез на травку и сразу же отключился. Часа три промучился кошмарами и с первыми лучами вскочил. Марион, милая, можно я у тебя поживу? Не на улице же мне...

– Я, вообще-то, не против, – усмехнулась девушка, – вот только что муж скажет?

...Стук каблучков удалялся и удалялся, а присосший к тротуару Хамид все никак не мог пошевелиться, и только когда фигурка Марион нырнула под козырек парадного входа в «Гамбург», ему пришла в голову мысль, что уж по крайней мере вещи его из номера она могла бы ему вынести. Вряд ли на это требовалось разрешение мужа – мифического или реального. А с другой стороны – ну вынесла бы она ему вещи – а куда их деть, куда девать себя самого?

Та-ТА-ма та-ТА-ма та-ТА-ма та-ТА-ма

Та-ТА-та та-ТА-та та-ТА-та та-ТА

Та-ТА-та та-ТА-та та-ТА-та та-ТА-та

Та-ТА-та та-ТА-та та-ТА-та та-ТА

– Здесь – и вдруг «Кампанелла»? – чуть было не крикнул он, услышав обожаемую мелодию на Шлоссплаце – центральной площади Штутгарта, где бродила развлекающаяся публика, где бойко продавалось все на свете, от колы и жевательной резинки до дорогих сувениров и альбомов с репродукциями Мунка.

А с другой стороны, почему бы звукам божественной скрипки великого

Никколо не раздаваться под небом прекрасной Германии, светлого кастальского края, откуда не раз проливались на мир благодатные дожди музыки и философии?

Слушая Паганини, Хамид на мгновение начисто забыл, что на свете есть ХАМАС, ФАТХ, ЦАХАЛ, ИГИЛ... Казалось, одна и та же планета не может вместить их – и «Кампанеллу». Казалось, звуки «Кампанеллы» сами по себе уже стопроцентное доказательство того, что зло на земле иллюзорно, того, что есть в мире лишь музыка да любовь!

Он подошел поближе к стоящей полукругом группе людей, слушающих скрипку, и обнаружил, что они не только слушают, но и смотрят. Настоящий скрипач оставался на заднем плане, а впереди молодой парень в кепке дергал за веревочки кукольную фигурку скрипача в смокинге, который двигал смычком абсолютно в такт реальной музыке. Паренек управлялся с кукольным скрипачом настолько виртуозно, что не только создавалось полное впечатление, будто тот сам играет, но и казалось, что – непонятно как – у того меняется выражение лица. И все-таки... все-таки лучше было бы, если бы предметом пародии эти двое, а считая куклу, трое, выбрали бы что-нибудь еще, а не любимую «Кампанеллу».

Хамид не стал опознать «Кампанеллу» дослушивать до конца и двинулся дальше по громадной площади. Ему вдруг стало как-то безразлично, что с ним станет. Ну поймают. Ну убьют. Хоть что-то произойдет – а так вообще пустота какая-то! Homeless, как это называется по-английски, и к тому же совершенно не у дел. Всего и осталось, что тихо догнывать в подземном переходе или на травке возле Liedeshalle. А и то – не у проституток же ночевать!

– Entschuldigen Sie mir bitte, sind Sie ein Araber?

– Чего-чего?!

– Excuse me, are you an Arab?¹⁵

Бабулька-альбинос (а может, такая блондинка блондинистая) говорила по-английски с акцентом, но вполне сносно. В своем классе Хамид бы ей не меньше семидесяти пяти поставил – по числу лет. Она постучала ему в плечо, как в дверь.

¹⁵ Простите, вы араб?

– Араб... – пролепетал Хамид.

– Случайно не из Палестины? – с надеждой взглянула на него старушка.

– Из Палестины, – кивнул Хамид.

– Может быть, даже из Газы? – не веря своему счастью, выдохнула альбиноска.

– Из Газы, – согласился Хамид.

– Вот! – торжествуя воскликнула бабка, обращаясь к собравшимся под палестинским флагом и транспарантом с надписью «Руки прочь от Газы!» двум десяткам людей, которых прежде погруженный в свои мысли Хамид попросту не замечал.

– Вот!! – повторила она. – Перед нами человек, приехавший сюда прямо из Газы!

Четыре десятка ладоней с уважением захлопали. Должно быть, Хамид со своим измученным видом и со своей грязной рубашкой идеально соответствовал образу жертвы израильской агрессии.

– Как вас зовут? – шепотом спросила блондинка.

– Хамид Шафи. Только я бы не...

– Дорогой Хамид Шафи! – воскликнула старушка, сделав несколько шагов назад и оказавшись на некоем возвышении, цоколе позеленевшего памятника небольших размеров, который Хамид тоже только сейчас заметил. – Дорогой Хамид! Прежде, чем мы попросим вас рассказать о героической борьбе вашего народа, позвольте от имени всех прогрессивных сил Германии выразить поддержку этой борьбе, а также гнев и возмущение зверствами израильских...

Верно говорят в народе: «Трескотня барабана слышна издалека».

Хамид обвел взглядом лица представителей прогрессивных сил. Половина были, несомненно, мусульманского происхождения, хотя и вряд ли из Палестины, судя по восторгу, который выразила старушка, узнав о его происхождении. Зато вторая половина были явно немцы, и не просто немцы, а все как на подбор были не просто белобрысыми, а чуть ли не слепками со старушки, блондинами, почти альбиносами.

Старушка пятилась в сторону памятника неизвестному немцу, а Хамид начал пятиться в противоположную сторону, оглядываясь, куда бы

смыться. Тщетно. Два старушкиных соратника – один белокурый, другой араб – начали с двух сторон подталкивать его к трибуне-цоколю.

– Ну, Хамид, – подбадривающе улыбнулась старушка, – расскажите нам о вашей борьбе, о вашем мужестве, о ваших надеждах, и... ну и о ваших врагах.

И тут вдруг Хамид почувствовал прилив злости – и какой злости! Ах они суки!

– О врагах, говорите? – выкрикнул он, буквально вспрыгнув на цоколь. – Хорошо, расскажу вам о врагах. Так ведь есть у нас враг. Главный враг. Страшный. И зовется он...

– Хамид сделал паузу, ну, мол, ребята, догадайтесь с трех раз! – Зовется он – ХАМАС!..

Вроде бы как минуту назад была тишина и сейчас опять тишина, но какие же они разные эти две тишины! Секунду назад четыре десятка глаз с интересом смотрели на гостя из Газы, четыре десятка губ одобрительно улыбались. А тут – четыре десятка нахмуренных бровей, четыре десятка сжатых кулаков, четыре десятка стиснутых челюстей. Тишина нависшей грозовой тучи.

Ну что ж, тишина так тишина. Хамид тоже замолчал. В этом молчании прошла минута, а то и больше.

– Нам тоже не очень нравится ХАМАС, – прошипела бабуля, – но мы за палестинский народ!

– Я – палестинский народ! – воскликнул Хамид. – Есть здесь еще палестинцы?

И он опять обвел взглядом публику. Снова молчание. Но уже третий вид молчания – молчание поджатых хвостов.

– Мы поддерживаем ваши чаяния, ваши устремления, – неуверенно начала белокурая старушка, – мы знаем, что палестинский народ хочет, чтобы у него было свое государство...

– Так ведь палестинскому народу не нужно никакое государство! Палестинский народ хочет одного – тихо-мирно жить, зарабатывать деньги и растить детей! А больше всего палестинский народ хочет, чтобы европейские правозащитники, снюхавшиеся с хамасовскими террористами, сдохли, да поскорей!

По сравнению с Палестиной, Штутгарт – далекий север, а на севере, как известно, летом темнеет поздно. Когда взбешенный Хамид сошел с трамвая, солнце еще светило вовсю, хотя уже окопалось на западе. В пологих его лучах Концертный зал казался гигантской подковой, упавшей на площадку, прилегающую к Берлинерплацу.

«Так ведь вот я и дома» – подумал Хамид, устало волоча ноги по коротко постриженному газону, который ночью в лучах луны принял за лужайку.

Он дома. Он будет сидеть на колючей траве и питаться сырыми фруктами и овощами до тех пор, пока дорогие друзья, до которых гремучая новость о его выступлении, если еще не дошла, то, конечно же, очень скоро дойдет, не отыщут его и не доделают того, что не доделали арабы и евреи там, на берегах Средиземного моря.

По газону бродили голуби. Много голубей. Если сосредоточить внимание на их броуновском движении, может голова закружиться. И вдруг броуновское движение прекратилось. Бормоча что-то неразборчивое, а точнее попросту клекоча и клокоча – как Хамиду показалось, от ярости, они двинулись в его сторону, да что там «в его сторону» – прямо на него! Хамид отступил. Голуби не отступали. Хамид понимал, что они требуют, чтобы он их накормил. Накормить их можно было лишь одним способом – отправиться в ближайший магазин, закупить побольше булок и скрошить их птицам. На это ушло порядка получаса, но накормить голубей оказалось не так уж просто. Птицы буквально насакивали на него, пытаясь выклевать хлеб прямо из рук. Зато, когда питомцы успокоились, поняв, что всем хватит, он начал получать удовольствие, видя, как они деловито клюют хлеб, который он им принес.

Укладываясь на травку, Хамид подумал, что теперь регулярно придется ввести новую статью расхода – кормежка сизых хозяев площадки.

«Как плата за квартиру», – усмехнулся он.

Хамид проснулся от сильного удара в бок. Ногой, вернее, острым концом ботинка. Он открыл глаза. Над ним стояли двое.

– Ну что, порождение свиньи, поднимайся, если ты настоящий мужчина!..

«Сейчас скажет: "Поднимайся, чтобы получить свое!" – подумал Хамид. – Неужели этот кошмар будет меня теперь преследовать каждую ночь?»

Да, это был кошмар, но, увы, совсем не сон. Эти двое были настоящими, и ботинки у них были настоящими, и кулаки у них были настоящими. Одно утешало – били его не в полную силу – этакое было профилактическое избиение. И приговаривали: «Вот тебе, сын собаки! Вот тебе, ослиная задница! А в следующий раз будет хуже!»

«Так ведь хорошо бы, чтобы не было следующего раза, – подумал Хамид. – Но – нельзя. У меня Инструкция. Я должен жить и обнародовать ее! Только бы они не нашли!»

– Ну вот, дорогой! – произнес который поздравее, когда профилактическая экзекуция была закончена. – Напрасно ты от нас бегал.

Хамид узнал в нем одного из тех четверых, которые приехали тогда с Гамалем.

Он сидел на покрытом росой газоне. Голова гудела. Из разбитой губы сочилась кровь. Мордастый присел рядом с ним на корточки.

– Больно? – участливо спросил он.

Хамид попытался кивнуть, но жуткая ломота в затылке помешала это сделать.

– Больно, – произнес он, едва шевеля губами.

– Будет еще больше, – сочувственно произнес мордастый. – А то и совсем уьем.

– А чего ждать-то? – вдруг заговорил второй, довольно плюгавенький, с лисьим личиком. – Давай завершим прямо сейчас, прямо здесь, и труп убирать не будем. Найдут – спишут на Пегиду¹⁶. Этих сынов шлюхи модно сейчас во всех грехах обвинять.

Хамид исподлобья кинул взгляд на него. Плюгавый говорил вполне

¹⁶ ПЕГИДА, Патриотические европейцы против исламизации Запада ([нем. Patriotische Europäer gegen die Islamisierung des Abendlandes, PEGIDA](#)) – немецкое движение, направленное против исламизации Европы и против иммиграционной политики немецкого правительства.

серьезно, как инженер, выдвинувший на совете директоров рационализаторское предложение.

– Ну, уж сразу и убивать! – возмутился мордастый. – Что мы, звери, что ли?

«Так ведь звери», – подумал Хамид.

Меж тем мордастый продолжал:

– Убить мы всегда успеем! Как говорится, смерть – чаша, которая никого не минует. Сперва с человеком поговорить надо... Выяснить, чем дышит. И если дышит неправильно, убедить, что надо правильно дышать. Аллах заповедал быть милосердным ко всем творениям, а это не просто творение – правовеерный.

– Вот что, дорогой, – обратился он затем к Хамиду. – Собирай-ка ты манатки, ежели у тебя такие имеются, и дуй давай из Штутгарта.

– Куда? – прошептал Хамид.

– А куда глаза глядят, – засмеялся он. – Покуда цел. Пошли, Махмуд! – крикнул он напарнику. И уже удаляясь, бросил через плечо Хамиду: – Даем тебе два часа. Потом проверим.

– А вот в этом доме жил Парацельс.

«Кто это, Парацельс?» – спросил Хамид. То есть спросил бы. Если бы не усвоил, что нужно задавать как можно меньше вопросов. Он всего лишь два дня жил – если это можно назвать жизнью – в этом странном городке, который, словно Медный город, сошедший со страниц «Тысячи и одной ночи», уютно приземлился между обступивших со всех сторон бетонных громад концерна «Мерседес». Но за эти два дня Хамид успел усвоить – снобизм у местных арабов, по крайней мере, у тех из них, с кем ему доводится общаться, просто зашкаливает. Такой, может, только вчера узнал, кто такой Мартин Лютер или тот же Парацельс, а сегодня уже изумляется: «Как, ты Парацельса не знаешь?!»

– А вот в этом доме жил Парацельс, – повторил Мунтхир, новый приятель Хамида, малый лет тридцати, высокий и худой, как минутная стрелка.

Хамид поднял глаза. Дом был действительно примечателен.

Аккуратный, белый с поперечными коричневыми перекрытиями, с прямоугольниками окон. На фасаде красовались картинки – на самом верхнем этаже какая-то диковинная птица с восемнадцатью крыльями, ниже – портрет мужчины в голубом кафтане и в средневековой шапочке. Почему-то Хамид решил, что именно так и должен был выглядеть загадочный Парацельс. Птица была на белом фоне, а Парацельс – на золотом. То ли это были фрески, то ли мозаика, снизу – не разобрать.

Думал ли Хамид, прыгая наугад в уносящийся из Штутгарта пригородный поезд – без малейшего понятия, куда он едет и где сойдет, что в маленьком, словно нарисованном, Эслингене обретет он, если не душевное, то хотя бы физическое, успокоение. Случайный разговор в вагоне, и вот он уже на незнакомом перроне, а затем и в компании людей, тоже незнакомых, но смотрящих на него с явным сочувствием. Анвар с женой были родом из Хеврона, а Мунтхир был сириец. В Эслингене они жили уже давно, политикой не очень интересовались, но, когда штутгартские мусульмане две недели назад маршем солидарности с борющейся Газой прошли по улицам своего города с призывами уничтожить Израиль, все трое приняли в этой акции и в пикетах по всему городу живейшее участие. Сейчас Мунтхир устроил Хамиду маленькую экскурсию.

– Брусчатка здесь красивая, – задумчиво сказал Хамид, когда они подходили к мостику через речушку, по краям которой свисали ивы, а между ними разноцветными огоньками посверкивали цветы.

– Да, брусчатка у нас, – слава Аллаху! – замечательная, – воскликнул его собеседник с такой гордостью, словно он сам некогда эту брусчатку укладывал. – Здесь, правда, мостили относительно недавно, всего несколько десятилетий назад, но в точности сохранили старый рисунок – видишь такими волнами идет. А на Ратушной площади – мы сейчас пойдем туда – вообще старинная мостовая, ей лет триста-четырееста, а то и больше.

Они вышли на небольшой мостик. По речной глади навстречу друг другу медленно двигались серые утки. Казалось, они наслаждались прохладой, столь несвойственной августу и тем не менее царившей здесь, несмотря на полное безветрие.

– Вода... – вздохнул Хамид. – Где справедливость? Почему мы в Палестине изнываем от жажды, а здесь – реки, прохлада, растительность вон какая сочная, какая буйная, не то, что у нас.

– Аллах справедлив, это истина, – возмутился Мунтхир. – А если мы живем в более тяжелых условиях, чем иноверцы, значит, таков Его высший план.

«Высший план? – подумал Хамид. – А что же ты, в нарушение этого плана перебрался на север? Чтобы понемногу начать отбирать эти края у тех же иноверцев?»

Вслух же он примирительно сказал:

– Ладно, пойдем, покажешь мне Ратушную площадь. Ты обещал.

Ратушная площадь действительно была прекрасна. Готические здания, похожие на египетские пирамиды, но только с обрубленными боками и разных цветов – от красного, малинового и розового до желтого и салатного. Они казались декорациями к какому-то спектаклю из старинной спокойной жизни.

– А это что такое? – спросил Хамид, показывая на изящные золотистые стрелочки, разбегавшиеся по мостовой лучами от круга того же цвета, внутри которого что-то было написано по-немецки.

– Посмотри внимательнее, – посоветовал Мунтхир.

Хамид пригляделся. Над стрелками были написаны названия городов – Варшава, Брест, Париж... Рядом виднелись трехзначные цифры – очевидно, расстояния от центра Эсслингена до этих городов.

– Здорово! – восхитился Хамид.

– Ага, – согласился Мунтхир. – А в сорок четвертом году на этом самом месте стояли местные евреи, собравшиеся по приказу эсслингенских властей, и гадали, куда их отправят. Может, сюда, – Мунтхир показал носком ботинка на стрелку, над которой красовалась надпись «Прага», – а может, сюда? – он ткнул ногой в стрелку, указывающую на Вену, – а вдруг сюда? – араб развернулся на сто восемьдесят градусов и направил мечты эсслингенских евреев в сторону Парижа. – Но увы, отправились наши дорогие родственники через Якуба и Ишмаэля не сюда, и не сюда, и не сюда, а вон туда – и он указал пальцем на безоблачную лазурь. Благодаря чему количество потенциальных захватчиков нашей земли сократилось на несколько тысяч.

– А тебе их не жалко? – только и спросил растерявшийся Хамид.

– А тебе жалко предков тех, кто убил твоих детей? – в тон ему спросил Мунтхир.

«Моих детей убил ХАМАС», – подумал Хамид, однако ничего не сказал. Но перед глазами его встало лицо Моше. Почему-то он представил себе, как смуглый марокканский еврей Моше стоит вот на этом самом месте, завернувшись в плащ, при этом небо над ним не голубое, а серое, и хлещет серый дождь, и Моше обнимает свою жену, что родом из России, и они прижимаются друг к другу, и им обоим холодно, холодно, холодно, и с неба уже мчатся не капли воды, а словно миллионы игл, одновременно ледяных и раскаленных, и иглы вонзаются в них и жалят и Моше и его жену, и других людей, которые, так же как Моше и его жена, стоят под этим жутким дождем, этим градом ледяных игл, и эти люди кричат и плачут, и этих людей сотни и тысячи, сотни и тысячи, мужчины и женщины, мужчины и женщины, и у каждого мужчины смуглое лицо Моше, и у каждой женщины лицо его жены. И вдруг Хамид отчетливо почувствовал запах табачного дыма. Кто это курит? Ах, вон тот человек в красивом эсэсовском мундире, резко очерченным лицом, с бритыми висками...

«Куда нас везут?» – спрашивает Моше, спрашивают все моше хором, и его жена, их жены отвечают: «Война план покажет!»

– А вот в этом доме – видишь особнячок с петушком на крыше... Красивый, правда? И башенка такая веселенькая. Дом, в общем-то, построен недавно, но как под старину сработано! Так вот, здесь живет наш друг...

– Чей – «наш»? – перебил своего проводника Хамид.

– «Наш» в смысле «нашего народа». Здесь живет друг нашего народа, известный журналист Герман Шредер! Он хотя и не араб, но...

– Как-как? – задохнулся Хамид. – Герман Шредер? Уленшпигель?

– Ну, вот видишь, – беззаботно отозвался Мунтхир. – Я же говорю – известный! Даже ты о нем слышал? Я, правда, с ним лично не знаком, но Ясир, руководитель нашей группы, знает его очень хорошо. Со временем я представлю тебя Ясиру, а Ясир со временем представит Уленшпигелю. Вам будет интересно поговорить.

«Со временем! – с презрением подумал Хамид. – Стану я ждать этого времени! Как же!»

Эх, Хамид, Хамид! Забыл ты старую арабскую мудрость: «Раз уж спасся от льва, так перестань на него охотиться». А с другой стороны, есть и ответная поговорка: «Промокшему дождь не страшен».

– Душ, переодевание, все потом! – сказал Уленшпигель. – Сейчас прямо вот в таком виде, изможденный, с дороги, вы сядете вон на тот табурет... Нет, нет, не в кресло, а именно на табурет... Поймите, вы сейчас не человек, я хочу сказать, не просто человек – вы символ! Символ страданий народа Палестины! Да-да, вон туда садитесь. Отлично! Я включу камеру, и вы начнете свой рассказ.

Хамид огляделся. В кресло сесть было бы куда приятнее. Кресло было явно старинным, с подлокотниками, отделанными резьбой. И такая же резьба украшала книжные шкафы. Усевшись в такое кресло, человек как бы приобщался к сонму тех, кто писал эти фолианты, погружался в спокойные столетия...

– Ну, – нетерпеливо спросил Герман.

Как мечтал Хамид об этой встрече – а вот теперь растерялся. Не таким представлял он себе Уленшпигеля! Где орлиный профиль, где глаза, полные боли за несчастных жителей Шуджайи? Перед ним суетился плешивый человечек с бритыми висками. Этот человечек словно собирался устроить какое-то представление. И правда, какая разница, куда Хамид сядет. Разве оттого, что он окажется в кресле, боль по Аие и Мамдуху, Мухаммаду и Маруану станет меньше? Разве трагедия перестанет быть трагедией, если он примет душ? Но главное было не в этом – к тебе пришел человек со своим горем, так сядь, поговори с ним, если ты действительно Уленшпигель, если кровь невинных жертв стучит в твое сердце! Что же ты сразу за камеру хватаешься? И этот радостный вопль: «Вы прямо из Шуджайи?» Прозвучало как «Вы прямо из Белого дома?» «И никакой я не символ, – устало подумал Хамид. – У символов дети не погибают». Какое-то странное, неведь откуда взявшееся чувство осторожности не дало ему сразу вытащить из-за пазухи заветную Инструкцию. «Так ведь потом! – мысленно шепнул он сам себе. – Потом! Я должен к нему привыкнуть. Вот поговорим – и тогда...»

Рассказ Хамида Герман слушал очень внимательно, хотя, очевидно, в силу природы своей, секунды не мог высидеть на месте – то вскакивал и вновь садился, то поправлял камеру, то проверял уровень звука в микрофоне. Лишь когда Хамид рассказал о том, как перед обстрелами евреи по телефону предупреждали и его, и соседей, а для тех, чьи телефонных номеров не знают, специально разбрасывали листовки, журналист остановил камеру и сказал, поморщившись:

– Эту сказку часто рассказывают. Не стоит ее лишний раз повторять.

– Так ведь то не сказка... – возмущенно начал Хамид.

– Возможно, возможно, – перебил его Уленшпигель. – Но тогда это просто пропагандистский трюк. Ведь они знают прекрасно, что вам просто некуда уходить.

– Знают, – согласился Хамид. – Так ведь что они могут сделать?

– Не стрелять, – просто сказал немец.

Хамид не нашелся, что ответить. А журналист, развивая наступление, продолжал:

– Я не идеализирую ХАМАС, но все же это народная война! Ведь даже дети поднялись на борьбу.

– Ага, – отвечал Хамид. – Поднялись. По наущению ХАМАСа подбегают к солдатам, просят о помощи, мол, кому-то там стало плохо, или ногу подвернул, или еще что-нибудь, те, сердобольные, идут по их просьбе в туннель и там взрываются. Так ведь очень педагогично, это я вам, как преподаватель говорю.

– Евреи сердобольные? Да они же убийцы!

Хамид вдруг почувствовал дикую усталость. Ему вдруг захотелось очутиться где-нибудь далеко отсюда, все равно где, лучше всего на море, на родном пропитанном солнцем Средиземном море, именно НА море, а не у моря, на сине-зелено-золотистой глади, что только кажется зыбкой, держит тебя куда крепче, чем призрачная европейская земля.

Пожалуй, не надо торопиться с рассказом об Инструкции...

Европеец почувствовал, что несколько переборщил со своими антиеврейскими выпадами. Этот араб со своими странными симпатиями к израильтянам ничем не напоминал виденных им прежде. Примирительно сказал он:

– Но я вовсе не собираюсь оправдывать хамасовцев. Как ни крути, по большому счету они все-таки террористы.

– Террористы? – воскликнул Хамид, возмущенный тем, как неохотно, с оговорками, выдал из себя Уленшпигель это признание. – Так ведь они мясники! Если бы вы знали, скольких они расстреляли! Да хотя бы среди моих друзей – и Али Суейф, и Мухаммад Хуссейни, и Фираз Трайра! Их казнили только за то, что у них нашли израильские мобильники! А Хашем и Нур и еще пятеро, которых застрелили, когда они вышли на улицу с требованием «тишина в ответ на тишину»?! А вы знаете, что у нас люди навсегда исчезают по доносу соседа, мол, человек вел антихамасовские разговоры? А что у нас две новые большие тюрьмы выстроили, и обе переполнены? А что хамасники насилуют женщин, а потом швыряют их в тюрьму за прелюбодеяние, что девушек, идущих с непокрытой головой, они избивают палками прямо посреди улицы, что они гоняют по городу на мотоциклах, лендроверах и мерседесах, украденных в Израиле, с дубинками в руках, и набрасываются на всех кого ни попадя, просто забавы ради?!!

– Ну хорошо, оставим их в покое! Расскажите теперь, как погибли ваши дети.

И опять – до чего спокойно он это произносит!

Но делать было нечего, журналист уже включил видеокамеру, и Хамид нехотя начал рассказывать. Однако понемногу воодушевился.

Уленшпигель внимательно слушал о том, как хамасовцы загоняли детей на крышу многоквартирного дома, о том, как приволокли ракетную установку, как он пытался спасти детей и как его вышвырнули и избили, и как на его глазах ответный израильский снаряд превратил всех, кто находился на крыше, в темно-красное месиво. Как он нашел руку Маруанчика, как потом приехали иностранные телевизионщики, как он пытался им объяснить, что произошло на самом деле, как телевизионщики не стали его слушать, как хамасовцы его потом избивали, как на похоронах он опять тщетно пытался рассказать, что да как. Как спустя пять дней был за это арестован хамасовцами. Рассказывал о том, с каким пристрастием его допрашивал человек в балаклаве и как он спасся благодаря сбережениям, которые скопил за эти пять дней, выворачивая на улицах карманы убитых и обчищая брошенные или разбомбленные квартиры.

– Так ведь когда я этим занимался, – пояснил Хамид, – я знал, что

когда-нибудь встречу Вас или еще кого-нибудь, кто поможет мне поведать миру о том, что вытворяет ХАМАС. Это был мой долг по отношению к тем, чьи трупы и квартиры я обчищал. Но вышло так, что пошли эти деньги на освобождение меня самого. Выйдя на свободу без гроша, я был в отчаянии. Вы спросите, почему – ведь можно было снова начать шарить по карманам и квартирам. Увы, за то время, что я провел в застенке, людей, лишившихся всего и живущих мародерством, стало на улицах столько, что все карманы и квартиры, целые и разрушенные, были пусты. О, как я молил Аллаха о том, чтобы Он помог мне совершить то, ради чего я остался жив! Каждую ночь молил, укладываясь спать среди бетонных глыб с торчащими из них кусками ржавой арматуры, каждый день, бродя среди тех же глыб в поисках завалявшейся где-нибудь монетки или хоть чего-нибудь поесть. И вот однажды по пути в мечеть, среди обломков киоска, где когда-то продавались сладости и кока-кола, я увидел обрывок газеты на английском языке. Заголовок гласил: «Штутгартский журналист Уленшпигель: "Пепел Шуджайи стучит мне в сердце"».

– Помню я эту статью... – пробормотал Уленшпигель.

– Так ведь я читал ее и плакал, – продолжал Хамид. – Плакал потому, что слова, которые Вы написали, прожигали мое сердце, плакал, потому что, читая, видел лица Айи и малышей, плакал, потому что понял – есть на свете некто, кому небезразлична судьба несчастных жителей несчастной Шуджайи, плакал, потому что понимал – увы, оказавшись без гроша в кармане, не могу встретиться с Вами и рассказать всю правду. И тогда... тогда я пошел в мечеть Абу Айн, на магриб – вечернюю молитву – и, когда все начали расходиться, встал за минбар – это такое возвышение, с которого имам читает хутбу...

– Хутбу?

– Ну, проповедь. Так вот, спрятался я за минбар, так что мулла не увидел меня... Так ведь всю ночь, слышите, всю ночь я молил Аллаха, чтобы он помог мне добраться до Штутгарта. А утром, когда закончился фаджр...

– Объясните нашим зрителям, что такое фаджр! – вмешался Уленшпигель.

– Так ведь «Фаджр» – это наша утренняя молитва. Ее произносят между рассветом и восходом солнца. Так вот, когда закончился фаджр, я вышел из мечети, и первый, кого я увидел, был Сари эль-Фаране, с

которым я вместе в тюрьме сидел. Сари – последовательный борец против ХАМАСа, закоренелый фатховец, друг Абу-Мазена.

– Я знаю этого эль-Фаране ... – сказал Герман. – Брал как-то раз у него интервью.

– И вот что он мне рассказал, – продолжал Хамид. – Вы помните облетевшее весь мир сообщение о том, что израильские моряки расстреляли четырех детей, игравших на берегу в футбол?

– Ну да, еще фотографии были такие страшные...

– Так ведь израильские моряки здесь ни при чем! Не знаю, кто убил трех других, но Аззам, сын Сари, был застрелен хамасовцами, пока Сари сидел в тюрьме. Эти мерзавцы хорошие психологи. Приводят его будто бы на допрос, и говорят – у тебя, мол, семеро сыновей, вот это – первый. Будешь дальше выступать – шестеро отправятся за ним. Это был его любимец... но не в этом дело. Я помню эль-Фаране в тюрьме. Высокий, гордый... Как-то раз меня вели мимо допросной, так ведь – не поверите – я сам – Аллах не даст соврать! – слышал его хохот из-за двери. Другие арестанты рассказывали – не знаю уж, правда или нет – он смеялся хамасникам в лицо даже когда его били. А тут... когда я вышел из тюрьмы... идет весь какой-то не то чтобы скрюченный, но понурый. И, когда говорит, весь словно дрожит. Да нет, не весь – когда говорит об Аззаме, губы дрожат, а когда об остальных детишках, живых еще – пальцы трясутся. И все время озирается, озирается! «Все, – говорит, – Хамид, кончился я». Так ведь тогда я ему сказал про Вас, сказал, что хочу с Вами встретиться, рассказать Вам всю правду, да вот добираться до Вас не на что. Он поглядел этак подозрительно и говорит: «Ты же шекели собирал по карманам да по пустым домам!» «Ага, – говорю, – так ведь осели в хамасовских карманах эти шекели! А иначе, думаешь, как я здесь, на свободе, оказался?» Он посмотрел на меня исподлобья и говорит: «Деньги у меня есть. Меньше, чем в прежние времена, но хватает. Лучше бы их не было, да Аззам был бы. Хватит тебе и на паспорт, и на одежду, и на билет, и на гостиницу, и на еду – только доберись до этого своего Уленшпигеля, и расскажи ему – все! Слышишь, все расскажи!» «Спасибо», – говорю. «Какое, – орет, – к Шайтану, спасибо?! Ты для меня это делаешь! Понял?! Для меня!» А еще Сари передал мне...

– Как вы выбрались из Газы? – перебив Хамида, глухим голосом спросил Герман.

– Так ведь по туннелю, – отвечал Хамид. – По хамасовскому туннелю, где, не пройдя и трехсот метров, наткнулся на труп мальчишки лет двенадцати. Верно, одного из тех, что копали – либо погиб при строительстве, либо убрали как свидетеля.

– А что с вами было, когда добрались до Израиля? – в голосе журналиста зазвучало какое-то оживление, быть может, даже тайная надежда – сейчас про жестокость сионистов...

– Так ведь Моше, еврей родом из Ирака, укрыл меня. У него я отдохнул, поспал немного и двинулся в аэропорт. В Штутгарте за мной гонялись хамасники, но я Вас все равно нашел. Уленшпигель! Наша кровь и наша боль стучат Вам в сердце! Сообщите всему миру – главный виновник наших бедствий – ХАМАС! И вот еще что...

Он хотел рассказать про Инструкцию, которая невесть как попала в руки к Сари и которую Сари передал ему, чтобы он поднял шум на весь мир, и про другую инструкцию, не такую секретную, но тоже ценную – инструкцию, что он сохранил после схватки с единоверцем в кафе, где они ели шаурму. Хотел, но случайно встретившись взглядом с Германом Шредером, побледнел – такая дикая, неприкрытая злоба сквозила во взгляде того.

– Еще что?! – процедил Шредер.

Э-э-э... ничего.

– Кофе без кардамона не кофе, – глубокомысленно изрек Расми.

Счастливый Хамид хотел было выразить свое восторженное согласие, но передумал – рот был занят *тамийей* – поджаренными на растительном масле шариками, скатанными из фасолево-чесночного пюре, перемешанного с мелко порубленными яйцами. Судя по тому, как мастерски Расми приготовил это блюдо, не очень распространенное у жителей Газы, пришедшее в восточное Средиземноморье из соседнего Египта, он и сам, как Гамаль, родом из Каира.

– Расми, откуда ты родом? – спросил он.

– Родился в Фурейдесе...

– В Фурейдесе? – удивился Хамид. Меньше всего ожидал он, что

Расми, слуга или помощник Германа Шредера, родом из городка, расположенного в десятках километров от Газы, в глубине Израиля. Известно было, что среди арабов, уезжающих в Европу, обладателей израильского гражданства практически нет – зачем им Европа? Они и так, считай, живут в Европе, благами которой можно пользоваться и которую при этом можно проклинать, а по мере возможности и разрушать. Да и вообще, странный парень этот Расми – манеры прямо-таки европейского интеллигента, а у Германа Шредера он фактически прислуга. Теперь вот выясняется, что он эмигрировал сюда... из Израиля.

– Расми, а почему ты уехал из Фуреидиса?

– С хамулой¹⁷ соседней не поладил, – отрезал Расми, и тема была закрыта. Вопрос о том, где Расми наловкался управляться с египетской кухней, Хамид решил не поднимать.

Кстати, интересно, куда так неожиданно уехал Шредер? Вытащил из видеокамеры сим-карту и уехал.

– Пойдем, я покажу тебе твою комнату, – услышал он голос Расми.

Вряд ли эта лестница была особенно длинной, но Хамиду она показалась бесконечной. Он не стал спрашивать у Расми, почему комната, которую ему отвел Шредер, находится в подвале. – В подвале так в подвале... но почему в таком мрачном подвале? Бетонные стены, торчащие из них трубы, какие-то железки, серые под цвет бетона. Хамида вдруг охватило чувство, что он идет умирать, и смерть эта казалась не черной бездной, какой обычно представляется смерть, а мглюю, серую, как этот бетон.

Комната, в которую он вошел, была никакая не комната, а попросту отсек подвала, только стены там были уже не бетонные, а кирпичные. Они перемежались с толстыми слоями цемента, бесформенные клочья которого свисали застывшими серыми облаками.

«А где же стол, стулья, кровать?..» – хотел было спросить Хамид, но тут вдруг перед его глазами мелькнула какая-то веревка, и тут же он почувствовал, словно чьи-то страшные пальцы стискивают ему горло. Он рванулся, но удавка лишь сильнее впилась ему в шею. Тут все поплыло перед глазами, и вдруг он почувствовал неизъяснимое наслаждение.

¹⁷ Хамула – клан у арабов.

Чудилось, руки его гладят нежное женское тело...

– Айя... – прошептал он. Но то была не Айя. Волнами накатили черные волосы Марион. Они опутали, заполнили все вокруг, и все понемногу стало черным... черным... черным...

И вдруг вновь – боль! Боль, сдавливающая горло. Одновременно в черноте, застилавшей глаза, наметился просвет. Из тьмы вынырнули серые глыбки застывшего цемента, красные кирпичи. Сколько времени это длилось? Вечность? Мгновение? Впоследствии выяснилось, что мгновение. То мгновение, которое понадобилось Расми, чтобы выпустить из рук удавку и упасть на шершавый цемент, пуская кровавые пузыри. Несколько минут Хамид сидел на темно-сером полу, кашлял так, что из глаз текли слезы, и тупо глядел на затылок Расми, поросший черными с проседью слегка вьющимися волосами, на его широкую спину в рубашке в мелкую клетку, на большой красивый изогнутый с рукояткой, инкрустированной перламутром, нож, торчащий из этой спины. Потом рубашка стала густо красного цвета, и мелкая клетка уже была неразличима в этой красноте. Затем Хамид вновь закашлялся, да так, что его вырвало на темный цемент. А может, вырвало не от кашля, а от вида дохлого убийцы Расми.

Глаза он поднять боялся. Боялся взглянуть, кто это спас ему жизнь. Только видел: нога в джинсовой штанине и в кроссовке «адидас» сильным движением перевернула тело Расми на спину. Хамид услышал одновременно глухой звук удара затылка о цементный пол и звук рукоятки ножа, той самой, перламутровой, скребущей по этому полу. Его вывернуло еще раз.

– Тысяча членов в твою задницу! – голос показался Хамиду знакомым.
– Какого черта ты заколол его?!

– Сам ты брат пидора! – прозвучало в ответ. – Кто мог знать, что это его слуга? Ты же сам шепнул: «Вот он!»

– Шепнул. Но я же не приказывал сразу убивать его! И если бы ты не торопился, мы бы у этого слуги – как его там, Расем, что ли? – узнали бы, где этот Шредер. А теперь у кого узнавать – у нашего придурка?

Хамид, поняв, что последнее определение относится к его собственной персоне, заставил себя наконец поднять глаза. Перед ним была та самая парочка, что отметелила его у Концертного зала. Трудно было сказать, который из них был ведущим, а который ведомым. С одной стороны,

мордастый говорил, как явный начальник и отчитывал плюгавенького Махмуда, словно нашкодившего школьника, с другой стороны, плюгавенький был явно ближе к начальству, да и осведомленнее, потому что в ответ на разнос спокойно сказал:

– Ничего-то ты, Аббас, не понимаешь. Проблема в том, что все произошло слишком быстро. Звонит мне Гамаль и говорит: «Надо срочно убирать Шредера. Он уже обнаглел настолько, что вздумал нас шантажировать. Отправляйтесь, ребята, в Эссlingen и разберитесь там и с ним, и с этим сыном свиньи, правдоискателем, что свалился на нашу голову...».

– Эй, друг, – вдруг обратился он к Хамиду, – ты в курсе, куда делся твой благодетель, этот самый Шредер?

Хамид энергично замотал головой. Его мутило от запаха собственной рвоты. Внезпно он сквозь слезы захохотал при мысли о том, какой аппетитной *тамийя* была на тарелке и как непрезентабельно она выглядит сейчас в виде рыже-бурой кашицы на сером цементе. Да и ароматы несколько отличались тогда и сейчас...

Мордастый по-своему истолковал его смех.

– Ты не веришь нам, – сказал он скорбно. – Ты думаешь, если Гамаль велел нам прикончить тебя, мы обязательно сделаем это. Пойми, мы не убийцы! Не смерти грешника желает Аллах, но покаяния! Ты одержим идеей, что, если мы используем жизни арабских детей, как оружие в борьбе с врагом, то кровь этих детей – твоих детей, наших детей – на наших руках. Правильно?

Не в силах произнести ни слова, Хамид просто кивнул.

– Но это неверно, пойми! – с жаром воскликнул мордастый Аббас. – Виноваты те, кто не оставил нам другого оружия! Кто держит нас в блокаде, кто лишил нас всех прав, кто не считает нас за людей! А такие типы, как этот Шредер, они с нами до тех пор, пока мы платим им, а стоит нам повернуться к ним спиной, как они в эту спину готовы нож всадить.

«Так ведь пока что вы ему собирались нож в спину всадить, – подумал Хамид, – а всадили его слуге». Вслух же он сказал, вернее, выдавил:

– Может быть... может быть, Уленшпигель просто понял, что происходит на самом деле...

– Да брось ты! – перебил его тот, что с лисьей мордочкой. – А то

Шредер раньше не знал про живые щиты!

– А как ты полагаешь, друг наш... э-э-э... Хамид, – встрял Аббас. – По чьему приказу этот Расем, слуга Шредера, пытался тебя убить? Неужели по моему? Или по собственной инициативе? А может, это именно господин Шредер, заполучив запись беседы с тобой, решил шантажировать нас, а тебя убрать, чтобы не лишиться, так сказать, эксклюзива? Молчишь? Пойми, мы спасли тебе жизнь! Если бы не мы, ты бы сейчас тихо остывал в этом подвале с удавкой на шее. И все, что сейчас требуется от тебя, это сказать нам, где сейчас Шредер, и дать слово, что в благодарность за чудесное спасение больше не пойдешь против нас.

– Так ведь не знаю я, где Уленш... где Шредер! – прохрипел Хамид. – А не идти против вас... – тут он закашлялся и это, похоже, решило его судьбу.

– Хватит с ним разговаривать! – прошипел плюгавый. – Приказ есть приказ! Как говорится, пустой колодец росой не наполнится. Коли нет облаков, так и дождю не идти.

– Да Шайтан его знает! А вдруг ему все же, как говорится, известно, где растет *касис*¹⁸, – с сомнением произнес Аббас.

– Ничего ему неизвестно, – заверещал Махмуд. – Хватит! Так мы сто лет здесь проторчим! Ну ладно...

Мордастый схватил Хамида за волосы и рывком поставил на ноги. Он было отпрянул, но от мордастого разве вырвешься? Одной рукой тот сгреб руки Хамида у него за спиной, другою, схватив за волосы, дернул его назад так, что голова запрокинулась, подставляя горло под изящно изогнутый нож с ручкою, инкрустированной перламутром, которую тот, что с лисьей мордочкой, перевернув тело Расми снова лицом вниз, выдернул из спины покойного.

Хамид закрыл глаза. Вот, значит, как оно произойдет. С детства он время от времени пытался представить, как будет когда-нибудь умирать, как будет переходить в смерть, пытался представить себе, какая она, смерть. И в последние дни он часто думал о той странной стране, куда переселились Аяя и Мамдух, Мухаммад и Маруан. И вот сейчас, на пороге этой страны, главное чувство, которое он испытывал, была усталость.

¹⁸ Так арабы говорят о человеке, владеющем нужной информацией. Трюфеля растут рядом с кустарником касис. Его наличие указывает на их близость.

Смертельная – во всех смыслах – усталость, и еще... еще разочарование. Здесь, сейчас, в этом грязном подвале, понимая, что наступает последний миг его жизни, Хамид осознал самое страшное – именно Уленшпигель, тот Уленшпигель, в которого он, Хамид, так верил, тот самый Уленшпигель, о встрече с которым он так мечтал, именно этот Уленшпигель и был главным виновником гибели его детей. Ради него, этого Уленшпигеля, хамасовцы загоняли детей на крышу, чтобы их в ключья разнесло израильской ракетой. Ведь все эти живые щиты гроша ломаного не стоили бы, если бы не свора продажных журналистов, которые потом будут расписывать зверства евреев, зверства, в которые сами не верят, и кричать о пепле, который якобы стучит в их сердца, в их лживые, холодные, боленепроницаемые сердца. Жаль, что он слишком поздно это понял, жаль, что он пошел на ложные огни и забрел в трясину, из которой уже не выбраться. А Инструкции? Может быть, зря он их не отдал Шредеру? При всем своем цинизме тот мог бы погнаться за сенсацией и опубликовать их...

Выстрел прогремел совсем рядом. За ним второй. Еще не осознавая, что произошло, Хамид почувствовал, как рука, мертвой хваткой державшая его за волосы, бессильно скользнула по его плечу. Он открыл глаза.

Мордастый лежал на бетонном полу и дергался в последней судороге. Его ручища с пальцами-палицами, бессильно скребла по бетонному полу, из угла рта струйкой бежала кровь. Владелец лисьей мордочки лежал с дыркой во лбу и удивленно смотрел в потолок. Должно быть, он успел обернуться. Тотчас же у Хамида страшно заболела голова, особенно у корней волос, которые чуть не вырвал мордастый.

– Сейчас всех троих похороним и уматываем отсюда, – сказал Герман Шредер, ставя револьвер на предохранитель.

Хамид ликовал. Все-таки он был прав! Все-таки он не ошибся в Уленшпигеле! Уленшпигель спас ему жизнь! Уленшпигель – друг! Вместе они выведут хамасовцев на чистую воду! – Вот! – сунув руку за пазуху, он торжественно достал пластиковый пакет с бережно сложенной многострадальной инструкцией. – В этом документе – разоблачение ХАМАСа!

Уленшпигель развернул пакет, пробежал бумажку глазами, затем небрежно сунул во внутренний карман пиджака и, указывая на мертвого

Аббаса, приказал: «Давай!»

Хамид схватил тело за ноги, предполагая, что за руки его возьмет немец.

– Не, – буркнул тот, схватил труп под мышки и взвалил Хамиду на спину, которую последний с готовностью подставил. Затем взял лопату, стоящую в углу, и рявкнул: – Пошли!

Это «пошли» было сказано по-английски, но прозвучало, как чисто немецкое слово, нечто из американских фильмов про войну. Странно – он и раньше говорил с немецким акцентом, но прежде ничего лающего в его речи не было. А тут...

...Тропинка, которая выходила с заднего двора, пересекала улицу, вымощенную брусчаткой, и дальше вела к кособоку. По дороге попался лишь один дом, да и в том, к счастью, окна были погашены.

– Все складывается неплохо, – пробормотал Шредер.

Хамид хотел его спросить, а что было бы, если бы в доме кто-то был.

– Хозяева уехали на неделю, – опередил его Шредер.

Хамид успокоился было, но, честно говоря, ненадолго. Было что-то странное в поведении Шредера. Почему Уленшпигель сам не схватил второй труп, а властным движением молча повелел Хамиду, буквально шатающемуся от усталости после того, как он перетащил увесистое тело Мордастого, бежать задохлым Махмудом. Тот, конечно, полегче своего приятеля был, но все-таки, разве боль палестинского народа не стучит в сердце Уленшпигеля? А если стучит, то почему он обращается с Хамидом, сыном этого самого палестинского народа, точно с рабом? Не вяжется со светлым образом...

За этими не слишком приятными мыслями Хамид перетащил все три трупа своих несостоявшихся палачей и сгрузил их под обрывом, на котором, уперев руки в боки, в классической позе колонизатора с карикатуры из левого журнала шестидесятых годов стоял Шредер. Он утер пот и, как ребенок, ожидающий похвалы, робко спросил: «Ну, как вам Инструкции?»

Вместо ответа к его ногам, звякнув о камень, шмякнулась лопата.

– Копай, – крикнул Шредер. В руках у него, очевидно, для обороны на случай, если Хамид вздумает использовать эту лопату не по назначению, был все тот же пистолет, из которого он застрелил двух головорезов.

Хамид пожал плечами – ладно, как-никак Уленшпигель спас ему жизнь – и начал копать траншею. В последний раз – это было три недели назад – вот так же им командовал женоподобный, похожий на гермафродита, хамасовец, руководивший разбором завалов, образовавшихся после обстрела израильтянами улицы, на которую Хамид случайно свернул, когда шел покупать себе питы. Хамасовец, писклявым голосом пытался рычать, размахивал руками, а Хамид, еще парочка подростков, мобилизованных на расчистку, и несколько молчаливых женщин перетаскивали каменные глыбы.

– Schneller! – гаркнул Шредер.

Почва была не бетон, конечно, но какая-то словно спрессованная – верхний слой откорябывался легко, а дальше что-то начинало под острием лопаты скрежетать, кусочки грунта отколупывались еле-еле, в общем, каждый метр... – да что там метр! – каждый сантиметр давался с бою! Все чаще Хамид не просто налегал на лопату, а как бы опирался на нее, замедлив ритм своих движений и попросту отдыхая.

– Schneller! – орал тогда Шредер, уже полностью преобразившийся в эсэсовца из американского фильма о Второй мировой войне или о Холокосте. Непонятный трепет охватывал тогда Хамида. Он чувствовал себя евреем в руках палача, причем евреем из тех, доизраильских, времен, времен Ратушной площади... «Эх, – ни с того ни с сего вдруг подумалось Хамиду, – был бы сейчас здесь Моше! Уж он бы...»

Ну вот, яма есть, и довольно-таки глубокая, теперь надо превратить ее в траншею на три тела...

То ли у Хамида второе дыхание включилось, то ли он так глубоко задумался, то ли еще почему-либо, но минуты, вернее, десятки минут, в которые появилась траншея на троих, пролетели как-то незаметно. То есть вот как бы только что он примерял, прикидывал, куда копать – и глядишь – уже утирает лоб и вопросительно смотрит на Шредера.

– Еще копай! – кричит Шредер.

– В первый момент Хамиду показалось, что он ослышался. Еще копать? Зачем?! Сгрести тела в траншею, и делу конец!

– Копай, donner wetter!

И столько было в этом окрике ярости – да что там ярости? – ненависти, что Хамид в изумлении опустил лопату и поглядел вверх. Как раз в этот

момент луна, словно по мановению неизвестного режиссера, выкарабкалась из тучи, и еще четче очертила чернеющий силуэт Уленшпигеля – силуэт голливудского злодея.

Откуда это бешенство у человека, лишь полтора часа назад спасшего ему, Хамиду, жизнь?

В этот момент луна смилостивилась и пролила перламутровые лучи свои на резко очерченное, с бритыми висками, лицо этого человека, и Хамид понял, почему оно показалось ему знакомым. Это было лицо эсэсовца из видения, которое посетило его на Ратушной площади. Заглянуть бы в глаза этому человеку, понять бы, за что тот его так ненавидит, что Хамид ему сделал. Но луна светила откуда-то сбоку, так что оба глаза оставались черными ущельями, тщательно прячущими все, что таится на дне. Зато третий глаз... Правда, Хамид знал, что скрывается на дне третьего глаза, но легче от этого не становилось. Потому, что глаз этот был дулом револьвера. И дуло было направлено на него, Хамида.

И этому человеку Хамид сам, добровольно, отдал драгоценную Инструкцию!

– Копай, мразь!

Хамид покорно опустил глаза и уже занес ногу, чтобы надавить на клинок лопаты, но тут опять застыл в изумлении, причем в таком изумлении, что на секунду, ну, не на секунду – на долю секунды – забыл о направленном на него дуле смерти. У собственных ног он увидел... кошку. Обыкновенную кошку.

Да как он мог, уже неделю бродя по Штутгарту и Эсслингену, не обратить внимания, что на улицах нет ни одной кошки, кроме тех, кого водят на поводках, как ту, возле «Гамбурга»?! Он, который в семь лет вместе с сестричкой Ханин безуспешно пытался выходить котенка, попавшего под колесо велосипеда, он, который до последнего дня существования их дома в Шуджайе не только выносил окрестным кошкам варено, что готовила любвеобильная Аяя, но и сам покупал кошачий «проплан» в зоомагазине, том самом, где жили два какаду – Рико и Коко, известные на всю Газу тем, что пристрастились к кофе и выпивали по несколько чашек в день на глазах у восхищенных посетителей, одним из которых он частенько становился. Все, все погибли – и Ханин с Айей, и животные, и птицы.

Луна вновь провалилась в тучу прежде, чем Хамид разобрал, какого

цвета это существо, которое так доверчиво стало тереться о его ноги. Но Шредер, должно быть, без всякой луны видел не хуже кошки, потому что выстрел, заставивший Хамида слегка подпрыгнуть от неожиданности, а летучую мышь, укрывавшуюся в ветвях стоящего на откосе платана, сорваться в черноту ночи, этот выстрел был на удивление точен. Кошка с визгом рванулась в сторону и с размаху шлепнулась в свежевыкопанную траншею. Услужливая луна быстро выскочила из тучи, чтобы осветить ее тельце, из которого выплескивалась черная кровь, ее лапу, которой она дернула несколько раз, прежде чем навсегда затихнуть, ее хвостик, которым она еще пыталась пошевелить... Вспомнилось: «Не дай Б-г мне дожить до дня, когда у меня на пса, на бродячего пса слез не останется!» Эх, сюда бы сейчас Моше!

А может, не такой уж снайпер этот Уленш... впрочем, какой он к шайтану Уленшпигель?! Шредер он, немец, свинья фашистская! Так кто он – меткий стрелок или мазила, попавший в кошку случайно, потому что стрелял он ни в какую не кошку, а... в кого, в кого же он стрелял? И вдруг – простейшая мысль – удивительно, как она раньше не пришла ему в голову! С чего бы это Расми, слуга Шредера, вдруг попытался убить его, Хамида? Уж не по приказу ли самого Шредера? Так что выходит, стреляя в Аббаса и Махмуда, Шредер не Хамида спасал – он самого себя спасал от двух подосланных убийц! Помнишь, Хамид? «Надо срочно убирать Шредера. Он уже обнаглел настолько, что вздумал нас шантажировать. Отправляйтесь, ребята, в Эссlingen и разберитесь там и с ним, и с этим сыном свиньи, правдоискателем, что свалился на нашу голову...»

Хамид вновь поднял глаза. Шредер не торопился. Целился спокойно, не спеша. Хамиду бежать все равно было некуда – он стоял перед убийцей, как на ладони. И луна, подлая луна, сволочная луна, точно хороший прожектор изо всех сил, освещала жертву – стреляйте, герр Шредер!

Хамид зажмурился. За последние три часа его убивают в третий раз. Сейчас прогремит выстрел.

Но выстрел не прогремел. Вместо него раздался какой-то странный звук – будто что-то большое и тяжелое рухнуло с приличной высоты. Не дождавшись выстрела, Хамид осторожно открыл глаза. Он увидел, что же такое рухнуло с откоса. Это было тело Шредера.

– У нас в одной мудрой книге написано: «Мудрец, обнаруживший в реке череп, сказал: «За то, что ты топил, тебя утопили, но и тебя утопивший утоплен будет». Почти та же, та же ситуация, что тут. Этот Расми хотел тебя убить, двое его убили, Шредер их пристрелил...

– А ты ребром ладони переломил шею Шредеру, – закончил Хамид, скрестив на груди руки и обнимая себя за плечи. Его все еще знобило. – Где ты так наловкался-то?

Они сидели на том самом откосе, где полчаса назад стоял Шредер с лицом эсэсовца и револьвером в руке.

– В «Сайерет Маткаль»¹⁹, – отвечал Моше. – Это-то несложно было. Вот подкрасться сзади так, чтобы он ничего не услышал...

– Так ведь ты мой спаситель... – начал Хамид.

– Я уже объяснял, объяснял тебе, – возразил Моше, – что это ты мой спаситель. Если бы ты тогда ночью не смылся, а я бы не погнался, не погнался бы за тобой в аэропорт, остался бы в доме, куда вскоре попала ракета, лежал бы я сейчас, лежал, вот как эти... – он кивнул в сторону только что засыпанной ими траншеи, над которой земля слегка вздыбилась – тихо лежал бы. Плиты надо мной еще бы не было, и могила моя напоминала бы незасеянную клумбу, а мои внуки инкрустировали бы ее разноцветными камушками.

– Пусть так, – согласился Хамид, усмехаясь. – Но все мои предыдущие спасители, сперва спасали меня, а потом сами принимались убивать. Но не успевали... Надеюсь, ты не пойдешь по их стопам.

– В каком смысле?

– Так ведь не станешь меня убивать.

– А я-то думал, ты надеешься, что я не пойду по их стопам в смысле – вслед за своей жертвой сам не отправлюсь на тот свет, – рассмеялся Моше.

– О чем ты! – воскликнул Хамид почти серьезно. – Как такое может

¹⁹ «Сайерет Маткаль» – специальное подразделение Управления разведки Генерального штаба Армии обороны Израиля. Бойцы «Сайерет Маткаль» считаются лучшими диверсантами в мире.

быть?! Ты – и вдруг на тот свет!

– А почему, почему нет? – удивился Моше. – Что я, Б-г?

– Так ведь ты полубог! – без улыбки произнес Хамид.

– Ладно, полу так полу, – согласился Моше. – Кстати, откуда, откуда куревом несет? Здесь вроде бы, кроме нас, никого нет.

– Не знаю, – отвечал Хамид. – Но мысль хорошая. Пожалуй, я покурю.

И достав из кармана пачку, дрожащими руками он стал вытаскивать сигарету.

– Ну, покури, покури, – одобрил Моше, поднимаясь на ноги, и вдруг осекся. Да-да, это тот самый запах, который его преследовал и на берегу моря под Ашкелоном, и в аэропорту, и в Пардес Хане, и только что здесь. Это был не просто табачный дым, это был запах Спасения. Говорят, есть запах смерти. Что ж, табачный дым, который выдыхал Хамид, нес в себе аромат жизни. Моше с нежностью посмотрел на этого худого парня, что сидел, скрючившись, на корточках и высасывал из сигареты затяжку за затяжкой. Ну-ну, не размякать!

– А как ты меня нашел? – каким-то жалобным голосом спросил Хамид, снизу поглядывая на нависшего над ним Моше.

– Потом расскажу, сейчас некогда! Пора, пора собираться, – объявил Моше, потягиваясь.

– Куда мы сейчас? Так ведь ты говорил, в Мюнхен? – спросил Хамид, и в голосе его прозвучала какая-то покорность, чтобы не сказать «обреченность». Прежние его спасители, не успев спасти, принимались его убивать. А этот, по крайней мере, на жизнь не покушается, зато тащит куда-то черт-те куда. В Мюнхен. Что ему, Хамиду, делать в этом треклятом Мюнхене? Недаром народная мудрость гласит: «Последуешь за совой – попадешь в развалины».

– В Мюнхен мы едем встречаться с настоящим Уленшпигелем, с человеком, которому чужая боль действительно, действительно стучит в сердце. В отличие от твоего Шредера – он ткнул пальцем в сторону траншеи – и других таких вот шредеров, которые и являются истинными убийцами детей в Газе, то есть заказчиками их гибели.

– Оставь Шредера в покое, – сказал Хамид. – Как говорят в нашем народе, после смерти не упрекают.

– Вот-вот, – согласился Моше. – И он нас после своей смерти ни в чем не упрекнет. Тем более, что упрекать ему нас по большому счету не в чем. А что касается Петера, то это – по-настоящему честный журналист. У него интернет-телеканал. Не центральное, конечно, телевидение, но кое-что. Пошли в «ауди».

– Какое еще ауди? – удивился Хамид.

– «Ауди А6», который я арендовал первым делом по прибытии в Штутгарт. Я оставил его в двух кварталах от дома твоего Шредера. Поднимайся, нельзя терять ни минуты, ни минуты!

«Ну что ж, – подумал Хамид. – Нельзя так нельзя. Поедем, посмотрим, какой такой Петер. Так ведь вдруг что и получится. Как говорится, из шипов выходят розы.

– Этот журналист, конечно же, еврей? – спросил Хамид, торопливо пристегиваясь, чтобы прекратились мерзкие напоминания со стороны «нудника», от которых у него начиналось что-то вроде зубной боли.

– Он немецкий христианин, член организации, поддерживающей Израиль. Хочешь знать, как мы познакомились?

– Как? – усталым голосом спросил Хамид. Он удивлялся сам себе. Надо было радоваться. Мало того, что за три часа Аллах трижды чудесным образом спас ему жизнь, так теперь, когда, казалось, погибла надежда на осуществление его мечты поведать миру правду о том, что творится в Газе, продемонстрировать всем Инструкцию, которую он прежде, чем присыпать покойного Шредера землей, выудил у него из кармана, Аллах эту надежду воскресал. Но сил радоваться не было.

– Девять лет назад наш премьер Ариэль Шарон разрушил пояс поселений вокруг Газы – Гуш Катиф. Помнишь такое?

– Как же не помнить? Мы все радовались. «Евреи начинают драпать!» «Интифада победила!» «Да здравствует ХАМАС!» Плакали только те, кто работали в израильских поселениях и в теплицах.

– Поня-я-тно, – протянул Моше, выруливая на скоростное шоссе. – Ну, а как с вырезвлением, с прозрением-то как?

– Так ведь на это ушли годы! Я же и сам когда-то голосовал за ХАМАС.

Кроме того, в первое время мы действительно почувствовали облегчение – никаких больше блокпостов, Езжай куда хочешь! А то ведь заключенными себя чувствовали – на каждом шагу проверки документов, а там – часовые очереди, солдатская брань, произвол! Но при чем здесь ваш христианский друг – э-э-э...

– Петер? Сейчас расскажу. Значит, так – вы радуетесь, мы, соответственно, в ужасе. Мы – это все, кто считают, что евреи имеют право жить на своей земле...

– На своей или на чужой?

– Оставим сейчас политические дискуссии. Уж кто-кто, а ты, по-моему, достаточно плотно пообщался с нашими оппонентами. Но помимо всего, «мы» это еще и те, кто понимали, что отступление из Гуш Катифа неминуемо приведет к власти ХАМАС, если не во всей автономии, то уж в Газе точно. Со всеми вытекающими, вернее, вылетающими в виде «кассамов», последствиями.

– Значит, это все-таки вас, вернее, ваших правителей, мне благодарить за гибель своих сыновей, – задумчиво прошептал Хамид.

– Поблагодари себя, голосовавшего за ХАМАС, – жестко ответил Моше. Хамид с удивлением взглянул на него. Такого Моше он еще не видел. Даже прикончив Шредера, он – и это поразило Хамида немногим меньше, чем само его появление – он сохранял добродушное выражение лица, а тут... Сстиснутые зубы, желваки ходят ходуном, взгляд, неожиданно твердый, как ребро ладони, которым он срубил бывшего Уленшпигеля.

М-да... Расслабляться рановато. Чужая душа – потемки, особенно, если это душа еврея.

– Ладно, ладно, слушай дальше. После того, как по приказу Шарона армия и полиция блокировали границы Гуш Катифа, чтобы не дать нам, сочувствующим, приехать в поселения и сорвать этот план Размежевания...

...Десятки тысяч людей решили в массовом порядке туда прорваться. Сначала мы собрались в небольшом поселке Кфар Маймон у самой границы Гуш Катифа, хотели колонной двинуться, но там нас фактически заперли прямо в поселении. Тогда через две недели мы собрались в Сдероте, чтобы оттуда несколькими группами двинуться в Гуш Катиф.

– В Газу, – уточнил Хамид, в котором откровения Моше вызвали

приступ несвойственного ему упрямства.

– Нет, Хамид, – на сей раз терпеливо отреагировал Моше. – Из Газы мы ушли в девяностых. А большинство поселений Гуш Катифа располагались по периметру сектора Газа. Так что не надо.

– Что было дальше? – глухо спросил Хамид, глядя на парные вереницы красных огоньков, уносящихся вдаль по правой стороне шоссе, и желтых огней, летящих навстречу.

– Дальше? Дальше я обнаруживаю в нашей группе некую личность, резко выделяющуюся. Мало того, что, кроме меня, вокруг сплошная молодежь, а этому за сорок, так он еще и на иврите ни слова не рубит. Мы познакомились. Выяснилось, что это немец, никакого отношения к Израилю не имеющий. Специально приехал в Израиль, чтобы участвовать в борьбе против «Размежевания». Зовут – Петер. Петер Бигельбауэр. «Ах, какая у вас замечательная молодежь, – повторял он, с восхищением провояжая взглядом шествующий мимо отряд парней и девчушек из «Бней Акивы». – Сколько любви к Родине, сколько мужества, сколько духовности! У нас в Европе нет ничего подобного!

– У нас в Тель Авиве тоже, – с грустью констатировал я.

– А что его туда принесло? – с неприязнью спросил Хамид. – Христианские взгляды или комплекс вины перед евреями?

– Ну, насчет последнего я его, понятно, не спрашивал, а сам он как-то не распространялся. А вот насчет христианства, взгляды его весьма любопытны. «Я, – говорит, – не принадлежу ни к одной конфессии. По взглядам являюсь библейским христианином». «Ого! – думаю. – Это что-то новенькое». А он поясняет: «Беда в том, что христианство, выйдя из Библии, далеко от нее ушло. Все эти две тысячи лет оно было чересчур политизировано. Мне кажется, главная задача его сейчас – снова стать библейским».

– Мне это особенно интересно! – хмыкнул Хамид.

– Ах да, – подмигнул ему Моше в зеркальце. – Какое тебе до этого дело? И мы, и христиане для тебя – гяуры! Нас надо или гнать, или давить, или и то, и другое!

– Ну зачем вы так? – смущенно пробурчал Хамид. – Что я, хамасовец, что ли?

– Бывший, – отрезал Моше.

Хамид хотел было обидеться, но не стал. А Моше продолжил: «А где, – спрашиваю, – вы остановились в Израиле?» «Как это – где? – говорит, – здесь и остановился. Вот все мои вещи». И при этом указывает пальцем на рюкзачок, рассчитанный разве что на первоклассника, и полиэтиленовый пакет вроде тех, куда записывают продукты в супермаркете. Ну, прорыв у нас в ту ночь не удался. Нас с Петером повязали одними из первых, когда мы пролезали под колючей проволокой. Даже документы проверять не стали – записали в «зинзану», отвезли в район Ашкелона и высадили неподалеку от той бензоколонки, где мы с тобой встретились. Ну что, я взял такси и отвез его к себе домой так же, как вот недавно тебя. Всю ночь, всю ночь мы с ним проболтали. А через полтора месяца получаю перевод его очерков о приключениях в Израиле, треть повествования – о моей скромной персоне. Это было девять лет назад. С тех пор расцвел интернет, где мой Петер весьма преуспел, а следом и интернет-телевидение вылезло на белый свет. Петер, разумеется, шагнул, чтобы не сказать «скакал» в ногу, в ногу со временем, вовремя подсутился и осчастливил просвещенный мир собственным каналом – интернетовским телеканалом. Студия находится в Мюнхене, куда мы сейчас, собственно, и едем, а количество ежедневных заходов на этот канал исчисляется десятками, если не сотнями тысяч, так что по части популярности покойный Шредер ему не конкурент. Кстати, благодаря Петеру я вовремя успел сюда. Он в два счета раздобыл для меня адрес этого самого Шредера. Когда ты сбежал, я решил сгонять за тобой в аэропорт – вдруг удастся остановить тебя, дурака! Не удалось, конечно, остановить, не удалось... Но пока я ездил, ВАШИ...

...Хамид съежился при этом «ваши»

– Ваши мой дом, дом мой разбомбили. Вот и вышло, что тебе я обязан жизнью. Связался я с Петером. Оказалось, он прекрасно знает этого Шредера – редкая гнида. Вот и выпало мне мчаться, спасать своего спасителя, вручать свою палочку-выручалочку.

– Уленшпигель... – прошептал Хамид, и прилив неожиданной горечи нахлынул на него.

Хамид беззвучно и бесслезно плакал. Он оплакивал... нет, не Шредера, а свою мечту о встрече с незнакомым прекрасным Уленшпигелем, с

Махди²⁰, оказавшимся Даджалем²¹, слугой Шайтана!

Моше, похоже, угадал его мысли.

– Что делать, дорогой! – грустно сказал он. – Как бы ни были прекрасны по весне цветы, рано или поздно они все отцветают. Вот то же и с надеждами, с нашими надеждами... А это еще что за Гог и Магог?!

Здоровенный джип поравнялся с «ауди» и начал подрезать его. Одновременно правое переднее окно опустилось, и наши герои увидели человека с пистолетом в руках.

– Гамаль! – в ужасе крикнул Хамид, узнав в темноте своего главного врага.

Кто такой Гамаль, Моше еще не знал, но интуитивно оценил ситуацию. Резко бросив машину вперед и снеся джипу к чертовой бабушке зеркальце, а заодно – сувениром от острого края передней фары джипа украсив свой «ауди» царапиной, Моше при первой же возможности – а она предоставилась метров через четыреста – свернул на уходящее вправо ответвление шоссе.

– Бах! Бах! Бах! Бах! Бах! Пули, отправленные вдогонку, цели не достигли, а пока джип Гамалья, пролетевший развилку, разворачивался, чтобы продолжить преследование, Моше набрал скорость и – поминай как звали.

– Сын осла! – орал Гамаль, овеваемый на пустом ночном шоссе встречным ветром.

– Сын шлюхи! Я твою бабушку трахал! Чтоб тебя измазали дерьмом! Чтоб мой Бог проклял твоего отца! Чтоб мой Бог разрушил твой дом! Ничего-ничего! Я до тебя доберусь!

– Он схватил мобильный телефон и буквально застучал пальцами по экрану.

– Ну же, ну, соединяйся уже, сын падали! Ахмед, болезнь на твой х...! – подойди уже к телефону! Алло! Алло! Ахмед? «Ауди А6»! Синий, похоже, едет в сторону Мюнхена!

²⁰ Махди – в исламе: последний преемник пророка Мухаммеда, мессия, который появится перед концом света.

²¹ Даджал – в исламской традиции: лжемессия, аналогичный Антихристу в христианстве.

Но это было не совсем так.

– Почему мы свернули? – спросил Хамид.

– Потому что шоссе Штутгарт–Мюнхен для нас теперь закрыто, совсем закрыто!

– То есть... – не понял Хамид.

– Я так полагаю, что твой приятель не одинок и уже сообщил своим друзьям о нашем приближении, – усмехнулся Моше. – Так что, если ты не хочешь новых приятных встреч вроде той, что сейчас была, то...

– Так мы что, в Мюнхен уже не едем? – пробормотал вконец запутавшийся Хамид.

– Едем, едем! – успокоил его Моше. – Только окольными путями и заедем не с северо-запада, то есть со стороны Штутгарта, а с северо-северо-востока, со стороны мюнхенского аэропорта!

Он весь был какой-то квадратный, этот герр Браун, полицейский следователь, куривший противные сигареты и глядящий на Марион квадратными глазами. И голова у него была квадратной, и уши были квадратными, и челюсти, и все тело, и даже руки он все время держал согнутыми в локтях точно под прямым углом.

– Да, я Марион Бунзен, тысяча девятьсот девяностого года рождения, замужем за Фрицем Бунзеном, работаю в гостинице «Гамбург». Я хочу понять, зачем вы среди ночи вызвали меня звонком и...

– Фрау Бунзен, – проревел следователь басом, в котором прорывались время от времени хрипы, придавая голосу Брауна некую квадратность. – Фрау Бунзен! Как сообщил нам редактор «Нойе Штутгартер Цайтунг», герр Циттербакке, не далее, как шесть дней назад, вы явились в редакцию их газеты на Шлоссштрассе 17 и, после двадцатиминутного скандала, буквально выцыганили у них, да что я говорю? – силой вырвали у него информацию о месте проживания журналиста Германа Шредера, который печатается под псевдонимом «Уленшпигель». Вы не могли бы объяснить, зачем вам это было нужно?

– Не могла бы! – заявила Марион, решительно потрянув головой, и черный водопад волос с новой силой обрушился на ее плечи. – Не могла

бы, потому что сие мое личное дело. Считайте, что я влюбилась в этого самого Уленшпигеля и собираюсь с ним переспать. Такой ответ вас удовлетворяет?

– Не очень. – Ломаная линия кривой усмешки пересекла его квадратное лицо.

– ?

– Ну во-первых, вы замужем...

– Для меня это не помеха, – это признание Марион в сочетании с улыбкой ее алых губок вызвало у полицейского острое желание срочно в эти самые губки впиться собственным резко очерченным квадратным ртом. Подавив (хотя бы на время) это желание, он продолжал:

– Во-вторых, похоже, вы не из тех, кто откладывает дела в долгий ящик, так что возникни у вас это желание, вы бы за шесть дней его осуществили.

– А кто вам сказал, что я этого не сделала? И опять же, какое ваше дело? Когда хочу, тогда и осуществляю!

– А вот это вам вряд ли удастся, – злорадно пробасил Браун. Если вы, конечно, не... не некрофилка...

– То есть? – нахмурилась Марион.

– Дело в том, – торжественно провозгласил Браун, – слегка приподнявшись от охватившего его восторга, – что журналист Герман Шредер, псевдоним «Уленшпигель», был убит несколько часов назад возле своего дома в Эсслингене. И не только он...

Всю жизнь Хамид маялся бессонницей. Любой пустяк, любой повод для беспокойства мог заставить его ворочаться до утра. А тут, впервые в жизни, в самый, быть может, критический момент, когда, преследуемый террористами он неся навстречу неизвестности в арендованном Моше «Ауди-:6» он вдруг, что называется, вырубился. Да как! Без сновидений! Словно в черный океан провалился.

Выдернул его из этого океана неоновый указатель Freising-suid. И первая мысль – маяк! Светящийся маяк в океане ночи. На голубом – белые буквы. Фрайзинг... Вот существует какой-то там Фрайзинг-зюйд, южный Фрайзинг, в котором живут, должно быть, тысячи, а быть может, десятки

тысяч людей, и никто из них не знает, что есть на свете такой вот Хамид Шафи, за которым гонятся убийцы, и этому Хамиду надо помочь, очень надо помочь, иначе он умрет, а ему совсем, ну вот совсем не хочется умирать. Странно, да?

И немцы бы тогда – они ведь добрые, немцы, правда? – всех злых после Второй мировой повывели.... Все, ну, может, за исключением той зловредной старухи-альбиноса, а может, и она тоже добрая, только шибко глупая! И немцы бы повыходили из своих домов и всей толпой заслонили бы его, Хамида, от злого Гамалья!

Поворот на какой-то Аутстарт. Ладно, Фрайзинг уже проехали, Б-г с ним, с Фрайзингом. Сейчас в этот Аутстарт свернуть бы, укрыться там, отсидеться... Там бы Гамаль ни в жизнь его не нашел. Но Моше неумолимо гнал Ауди-б вперед.

– «Арена», – неожиданно объявил он хриплым от длительного молчания голосом.

– Что? – переспросил Хамид, проводив взором проплывшую справа и исчезнувшую за спиной светящуюся тушу гигантского розового кита.

– Стадион «Арена».

Модульная камера глядела в упор на Хамида. Казалось, она живая. Хамид, пославший прямо в студии несколько часов, но так и не пришедший в себя после бессонной ночи – «Вставай! Сейчас как раз прайм-тайм!», – пытался отвести взгляд, но долговязый Петер, стоя позади оператора, корчил ему страшные рожи и все время махал рукой, дескать, смотри в камеру!

– Я – Хамид Шафи, приехавший из Газы через Израиль в Германию по фальшивому паспорту на имя Хамида Кулани...

По гортани словно кто-то наждаком прошелся. Слова вырывались наружу ободранные, окровавленные. Каждое прилагательное, казалось, оставляло трещину на губах, каждое междометие – ожег на языке.

– Вот! – закричал Хамид и, вытащив из-за пазухи Инструкцию, развернул ее напротив камеры. – Вот! Это Инструкция! Это руководство по ведению огня в городских пределах, которое принадлежало бригаде ХАМАСа «Шуджайя». Ее мне... – Хамид чуть было не ляпнул, что получил

ее от Сари эль-Фаране, с которым вместе сидел в тюрьме, от Сари, последовательного борца против ХАМАСа, закоренелого «фатховца», друга Абу-Мазена. – Вот здесь! Так ведь написано черным по белому: *«...Гражданское население Газы должно использоваться против ЦАХАЛа, поскольку последний стремится минимизировать потери среди гражданского населения».*

Вот здесь – слышите! – «сионисты должны ограничить использование оружия ради уменьшения как потерь среди мирных граждан анклава, так и разрушений инфраструктуры, поэтому им трудно получить максимум пользы от своего оружия и огнестрельных орудий, особенно во время ведения заградительного огня». А вот еще – *«...Присутствие гражданских лиц создает множество очагов сопротивления продвижению войск ЦАХАЛа, что вызовет следующие трудности: при открытии огня; при контролировании гражданского населения во время и после операций; оказание первой медицинской помощи гражданским лицам».*

А вот дальше – *«...Несомненна выгода, которую мы получим при максимальных потерях среди мирных граждан и разрушениях инфраструктуры. Основное преимущество от этого – это рост негативных настроений в отношении ЦАХАЛа и, соответственно, усиление поддержки сил сопротивления».*

ادف المحتضنة سريعاً

المقالات

التكتيكات التي يسمح

Голос Хамида окреп. Глядя в черный глаз камеры, он стал вздохнуть рассказывать о том, как погибли его жена и дети, как его избивали в тюрьме, как убивали его друзей, как он стремился к Шредеру, сюда, в Штутгарт, как наконец-то встретился с ним!

– Так ведь тогда, – продолжал Хамид, – я понял, что этот человек, Шредер, не просто не Уленшпигель, не просто обманщик, разглагольствующий о своем сочувствии к нашему несчастному народу в то время, как никакого сочувствия нет и в помине, о нет, я понял еще нечто куда более значимое! Я понял – так ведь именно этот лже-Уленшпигель и есть главный виновник гибели моих детей. Да-да, никакой не ХАМАС, именно он и ему подобные и есть заказчики гибели мирных жителей, так ведь их гибель и дает всем этим так называемым левым и либеральным борзописцам возможность делать бизнес на нашей крови и заодно распространять свои антиеврейские нацистские бредни. Да, я все это понял, но было слишком поздно! Подручный Шредера уже затягивал у меня на горле удавку. А вот еще одна инструкция. Не такая секретная, но не менее любопытная! Ее выпустило **Министерство внутренних дел и национальной безопасности Палестинской автономии**:

1. Любой убитый должен прежде всего называться «гражданским лицом» – и только потом можно упомянуть его статус в джихаде или воинское звание. Не забывайте всегда добавлять к имени убитого «невинный гражданин» или «мирный житель».

2. Начинаяте ваши сообщения об атаках палестинского сопротивления фразой «В ответ на жестокую израильскую агрессию» и завершайте фразой «Столько-то человек погибли с начала израильской агрессии в Газе». Всегда следуйте формуле «атака – ответ на оккупацию, палестинцы только реагируют».

3. Следите за сообщениями израильских представителей. Всегда

подвергайте их сомнению, опровергайте и представляйте ложью.

4. Избегайте публикации фотографий ракет, запускаемых из жилых кварталов Газы по Израилю. Не публикуйте фотографии мест, откуда ведется обстрел.

5. Не публикуйте фотографии наших бойцов в масках и с тяжелым оружием, чтобы вас не обвинили в подстрекательстве к насилию.

6. В разговоре с западными журналистами используйте рациональный политический язык, избегайте эмоциональных выпадов. Наша цель – разоблачить подлость оккупации и уличить ее в насилии.

7. Не убеждайте западных людей, что Холокост – это ложь. Не отрицайте Катастрофу. Наоборот, используйте ее для сравнения, чтобы показать, что именно это теперь Израиль творит с палестинцами.

8. Нарратив жизни против нарратива крови. Когда вы говорите с арабами, говорите об убитых как о мучениках, павших в боях с агрессорами. Но когда вы говорите с западными людьми, говорите об убитых как о мирных гражданах. Говорите о большом количестве раненых. Показывайте человеческое лицо палестинских страданий. Красочно описывайте страдания мирных жителей под гнетом оккупации и бомбежек.

9. Не публикуйте фотографии военных командиров. Не упоминайте их имена и не восхваляйте их успехи в беседах с иностранными друзьями.

Тр-р-рах! Дверь с треском слетела с петель и хлопнула об пол!

– Всем оставаться на местах! Руки!

Хамид и Моше, увидев полицейских, направляющих на них дула автоматов, послушно подняли руки. Еще раньше то же сделал Петер, причем руки у него поднялись как-то странно, будто рывком, как у марионетки или заводной куклы. Единственный, кто не проявил никакой дисциплинированности, был оператор, который даже слегка оживился при виде копов, направил на них объектив и подкрутил шайбу микрофона, очевидно, чтобы зрители смогли лучше расслышать, что поведает им стражи порядка. Какой-то момент дуло одного из автоматов и камера оператора смотрели друг на друга – эдакая беззвучная дуэль! – а затем полицейский заорал оператору:

– Выключи телекамеру!

– С чего это вдруг? – удивился телеоператор и продемонстрировал тысячам восхищенных зрителей пухлое недоуменное лицо полицейского.

– Я не понимаю, что здесь происходит, – вдруг очнулся от столбняка Петер Бигельбауэр, и руки его из покорно поднятых превратились в два вопросительных знака. – Почему органы насилия вламываются в студию, где работают представители свободных СМИ? Мы что, живем в Третьем Рейхе или, может, в Советском Союзе?

– Мы явились, – произнес полицейский, – чтобы выполнить постановление начальника Баварского земельного уголовного ведомства господина Раушенбаха о задержании Моше Ниссана и Хамида Кулани...

– Так ведь Шафи я! – крикнул Хамид.

–...По подозрению в убийстве Расема аль-Римави, Аббаса Наджи, Махмуда Хемейда и Германа Шредера. До того, как следствие будет завершено, согласно закону, запрещено разглашать какие-либо его детали. Я требую, чтобы были немедленно убраны видеокамеры и предупреждаю всех присутствующих об ответственности за разглашение тайны следствия.

– У нас нет тайн от зрителей! – воскликнул Петер. – Продолжайте, Хамид!

В этот момент Моше с проворством спецназовца, но отнюдь не шестидесятилетнего старика, рыпнулся в коридор и исчез в его темной траншее, увлекая за собой блюстителей порядка, а Хамид, воспользовавшись замешательством, заговорил скороговоркой:

– Я хочу, чтобы вы, европейцы, знали – убийцы нашего народа вовсе не в Тель-Авиве и даже не в Газе. Убийцы нашего народа – здесь, в Европе! Это те, кто объявляет себя борцами за его права! А я... что я? Враги хотели убить меня, но убивали друг друга – Расми...

– Кого? – переспросил Петер.

– Так ведь Расема... Расема убили Аббас и Махмуд – ножом зарезали, Аббаса и Махмуда застрелил Шредер...

– А Шредера? – выкрикнул капитан полиции, вновь появившись в комнате и направляя на Хамида дуло автомата. После чего разразился тирадой на немецком языке в адрес оператора. Хотя Хамид не понял ни слова, смысл тирады был совершенно ясен: оператору предписывалось

убрать свою чертову камеру, если он не хочет, чтобы эту чертову камеру, черт подери, разнесла к чертовой матери автоматная очередь.

– Это называется демократия? – спокойно парировал оператор, направляя объектив на собеседника.

Собеседник не нашелся что ответить и, вновь переключившись на Хамида, заговорил на плохом английском:

– Итак, передача окончена. Господа Бигельбауэр, Ниссан и Кулани, просьба следовать за мной.

– Предъявите ордер на задержание, – заявил господин Бигельбауэр. – В противном случае ваши действия незаконны, и я никуда не пойду.

Господин Кулани молчал. Вместо него отозвался осмелевший господин Шафи:

– Вот пусть Кулани и едет с вами! А я – Шафи!

А господин Ниссан тем временем, в недрах квартиры-студии, героически сражался с полицейскими, пытавшимися его скрутить.

– Алло! Да, Аниса! Да-да, это я, Гамаль! Что? По какому компьютеру? Ничего не понимаю! Выступают? Хамид? Ты уверена, что это тот самый Хамид? Как фамилия? Правильно, Хамид Шафи. Да. Из Газы, точнее, из Саджайи. Все сходится. А с ним кто? Я спрашиваю, кто второй? Что?! Я ушам своим не верю! Не может быть! Ну и что, что израильтянин? Может, все же израильский араб? Неужели Хамид снюхался с евреем, болезнь на его член?! Ах, он шармута сионистская, брат педераста! Теперь-то я понимаю, почему он с такой легкостью справился и с Махмудом, и с Аббасом, и со Шредером. Так говоришь, по интернет-телевидению выступают? Так вот куда они ехали! Ну да, мы их на Мюнхенском шоссе потеряли... И давно они начали? И что, говоришь, он нас обвиняет во всех преступлениях? Так и так его сестру! Аниса, быстро звони Мустафе – пусть срочно узнает адрес этой студии, мы туда двинем с Фаридом. Что значит, «как найдете»? По навигатору! Нет, выступление сорвать, боюсь, не успеем – пока еще Мустафа все выяснит! Пока мы до них доберемся! Но хотя бы покарать! Чтобы другим неповадно было!

Гамаль отсоединился и с нежностью погладил свой «Карл-Густав». Ну-ну, старина, я не сержусь на тебя за то, что ты не оказался на высоте там

на шоссе. С кем не бывает! Главное – сейчас не подведи.

«Карл Густав» не хуже «калашникова», а производство его наладить легче. И бьет на двести метров и делает шестьсот выстрелов в минуту, а что этот сын шлюхи Хамид ушел вместе со своим евреем, так, положила руку на сердце, не «Карл Густав» в том виноват, а сам Гамаль. Зачем он патроны-то жалел? Не одиночными надо было бить, а палить очередью!

Запел мобильный.

– Алло! – встрепенулся Гамаль.

– Записывай адрес, – сказала Аниса.

Хамид стоял на месте. Он пролетел пол-Европы, пережил такое, что не приведи Аллах, и все ради того, чтобы поведать миру свою историю, и вот теперь, когда мечта сбылась, когда где-то в лабиринтах Европы тысячи или десятки тысяч лиц, прильнувших к экранам компьютеров, ждуют, что после своего сбивчивого обвинительного монолога он, во всех деталях рассказав о том, что же все-таки произошло, рассказав о том, чему был сам свидетелем и жертвой чего стали его дети, теперь расскажет о том, как хамасники выполняют молчаливые, порою даже не произнесенные вслух инструкции господ из европейских редакций и телестудий и из штаб-квартир многочисленных организаций, борющихся на словах за идеалы гуманизма, а на деле за новый Освенцим. Все пошло прахом.

Хамид не двигался. Тишину, казалось, можно было резать ножом, словно сыр.

Неожиданно из темного коридора появился Моше, причем в изрядно согнутом виде, поскольку обе его руки были заломлены за спину торжественно вышагивающими слева и справа полицейскими. Тут капитан полиции прямо затрясся от негодования.

– А, господин Ниссан? Сейчас мы с вами отправимся в полицию, и там вы конечно же поведаете нам, каким образом вы оказались в Германии, что вы, житель Израиля, забыли здесь?

– Что я забыл? – вдруг поднял голову Моше. – Что я забыл? А я и здесь, я и здесь могу поведать! Хамида я забыл! Дома, в Израиле, Хамид спас мне жизнь! Невольно, но спас! Я не сомневался в том, что из себя представляет этот Шредер, этот «Уленшпигель», да будет проклята

память о нем. Переубедить, переубедить Хамида, развеять его иллюзии мне не удалось – парень сбежал. Оставалось одно – следовать за ним в Германию и спасти от этого проклятого Шредера.

Английское слово *damned* – «проклятый» – Моше произнес с каким-то особым аппетитом, словно оно таяло у него на языке. А затем последовала пауза. Сейчас должно было последовать признание в убийстве – пусть со смягчающими обстоятельствами, но убийстве. А были ли они, эти смягчающие обстоятельства или нет, это будет еще проверяться и перепроверяться, ибо сейчас налицо четыре трупа и один несомненный убийца – Моше Ниссан.

– *Entschuldigen Sie mir bitte! Das Tur war geöffnet!*

Если бы Хамид знал немецкий, он понял бы, что внезапно вошедший высокого роста человек в пиджаке, казалось, вот только что выглаженном, в белой рубашке и синем галстуке, в серой шляпе, которую он, впрочем, немедленно снял, едва войдя в комнату, с короткой бородкой и каким-то пронзительным взглядом – взглядом, под которым так и хотелось вытянуться в струнку возопить: «Каюсь! В грехах, как в репьях! Но Аллах свидетель – больше не буду!», что этот человек просит прощения за свое неожиданное появление здесь, объясняя неожиданность его тем, что дверь была открыта.

Далее явившийся господин представился:

– Фридрих Шварц. *Ein Rechtsanwalt. A lawyer*, – пояснил он, повернувшись к Моше, а затем и к Хамиду.

– Адвокат? – переспросил Моше.

– Да, - кивнул тот. – Адвокат Германа Шрёдера.

Тут их беседу прервал начальник полицейской опергруппы и прервал дикой бранью на немецком, обращенной к его подчиненным, что стояли, понуриив головы, хотя и не выпуская запястий Моше из своих рук.

Видимо, он выговаривал им за то, что те оставили наружную дверь открытой – в самом деле – непростительная и странная для сотрудников правоохранительных органов халатность, в результате которой залетный преступник Моше мог бы попросту сбежать, если бы вдруг захотел. Взрыв начальственного негодования закончился фразой явно повелительного характера, после чего на Моше немедля были надеты наручники. После этого полицейский обратился к адвокату.

- Was willst du?
- Nicht was willst du, aber was wollen Sie.
- Was wollen Sie?²²

Напрочь его игнорируя, обнаглевший адвокат обратился к Моше, Хамиду, а также к многочисленной публике, восхищенно следящей за тем, что происходило, на экранах телевизоров по всей Европе и за океаном.

– Покойный герр Шредер, – объявил он на идеальном английском, почти без акцента, – за несколько часов до своей трагической гибели, не доверяя ни обычной почте, которую можно перехватить, ни электронной, которую можно взломать, приехал лично ко мне, крайне взволнованный, все твердил, что у него серьезный конфликт с ХАМАСом, что хамасовцы с ним что-то не поделили и хотят его убить, что он час колесил по Баварии, чтобы удостовериться, что за ним нет хвоста, и что вот, дескать, флэшка, на которой интервью с человеком, приехавшим из Газы, с человеком, у которого по вине ХАМАСа погибли все дети, и что он предупредит ХАМАС, что, в случае его гибели, интервью это выйдет в эфир. «И действительно, – сказал он, – если они все же меня грохнут – адвокат употребил красивое выражение «bump off» обнародуй это интервью. Это будет твоя месть за меня!» Вот эта флэшка.

Капитан бросился на эту флэш-карту, как вратарь на мяч, но Шварц резко отвел в сторону руку с зажатым в ней драгоценным документом.

– Осторожно, – сказал он, глядя не на полицейского, а в синий зрачок телекамеры. – Эта флэшка является моей собственностью, и, пожалуйста, не тяните к ней свои грязные лапы.

Капитан что-то рявкнул по-немецки.

– Говорите, вещественное доказательство для приобщения к делу? – переспросил адвокат на своем красивом английском, явно работая на международную публику. – О кей, предъявите, пожалуйста, постановление об изъятии, и я с удовольствием вручу вам эту ценную улику. Ну?

И он, опять же на глазах у телезрителей, протянул флэш-карту капитану. Тот в нерешительности развел руками, при этом пальцы у него

²² – Что ты хочешь?

– Не «что ты хочешь?», а «что вы хотите?»

– Что вы хотите?

сами собой скрючились, словно он пытался поймать каждой рукой по упавшему с неба теннисному шарик. Видно было, как этот служака борется с почти с неодолимым желанием вырвать вожака из рук подлого крючкотворца и все же не решается, понимая, что подобное беззаконие, да еще на глазах у всего мира, мгновенно обернется для него полным крахом карьеры.

– Что, нет постановления? – удивился Фридрих Шварц. – Ну тогда извините.

Широкими шагами он подошел к оператору и со словами «Поставьте, пожалуйста, этот материал для наших дорогих зрителей!» торжественно вручил ему флэш-карту.

С криком «Nein!» капитан опять рванулся к нему и, захлебываясь, заговорил по-немецки.

– При чем здесь тайны следствия? – удивился адвокат на английском языке. – Это моя вещь, и, пока мне не предъявлено постановление об изъятии, я могу с ней делать все, что хочу. – И, опять повернувшись к оператору, величественно скомандовал: – Ставьте, ставьте!

Он знал, что после сегодняшнего выступления по телевидению на многие годы обеспечен клиентурой.

– Увести задержанных, – мрачно скомандовал капитан, глядя в пол. Процессия двинулась к дверям. Впереди шел Хамид, за ним капитан с пистолетом в руках, а замыкали шествие два полицейских с Моше посередине.

– Эй, милейший, – вдруг обратился к капитану вдогонку адвокат, разумеется, по-английски. – Не снять ли вам с господина Ниссана наручники. Нехорошо надевать подобные украшения на ни в чем не повинного человека. Да и вам все равно придется их с него снять, а до тех пор никуда он от вас не убежит, еще и потому, что бежать ему особо некуда. Правда ведь, господин Ниссан?

Моше кивнул.

– Да не волнуйтесь, скоро вы оба окажетесь на свободе – я лично буду заниматься вашим делом, так что гарантирую вам – до суда оно не дойдет.

– Снимите с него наручники, – еле слышно приказал капитан.

Так уже с Хамидом несколько раз бывало. Какой-то незримый молоток начинает вбивать в затылок гвозди, невидимые, но острые... а может, наоборот, тупые. Конечно же, тупые, тяжелые, массивные, так что от них вся голова сотрясается. В первый раз это было, когда они с Айей и малышами купались на берегу... Эх, если бы не хамасовцы, какой бы курорт можно было в Газе отгрохать – что там Дубай!.. Уже и евреи ушли – созидай не хочу! Но убивать проще, чем созидать, а если весь мир при этом десятилетие за десятилетием кричит твоему народу: «Евреи – вот зло!», как не поверить этому миру! Так вот – Айя тогда, поплавав под водой, вынырнула... Хамид взглянул на нее, и словно обожгло его красотой возлюбленной. Мокрые волосы, черными ручьями бегущие по плечам, серые, как у румии, большие глаза – два зайчонка под хвоей ресниц, губы... как-то ей соседка Лиана, вредная такая, замечание сделала, мол, зачем такой яркой помадой красишься... а она вообще не красилась. Вот такая у него была Айя – принцесса, принцесса из «Тысячи и одной ночи», принцесса Будур! Вот такой вот Айей он залюбовался, купаясь с нею, а как вышел из воды, так словно кто-то заступом по затылку – как врежет. Он в тот момент и не понял, отчего это. А потом кофе выпил и совсем чуть не сдох. Вот тогда и сообразил – давление. Только на пляже мерять негде было. И еще раз у него поднялось давление, когда с Тауфиком сидели, курили да кофе пили. У Тауфика аппарат-то был, да с фантазией. Показал – двести на сто. Потом Тауфик померял. И тоже двести на сто. Дочке Тауфика маленькой, Сабире померяли – двести на сто. Поняли, что аппарат неисправен, Айша, жена Тауфика побежала по соседкам в поисках нормального аппарата. А Хамид стонет. Ощущение уже не молотка и гвоздей, а будто по затылку бьют прицельным огнем из М-16. Дал ему тогда Тауфик вазодип – лекарство от давления. Израильское, между прочим. «Ну и ладно! – пошутил он. – Чем больше мы его выпьем, тем меньше евреям останется». Приходит Айша с хорошим аппаратом от давления. Измерили – получилось сто тридцать восемь на восемьдесят девять. «Нижнее, прямо скажем, – высокое, – озабоченно произнес Сари, – да и для верхнего сто тридцать – прямо скажем – перебор». Но какое было давление на пике боли в затылке, – так и осталось неизвестным. А в третий раз – дома он находился в это время. Заботливая Айя, оказывается, давно уже принесла из своей больницы аппарат для измерения давления. И тот показал сто пятьдесят на

девянство. Хамид понял, что проблемы с повышенным давлением это всерьез. Но тут началась война, и... болезнь закончилась. Казалось, организм сказал сам себе: «Не до того сейчас». И головные боли не стали повторяться. Правда в тюрьме пару раз возобновились – но не молоток с гвоздями и уж тем более не М-16 – так, затрещины. Хамасовские тюремщики били куда сильнее. И вот сейчас, когда они, выйдя из квартиры, оказались на темной лестнице, в затылок Хамида вдруг начало стрелять. Да как! Даже капитан полиции, поравнявшись с ним и не спуская с него пистолетного дула, когда они вышли из парадного и оказались на залитой электрическим светом площадке под козырьком, спросил:

– Ты что гримасничаешь?

А Хамид вовсе не гримасничал. Он просто морщился в ритм ударам по затылку, которые ему наносил приближающийся, возможно, инсульт. Впрочем, инсульт не успел наступить. Его опередила вырвавшаяся из кустов, что напротив подъезда, автоматная очередь, в результате которой Хамид почувствовал в животе и груди боль, куда сильнее, чем та, что только что бушевала в затылке. Он даже не понял, почему ноги перестают его держать, почему они так странно загребли по асфальту, почему этот асфальт так стремительно приближается к лицу, а бежевая, явно очень недавно покрашенная стена дома вместе с сияющим белизной козырьком уплывают куда-то вверх. И капитан полиции, которого скрутила следующая очередь, странно изогнулся, словно начиная какой-то танец, резким движением вскинул обе руки, причем, пистолет при этом взлетел под лампу и с силой звякнул об асфальт прямо у ног Моше, вышедшего вслед за капитаном в сопровождении полицейских. Но танцевать капитан раздумал – он лишь сделал нервный пируэт ногой, а затем, словно поскользнувшись, растянулся рядом с истекающим кровью Хамидом.

Бросились наземь и Моше с полицейскими, так что следующие две очереди прошли у них над головой. Если бы неизвестные стрелки, залегшие в кустах, были снайперами, они бы с легкостью ликвидировали троих оставшихся супостатов, поскольку те, хорошо освещенные яркой лампой, представляли собой вполне добротные мишени. Но снайперами они не были, поэтому, а также потому, что их жертвы не отвечали огнем, что укрепило в них чувство безопасности, они вскочили и, стреляя на ходу бросились к подъезду. Напрасно они это сделали. Полицейских-то действительно парализовало, и ни один из них даже не попытался

расстегнуть кобуру, но Моше, плюхнувшись своим едва наметившимся в шестьдесят четыре года брюшком на пистолет капитана, вновь ощутил себя бойцом спецназа, каким был когда-то, вытащил из-под брюшка этот самый пистолет, новенький Хеклер-унд-Кох П-2000, и снял с предохранителя. За грохотом автоматных очередей его выстрелы почти и не были слышны, тем более что, падая, нападавшие еще продолжали стрелять, хотя и безрезультатно, и только когда души их отлетели в объятия пресловутых девственниц, пальцы их разжали спусковые крючки. Стражи порядка, поднявшись, бросились к остывающим телам боевиков, но Моше заорал:

– Амбуланс! Амбуланс!

Полицейские послушно стали звонить – один в «Скорую помощь», другой своему начальству, а Моше подскочил к лежащему в луже крови Хамиду.

– Ну вот и все... – прошептал Хамид. На губах его пузырилась кровь.

– Хамид, Хамид! – Моше казалось, что он шепчет, на деле же он продолжал орать. – Ты спас мне жизнь! Я помчался за тобой в Германию, чтобы уберечь тебя, и вот – не уберег!

– Так ведь ветры дуют не так, как хотят корабли... – шепот Хамида слабел с каждой секундой. – Все нормально... Меня уже ничего не держит в этом заповеднике Шайтана. Все, кого я любил – уже там.

– Хамид! – Моше в отчаянии уже хрипел.

– Спасибо, Моше, – шепот почти не был слышен. То, что пытался сказать Хамид, едва различалось по движению губ. – Ты мне здорово помог. Аллах мудр, он послал мне тебя. Благодаря тебе я смог сделать то, что должен был сделать. Благодаря тебе мои страдания обрели смысл! Теперь весь мир узнает...

«Как же, нужно это миру знать! Мир, этот вонючий мир, и так все знает – и что? Он готов отправить на гибель миллионы арабских детей, лишь бы это привело к гибели миллионов еврейских!» – хотел с горечью сказать Моше, но тут увидел, что говорить уже некому.

Светало. Уличные фонари, точно стрекозки-поденки отправлялись в последний полет, которому суждено было продлиться последние мгновения, прежде чем экономные немцы отключат электричество. Из пределов парка, начинавшегося метрах в сорока от подъезда, неся

соловьиный кадиш по ушедшему праведнику, одному из праведников народов мира, Хамиду сыну Ибрагима. Уже окрепшие солнечные лучи гладили листву, что из нежно-зеленоватой, которой она была весной, давно уже стала темно-зеленой, тяжко-зеленой и теперь готовилась примерять желтый, зеленый и бурый цвета.

Я не верю, в то, что человек после смерти исчезает полностью, а мусульманские байки о семидесяти двух гуриях мне смешны. Но ведь где-то мой Хамид должен был обрести пристанище и покой. Он выстрадал это.

Спустя ровно тридцать дней после того, как душа Хамида покинула его простреленное в нескольких местах тело, в Мюнхене творился пивной фестиваль под названием Октоберфест – САМЫЙ БОЛЬШОЙ НАРОДНЫЙ ПРАЗДНИК МИРА.

История его началась свыше двухсот лет назад, 12 октября 1810 года, во время народных гуляний по случаю бракосочетания кронпринца, будущего короля Баварии Людвига I и принцессы Терезы Саксонской Хильдбурхаузен. Гуляния закончились 17 октября на лугу, прозванном в честь принцессы Терезиным. Впрочем, мюнхенцы сегодня называют его коротко Wiesen, что переводится как «луг».

Сначала пиво продавалось в небольших будках, число которых увеличивалось с каждым годом. Потом, в 1896 году появились большие пивные павильоны, построенные владельцами мюнхенских пивных и пивоварен. С тех пор и по сей день все пиво, которое пьется во время Октоберфеста должно быть исключительно баварского производства. Как и закуски, которые примерно в то же время стали подаваться на дубовые столы, стоящие в этих павильонах – белые колбаски (Weisswurst), сваренные в свиных кишках, брецели (Brezel) – вкусные кренделя и – Süßer Senf – сладкая горчица.

К 1918 рядом с павильонами выросли карусель и две качели. Так был заложен свой октоберфестовый Суперлэнд, ныне радующий детей и взрослых и американской горкой, одной из самых быстрых в мире, Freefall Tower – приспособлением для падения с высоты 70 метров – и прочими аттракционами.

В 2014 году Октоберфест длился с 20 сентября по 5 октября. В одну из ночей, как мы уже сообщали, ровно через тридцать дней после гибели Хамида, Марион и Фриц Бунзен на своем «опель астра» прибыли в Мюнхен.

Подъезжая к отелю, где у них был заказан номер, Марион в куцем фонарном свете увидела лежащего на газоне абсолютно неподвижного человека.

– Мертвый?! – в ужасе спросила она. – Или бездомный?

– Октоберфест, – процедил ее муж. – Его территория в трехстах метрах от нашей гостиницы. А этот – он сделал лицом движение, словно хотел обернуться – не дотянул до ночлега.

Как потом выяснилось, у некоторых гостей Октоберфеста места ночлега и вовсе не было. Среди бесчисленных мюнхенских бомжей явно выделялись хорошо одетые, гладко выбритые ребята, преклонившие буйные головушки на аккуратные рюкзаки, содержащие, очевидно, по три-четыре смены белья да по зубной щетке. А что делать? В Мюнхен на праздник приезжает до 6000000 человек, так что гостиница для большинства отходит в область туманных мечт. Кто не успел, тот опоздал. А пивка хочется, тем более, что на Октоберфест его готовят особенным, повышенной крепости.

Последнее было весьма заметно. Товарищ, лежащий на газоне оказался лишь первой ласточкой. Ночь в гостинице выдалась не самой спокойной. До часа ночи из пивной, расположенной в соседнем доме, неслось бравурное хоровое пение, от которого дрожали окна (это на четвертом-то этаже!), а затем до утра с улицы раздавались пьяные вопли.

На следующее утро они, позанимавшись любовью и позавтракав, двинулись на Терезин Луг. По пути им всюду попадались кафушки и пивнушки со столиками прямо на улице, и везде за этими столиками сидели баварцы в кожаных шортах, в ковбойках в мелкую клетку и с помочами и, грохоча стеклянными литровыми кружками, потребляли пиво. Некоторых увенчивали характерные шляпы. Из некоторых шляп торчали перья.

В ожидании намеченного на 11 утра концерта, Марион и Фриц зашли в один из больших пивных павильонов. В центре на возвышении играл оркестр. Выступал какой-то плясун в традиционной баварской одежде, исполнял танец с пастушескими бичами. Затем заиграла мелодия «С днем рожденья тебя!» Зал подхватил. Сотни человек поздравляли кого-то одного, незнакомого. В нужный момент человек на возвышении вставил имя. Одна семья – баварцы.

Супруги уселись за дубовые столы, заказали по литровой кружке пива.

Рядом с ними сидел молодой человек с очаровательной девушкой. Оба в баварских одеяниях. Как это принято у мюнхенцев в общественных местах, время от времени они целовались. На очередном витке своей беседы они, похоже, поссорились. Девушка встала и, бросив через плечо что-то резкое, пошла прочь. Юноша остался один, но ненадолго. Допив свое пиво, он куда-то отлучился, а через пятнадцать минут вернулся... с новой девушкой. Они заказали еще по кружке, и тут ... вернулась первая девушка с новым молодым человеком. Резкого выяснения отношений не последовало – Бавария не Испания. Все мирно стали пить пиво. «Похоже, в Мюнхене сейчас вся жизнь у людей протекает в пивных павильонах, – прошептала Марион на ухо мужу. – Не удивлюсь, если они сейчас на дубовых столах сексом займутся!» «Ничего, – также шепотом ответил Фриц. – Кончится Октоберфест, и все пройдет»...

Без пяти одиннадцать наши герои поспешили к статуе Баварии, на концерт.

Несколько ансамблей и духовых оркестров разом заиграли национальный гимн Баварии, и народ дружно запел:

*Gott mit dir, du Land der Bayern,
deutsche Erde, Vaterland!
Über deinen weiten Gauen
ruhe seine Segenshand!
Er behüte deine Fluren,
schirme deiner Städte Bau
und erhalte dir die Farben
seines Himmels, weiß und blau!*
Пусть Господь тебя лелеет,
О Бавария моя!
Пусть благословит скорее
Твои вольные края!
Ширь лугов твоих прекрасных,
Стены городов твоих
И небес родимых краски,
Чистых, белых, голубых!

После исполнения гимна, по местной традиции, в небеса взлетели сотни разноцветных воздушных шариков. Они уплывали, легкие, как разноцветные человеческие души. Вдруг произошло необъяснимое – один из шариков отделился от стаи и начал резко снижаться. Снуг в воздухе, он спикировал прямо на плечо к оторопевшей Марион. Словно кот, он начал тереться о ее щеку, и Марион почувствовала, что ее обдает человеческим дыханием. Сама не осознавая, что делает, Марион обняла его теплое тело и прикоснулась губами к его нежной поверхности.

«Шукран!²³» – услышала она невесть откуда шепот. Она не знала, что это значит, но на глаза почему-то навернулись слезы. А шарик взмыл вверх и, куврыкаясь направился в небо. Он очень торопился. Скорей! К своим!

²³ Шукран (арабск.) Спасибо!

Григорий Певзнер

Слова любви и ярости

Ярость

И вино не вино. И весна – не весна.
Рассыхается лето-калека.
Время года одно – время года война.
Не сложить календарное лего.

Туча долго крепилась, но скрылась вдали,
в небесах накопилась усталость.
Все дожди, вероятно, на слёзы ушли,
для полей ничего не осталось.

Солнце без толку шлялось над полем, пыля,
нагулялось и спряталось где-то.
И безводны поля, и безвидна земля.
Холостое военное лето.

22.08.2022

Не изменяется сценарий –
лишь декорации слегка.
Лишь подновляет тексты арий
их написавшая рука.
Натужно ухают мортиры,
на авансцену гонит дым.
И молодые дезертиры
стучатся к вдовам молодым.
Война разумна ли, бредова ль,
но на войне, как на войне:
и вдоволь вдов, и дела вдоволь.
И мужики всегда в цене.

2004

Как томительно время тянется
в ожидании приговора...
Мир развалится? Мир останется?
Будет рвать чьё-то мясо свора
завтра, или же время есть
что-то новенькое прочесть,
подышать, провести концерт,
документы сложить в конверт,
порешать дурацкий кроссворд...
Как томительно время тянется,
не торопится Волдеморт.

Он берёт последний аккорд,
он собой несказанно горд,
выходя на войны тропу:
будут дети, глотая вздохи,
находить в интернете крохи
из великой эпохи Пу!
Лжи зашкаливает детектор.
Как томительно время тянется...

У меня рождает племянница.
И волнующая эта радость,
позволяет, не снизив градус,
изменить ненадолго вектор
и, с собою играя в прятки,
пить свой чай, ожидать гостей...
И следить за раскрытием шейки матки,
а не только за сводками новостей.

21.02.2022

Когда швырнут бронжилеты
мои друзья,
вновь воспою цветы и лето,
авось, и я.

Мне больше впору славить Бога,
чем выть с тоски!
А много ль нужно? Нет, немного –
так, пустяки.

Чтоб птицы пели, а не пули,
ища врага.
Чтобы не танки, а косули.
Чтоб пустельга

над полем, а не беспилотник,
и тыл, и тол.
Чтоб не гробы работал плотник,
а стул и стол.

Чтоб кровь лишь в родах – дань любви.
Чтоб жизнь – кумир.
Чтоб мир, отмывшийся от крови.
Чтоб просто мир.

Коль так, раскаюсь и покаюсь
во всех грехах.
И будут ласточка и аист
опять в стихах.

В них шмель появится на хмеле
и пчёлы вслед.
И будет снова свет в туннеле
и просто свет.

28.02.2022

А старики в убежище не ходят –
они и по квартире-то с трудом.
Старик сидит, усталый старый хоббит,
и ходит дом.

Старик на стуле, а старуха в кресле.
Еда кончается, запасов нет.
Есть дежавю. Проснулись и воскресли.

Им вновь пять лет.

Война гналась и вот опять догнала.
И негде прятаться. И некуда спешить.
Давно молчат российские каналы –
как дальше жить?

Рвануло рядом. Каждый день утраты.
И по сусекам снова смерть метёт.
Он вынул слуховые аппараты
и ждёт.

08.03.2022

Всё, как у всех – и грех, и смех,
и время мчится.
Сучится нить, стучится смерть,
и жизнь сочится.

Всё, как всегда – и натиск дел,
и стук тарелок.
Но явственно помолодел
дом престарелых.

Часть перестроили, а часть
стоит, как прежде.
Здесь дома беженцы сейчас:
висит одежда,

там, где когда-то иногда
курили сёстры,
и речь, и плач, и ерунда,
и взгляды остры.

И всяких будней тарарам
и вереница,
бегут на курсы по утрам,
лежат в больницах.

Дни пробегают, как часы,

уходят в нети.
А во дворе гуляют псы,
коты и дети.

13.07.2022

...Рождаясь слепо, я промазал с местом.
Но время – следом за XX-м съездом!
Усатый сдох! Ему не вылезть впредь!
Мне радоваться можно и гордиться:
я выбрал правильный момент родиться!
...Я опоздал немного умереть.

Под лысину мелели реки крови.
Позднее, как хоругви, были брови,
и путь впотьмах указывали нам.
...Я опоздал, я не успел загнуться,
как ряд друзей. Приходится проснуться
и прикоснуться к новым временам.

Мы вдали, но на власть умели класть и
порою уходить от ласки власти,
не забывавшей нас ломать и гнуть.
Хоть многое на свете, друг Гораций,
среди вечных, нам казалось, декораций
грозило апокалипсис вернуть.

Любой сапог мог сделаться испанским,
а Пентагон, сменявшийся Даманским,
нам должный образ создавал врага.
И призрак возрождения Гулага,
раздутый красным трепыханьем флага,
грозил поднять все судьбы на рога.

Всё так. Своей звезды протуберанцем
мы чехам помогали и афганцам,
и в нашем царстве зла царило зло,
шёл пряник в дело реже, чем нагайка...

Но, что Москва херачить станет Харьков,
в кошмарном сне присниться не могло.

20.07.2022

Идёт к кустам семья енотов.
Летит к цветам семья шмелей.
Сегодня не было прилётов.
Народ вылезит из щелей

и улыбается глазами –
мол, ты живой и я живой.
Глаза умытые слезами.
Порой качают головой,

смеются друг при виде друга:
неужто я такой, как ты?
А впрочем, нам не так уж туго!
Кому-то хуже... С высоты

из безопасности, из тыла,
издалека, извысока
глядит усталое светило
и удивляется слегка.

И в бороде и маскхалате
откуда-то возникший вдруг
трусит приезжий на осляти
и озирается вокруг.

18.07.2022

...Трактор взорвался на mine.
Бьют по всей Украине.
В ХИИКС попали.
По диагонали
дом, где жильё снимали
Олеша, Катаев, Багрицкий.

Как говорится, мои края.
В двух шагах дом, где родился я.
Между моим домом и улицей
сутулится,
где родился Савинков, особняк.
Столбняк. Никуда не деться.
Расстреливают моё детство.

22.07.2022

И росчерк трав, и росчерк веток,
и дождь, пролившийся давно...
И роцца, высланная светом,
прерывистым, но всё равно...

И все раскачанные тени,
мятущиеся на ветру...
И эта траченная темень,
и эта нежность поутру...

И поле. Стриж. И сокол – вот он.
И вот он, жаворонок... Блять!
Каким быть нужно идиотом,
чтобы по этому стрелять!

31.07.2022

В бывшую вторую совбольницу,
ныне вторую городскую им. проф. Шалимова,
что на бывшем Московском проспекте,
ныне, понятное дело, проспекте Героев Харькова,
на днях привезли обгоревшего ангела.
– Чушь! – скажете вы – какой обгоревший ангел?!
Ангелы – они, как рукописи:
не горят.
Да, соглашусь я с вами,
конечно же, не горят,

когда, в стороне став,
они соблюдают устав,
не нарываюся на увечья,
не лезут в дела человечьи.
А этот... Ракета прошила дом,
дом частично сложился,
из пламени слышались крики,
крики о помощи умоляющие,
задыхающиеся, затихающие.
Во всех методичках,
во всех служебных инструкциях,
которые каждый ангел
обязан знать наизусть,
сказано чёрным по белому,
ну хорошо, пусть
прозрачным по никакому:
«Вмешиваться воспрещается!
Что бы там ни случилось,
чья бы кровь ни сочилась,
вам не важно, кто прав –
вмешиваться у вас нет прав!»
И тут уж сам для себя выбираешь:
играешь по правилам – не умираешь,
не считаешь дни, не грозишь часам.

А если влез, разбирайся сам.
...Ходят слухи (нет достоверных данных),
что помимо ангелов первозданных
есть и набранные из убитых детей
(впрочем, как и среди чертей
есть кроме исходно бывших
набранные из – этих детей убивших).
Этот ангел, похоже, был из таких...
Крик слабел, но ещё не стих,
когда некто крылатый,
просвет отыскав в огне,
выпрямился в окне
и в окно прыг...

Кто твердит, что он вытащил пятерых,
кто считает, что семерых...

Не ведаю, не смотрел.

Но спасённых много, а он сгорел –
обгорел точней, ему повезло:
сам не очень, зато крыло.

...Больница, переполненная палата,
бескрылые ангелы в белых халатах
каталка, капельница, наркоз,
память катится под откос.

...Швы, дренажи, возвращенье из ада,
руки усталая моет бригада,
трудно за десять часов не устать.
Снимок – контроль результата лечения,
и заведением заключение:

ПАЦИЕНТ БУДЕТ ЛЕТАТЬ!

После 7 октября 2023

Вы, видимо, знаете это название:
Мариуполь.

Едва ли вы знаете это название:
кибуц Беэри.

А знаете ли вы, что такое серборез?

В своё время,
впервые попав в Хорватию,
я поражался, как уютно
в не так давно воевавшей стране,
как любовно обласкан любой уголок,
как приветливы и улыбчивы люди
и как всюду –
пусть в горшках (там, где мало земли) –
цветы, цветы, цветы...

А потом прочитал кое-что из истории.

Серборез – это клинок
на грубой кожаной рукавице.

Применялся хорватскими усташами

для истребления сербов вручную.
Были серборезы кустарные.
Были фабричные – золингенские.
Победивший в состязании
недоучившийся юрист
Петар Брзица
в лагере Ясеновац
за одну ночь 29 августа 1942 года
зарезал таким серборезом 1360 сербов,
за что получил денежное поощрение
и именные золотые часы.
Это всё, что вы хотели знать
о человеколюбии
и о братских народах.
Я давно уже
категорически не понимаю,
чего мне ждать от любого симпатичного
улыбающегося визави.
И, видимо, от себя самого.

11.10.2023

Был нескончаем чаек крик.
Ползли ветра на материк.
Сутулился причал.
К причалу приходил старик,
садился, ставил воротник,
сидел, курил, молчал.

Садился рядом старый пёс,
он старый мяч от дома нёс,
хромал, пыхтел, сопел.
Пёс замирал, впадая в сон.
Молчали оба в унисон,
и лишь комарик пел.

Он пел, что осень хороша,
что листья пляшут не спеша,

кружась вокруг лица,
что шторм, что в море корабли
и что война идёт вдали
и нет войне конца.

Что в тучах прячется звезда,
что сыплет смерть на города
взбесившийся палач.
Слезились старые глаза,
порой сползала вниз слеза,
но это был не плач.

Дымился гаснувший бычок.
Старик молчок и пёс молчок.
Лишь взгляд скользил слегка.
Вот медленно ползут вдали
по горизонту корабли.
Вот дым ползёт с бычка.

Вот тают в небе краски дня.
Вот остаётся от огня
лишь горсточка трухи.
Старик молчал, не мог понять,
не мог стряхнуть, не мог принять.
И не писал стихи.

13.10.2022

Леонид Виноград

Непридуманные воспоминания

Предисловие редактора

Леонид Виноград (1924 – 2011) – московский ученый-химик, участник Великой Отечественной войны – делится своими воспоминаниями о реальных фронтовых буднях.

Вопреки советскому закону, Леонида призвали в Красную армию еще до достижения призывного возраста – восемнадцати лет, и он прослужил с весны 1942 года до самого конца войны с фашистской Германией, а затем сразу же был переброшен на Дальний Восток в Приамурье в ходе войны с Японией.

Подробно, интересно, информативно и с некоторой долей юмора Леонид рассказывает о своем опыте рядового.

«Непридуманные воспоминания» написаны в 2009 году человеком, оглядывающимся назад на склоне своих лет и осмысливающим свою военную молодость.

Еще при жизни автора его воспоминания с успехом выдержали два издания, вызвав большой интерес и горячий отклик у читателей.

Материал для настоящей публикации предоставлен сыном автора Дмитрием, с литературным творчеством которого желающие могут ознакомиться на сайте www.dimus.me

Ирина Л. Лир,

член редколлегии журнала «Сонар»

НЕПРИДУМАНЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ

Предисловие к 1-му изданию

Со времени окончания Великой Отечественной Войны (ВОВ) прошло уже 62 года. За это время участники ВОВ опубликовали великое множество воспоминаний. Казалось бы, тема уже исчерпана. Однако мы видим все новые и новые мемуары. Поток не иссякает несмотря на то, что самих участников Войны остается все меньше.

В чем же причина такого неудержимого творчества? Здесь возможны три случая. Участник сообщает о чем-то, еще нигде не упомянутом и известном только ему одному. Событие уже описано, но автор новых воспоминаний не согласен с трактовкой. Либо, наконец, автор, по каким-то причинам не знаком с другими описаниями события.

Желание привести свои мысли в порядок и изложить их не дает участнику ВОВ покоя многие годы. Появляется страх забыть прошедшие события и не донести память о них до потомков. Успокоить себя можно только путем публикации.

Наибольший интерес представляют, конечно, мемуары командующих или командиров высоких рангов, которые планировали и осуществляли крупные военные операции. Эти воспоминания дают нам возможность представить ход ВОВ, ее великих побед, и не менее сокрушительных поражений. Но полководцы не могут вспомнить жизнь и описать переживания участников Войны, находящихся на низшей ступени военной иерархии, по той простой причине, что генералы в контакт с солдатами, как правило, не вступают.

Прозаики и поэты создали много ярких картин Войны, и геройского поведения солдат. Но от романов, стихотворений и повестей нельзя требовать точного следования фактам. Созданные образы чаще всего собирательные.

Перед Вами воспоминания солдата, изложенные им самим, через много лет после окончания ВОВ. Три мои военные года богаче яркими событиями, чем вся остальная моя довоенная и послевоенная жизнь.

Вопрос о непреодолимом стремлении к созданию мемуаров обсуждался и осуждался уже в древности. Среди глиняных клинописных табличек, найденных при раскопках древней столицы царства халдеев – города Ура, обнаружен текст: «...*Настали ужасные времена – дети не слушаются родителей, и каждый хочет написать книгу...*» В настоящее время мемуары очень востребованы, в библиотеках они составляют наиболее читаемый, после детективов, отдел.

Надеюсь, читатель уже понял, что у меня тоже нет иного выхода, кроме публикации воспоминаний.

В процессе работы у меня возник небольшой конфликт с редактором Microsoft Word. Он попытался заменить в заголовке слово *непридуманные* как отсутствующее в словаре на известное ему слово *непродуманные*. Но

я настоял на своем названии, поскольку никак не изменял факты, которые сохранила моя память.

Я позволил себе внести в текст повествования некоторые более поздние толкования событий, свидетелем которых я оказался, поскольку теперь не всегда согласен с мнением 20-летнего солдата.

Фото 1. Леонид Виноград 2005

Предисловие ко 2-му изданию

Тираж первого издания «Воспоминаний» очень быстро разошелся. Произведение заинтересовало участников Войны, а также их жен, детей, внуков, правнуков, и тех, кому не безразлична история Родины

Первый вопрос, который мне был задан читателем, касался взаимодействия фронтов Советской²⁴ армии в ходе Берлинской операции. Я сразу вспомнил старое утверждение о том, что предисловий никто не читает. Будучи солдатом, я ничего не мог знать ни о стратегии, ни о тактике сражения. Впоследствии я, конечно, интересовался историей ВОВ, но эти сведения нельзя рассматривать, как мои воспоминания. Лучше прочесть мемуары Жукова, Конева или Рокоссовского.

²⁴ Красной армии. Советской она стала с 1946 г. Далее мы это у автора не правим (ред.)

Были вопросы о ремонте танков, хотя мне казалось, что эта тема освещена мною достаточно подробно.

Ответ на вопрос о вкусе самогона смотри в главе [Халаим-городок](#).

Большинство же читателей больше заинтересовала моя гражданская специальность, то есть химия. Мне даже показалось, что я первый живой химик, которого они встретили на своем пути. Я поместил ответы в предисловии, поскольку они не являются воспоминаниями о ВОВ.

Все это, а также и то, что память продолжает выдавать мне новые подробности армейской жизни, заставляет меня выпустить второе издание воспоминаний.

МОСКВА ПРИФРОНТОВАЯ

В июне 1941 года в московской школе № 213 состоялся очень скромный по теперешним понятиям выпускной вечер. Хорошо помню, что мы, мальчишки – нас в 10-А было около 15-ти – приобрели и тайно выпили одну бутылку, 750мл, знаменитого портвейна «777». Около 5-ти утра группа вчерашних школьников мирно гуляла вдоль Дмитровского шоссе, в том месте, где теперь находится платформа Тимирязевская.

Остановилась машина, из нее вышел нарком (народный комиссар) обороны – К. Е. Ворошилов. Он очень тепло поздравил нас с окончанием школы. Ничего про армию и про войну, которая началась 22-го июня, не сказал.

Тогда я удивился – почему нарком в 5 утра ехал из Москвы на свою дачу в деревне Лианозово. Много позже мне стало известно, что работа до утра была в команде Сталина обычным делом. Климент Ефремович, возможно, еще не предвидел того, что через несколько дней самолеты Гитлера будут сбрасывать бомбы на Киев.

Еще была свежа память о войне СССР с Финляндией, которую многие рассматривали, как неудачную тренировку. Чувствовалось приближение новых военных конфликтов. Мы, школьники, не очень это понимали, хотя в процесс уже были вовлечены. Допризывная подготовка в старших классах стала очень активной. Зимой в сильный мороз мы отрабатывали с военруком школы бросание гранаты из окопа. Я был физически слабее сверстников (даже был освобожден от занятий физкультурой) и никак не мог бросить гранату более чем на 5 метров (при норме в 20 метров). От

расстройства я потерял варежки и отморозил пальцы рук. Эти пальцы еще много лет боялись холода.

Через месяц после начала Войны мы, то есть девочки из класса и я, провожали в армию наших, более взрослых мальчиков, которым уже исполнилось 18 лет. Сквозь щели в деревянном заборе призывного пункта при Тимирязевском райвоенкомате мы смотрели на переключку. Услышали незнакомую фамилию – Кантор. Приглядевшись, узнали в уже остриженном новобранце нашего одноклассника – Карла Бондарева. Оказывается, что он учился в школе под псевдонимом.

При работе над вторым изданием мне захотелось это уточнить. Я вспомнил, что Карл дружил с Гришей Чухраем. Проведя поиск в интернете, я обнаружил очень интересную книгу Г. Н. Чухрая «Моя война». В главе «Юность» знаменитый кинорежиссер с большой любовью описал школу № 213, которую он закончил на год раньше меня и Карла. В знак протеста против растущего в стране юдофобства, Карл сменил русскую фамилию отца на еврейскую фамилию матери и превратился из Бондарева в Кантора.

С Григорием Наумовичем Чухраем мы, бывшие ученики десятых А и Б классов, встречались в 1970-м году, уже как со знаменитым режиссером.

На обратном пути с призывного пункта нас застала первая бомбежка. Не сознавая опасности, мы поднялись на 6-ой этаж незнакомого дома. Мы увидели, как горят нефтехранилища, как прожектора ведут по небу вражеские самолеты, как сотни зенитных батарей ведут по ним огонь. За минуту поднялись в небо одновременно тысячи аэростатов и создали над городом непроходимый для самолетов забор из тросов. Когда мы утром возвращались домой, Дмитровское шоссе было усыпано осколками снарядов.

Москва вообще была хорошо подготовлена к защите от вражеских налетов. Многие здания в центре стали неузнаваемыми благодаря обманной раскраске. Все окна в городе имели светомаскировочные шторы и специальные бумажные наклейки для защиты стекол.

Но фронт приближался к Москве. О чем в то время думал 17-ти летний Леня Виноград, кроме радиоприемников и автомобилей? Осторожные и напуганные родители старались не информировать меня о трагедиях, постигших наших ближайших родственников. Ребенок легко может проболтаться в школе! Конспираторы они были плохие, и мне кое-что

было известно. Более того, я догадался, что эти сведения оглашению не подлежат.

Мой дядя Элюким Львович (Лейбович), работавший заместителем директора Уралмашзавода, был ложно обвинен во вредительстве, признан врагом народа и погиб в тюрьме. Муж маминей сестры Раи, Григорий Зименков, который работал в правительстве Дагестанской республики, был арестован, обвинен в подготовке заговора, также признан врагом народа и замучен в тюрьме НКВД в Москве на бывшей Лубянке. Оба были реабилитированы после смерти Сталина. Два маминых брата находились в ссылке за измену родине – вина их состояла в том, что они пели гимн «Боже царя храни», и кто-то донес.

Мой дедушка Лейба Хаимович, который жил на Украине в местечке Бобринец, тоже не избежал репрессий. Он был *лишенец*, то есть его лишили права участвовать в выборах. Он не подходил ни под одну из категорий лиц, лишаемых избирательных прав по Конституции, которая действовала с 1918 по 1935 годы: он не был офицером или полицейским, он не занимался торговлей, не жил на нетрудовые доходы, не был монахом или умалишенным.

Фото 2. Лейба Хаймович (дед), Ханин Лейбович (отец), Леонид Ханинович (автор) - ~1935

Как проходил суд, был ли он вообще и, что конкретно ему инкриминировали, я не знаю. В свое время спросить об этом я постеснялся, а теперь уже нельзя это сделать. Мне рассказывали, что дед был вегетарианцем, последователем Толстого, и когда-то, не позднее 1905 года, написал графу письмо и даже получил ответ. Но уже в 1937

году, когда дедушка переселился в нашу квартиру, мне не верилось, что такое давнее «преступление» могло послужить основанием для лишения избирательных прав.

Скорее всего, дело обстояло проще. Кто-то позарился на дедушкин дом и написал донос о том, что его сын осужден как враг народа. Лишение прав послужило только поводом для выселения. Доносы с целью завладеть квартирой НКВД поощряло. Мой двоюродный брат, Марат Зименков показывал мне донос на своего отца. Ему даже предлагали подать заявление в суд на доносчика.

Больше всего я тогда боялся, что при вступлении в Комсомол (Коммунистический Союз Молодежи) мне придется отречься от родственников. Я вовсе не считал их преступниками. Но опасения мои были напрасны. Комсомол не стремился пополнить свои ряды за мой счет. Вероятно, руководители школьного комитета Комсомола были обо всем осведомлены. А может быть, меня нельзя было бы принять в эту организацию, даже после отречения. Заявления о приеме никто от меня не потребовал. Так я и остался единственным не комсомольцем в старших классах 213 школы. Из пионеров меня не исключили.

В то время я еще не решил, чем я хочу заниматься после окончания школы. Мама работала врачом и не скрывала желания направить меня по своему пути. Меня профессия врача привлекала, но я испугался страстей анатомички, о которых мама же мне и рассказывала. Меня почему-то пугали кости умерших людей, которые мама приносила домой в качестве учебного пособия. Папа был химиком, специалистом по порохам, но он меня за собой не звал, вероятно, считал эту профессию слишком опасной.

Папа поощрял мои увлечения техникой, покупал мне различные сборные модели, конструкторы, книги, фотоаппараты, выписывал технические журналы, приобретал различные инструменты. Он подарил мне руководство по переплетению книг и игрушечную типографию с буквами из резины, с помощью которой можно было напечатать текст из 3–5-ти слов. Эта типография стала впоследствии уликой при обыске и очень повредила папе.

Он даже купил мне велосипед. Я не мог наглядеться на чудо техники, ежедневно его разбирал, промывал части керосином, смазывал солидолом и снова собирал. Мама говорила, что я его гладил. Кататься мне было не так легко, как другим ребятам.

С одеждой у меня были трудности. На брюках были заплатки – я стеснялся пойти на танцы.

В параллельном классе у меня был друг – Борис Курис. Он был страстным радиолобителем и вовлек меня в это дело. В журнале «Радиофронт» тогда печатали очень понятные схемы и описания изготовления приемников и передатчиков. Мне удалось построить несколько приемников, которые принимали передачи даже из-за границы. Один такой приемник я продал.

В то время радиоприемник был еще редкостью. Впрочем, телефон тоже не был общедоступен. Мы о нем только мечтали. Для постройки приемника требовалось изготовить шасси – подставку из прочного металла. Мы с Борисом снимали для этого солнцезащитные козырьки с железнодорожных светофоров. К счастью, не попались.

Передатчик устроен несколько проще приемника. Я мог его изготовить, и это не запрещалось, но мне это было неинтересно. Передача проводилась с помощью азбуки Морзе. Сообщать разрешалось только свои позывные и адрес. Если твою передачу кто-нибудь услышит, то он может тебе ответить и прислать подтверждение этого редкого события в виде почтовой открытки, на которой изображены его позывные и даже вид незнакомой местности. Эту картинку можно повесить на стену и хвастаться – я разговаривал с жителем Бельгии или другой далекой страны. Меня это не прельщало. Сейчас я не могу себе представить, о чем я мог бы написать незнакомому человеку, если бы это разрешалось. У Бориса над столом висело несколько таких открыток.

В это время я также строил телевизор с экраном размером 3x4 см – это меньше, чем коробочка для спичек. В Москве уже можно было принимать телевизионные программы, причем не только из Москвы, но и из-за границы. Вообще, телевизор в то время не был существенно сложнее радиоприемника.

Но была одна трудность. Кинескопов, которые изобрел Зворыкин в 1931 году для получения изображения движущихся объектов, в продаже не было, или они стоили непомерно дорого. В журнале «Радио фронт» был описан более старый способ получения изображения без кинескопа с помощью так называемого зеркального винта и неоновой лампы.

Для изготовления этого винта требовалось нарезать алмазом из стеклянного зеркала 30 тоненьких полосочек длиной 40 мм и шириной

1 мм каждая, наклеить их на деревянный каркас и вращать полученный винт моторчиком. Такую тонкую работу я осуществить не смог, и от мечты о создании телевизора пришлось отказаться.

Свой радиоприемник в утро начала Войны я почему-то не включил. Не включил и репродуктор, который по проводам транслировал известия. Как потом стало ясно, я ничего не потерял, русские станции ничего не сообщали, а немецкий язык я не понимал, хотя и учил его в течение 6-ти лет в школе.

Заявление Молотова о нападении Германии на СССР и начале Войны я услышал днем из уличного репродуктора на Тимирязевской (теперь снова Никитской) площади, куда поехал за деталями в радиомагазин.

Впрочем, все радиоприемники, даже самодельные, пришлось сдать в первые дни Войны. Ведь владельцы приемников могли получить из-за рубежа информацию, которая не прошла цензуру и проверку органами КГБ.

Некоторые сообразительные граждане услышали утром 22 июня речь Гитлера о начале войны Германии против Советского Союза и поняли ее страшную суть. Эти радиослушатели успели забрать свои вклады из сберегательных касс. К вечеру вклады были заморожены. Остальные вкладчики смогли вернуть свои деньги только после окончания Войны, да и то не сразу и не полностью. Сберегательной книжки у нас, к счастью, не было.

Информация отныне поступала только из газет, из трансляционной сети по проводам или посредством слухов. Например, говорили, что у композиторов приемники не отбирали. Им разрешали слушать зарубежную музыку – ведь нельзя создать новую патриотическую мелодию совсем из ничего. Но может быть, это злой вымысел или анекдот?

Самое удивительное случилось уже после окончания Войны – уцелевшие радиоприемники раздали владельцам! Вскоре в магазинах появилось радиоприемники с коротковолновыми диапазонами частот, которые позволяли принимать радиопередачи из-за границы.

Вражьи голоса быстро заполнили эфир. Однако такая свобода длилась недолго – появилась мощная заглушающая техника. Нельзя же было разрешить врагам беспрепятственно отравлять умы доверчивых советских людей!

Мой папа любил слушать зарубежные передачи, и заглушающие устройства ему очень мешали. Он страдал от радиопомех, которые становились все более изощренными. Став пенсионером, он решил пойти своим путем – выучить английский и слушать английские передачи, которые никто не заглушал. Задача оказалась непосильной. Папа упорно занимался больше двух лет и, не выдержав трудностей, сдался. Мне он сказал – никогда я не был так счастлив, как бросив эти мучительные занятия. Учиться надо в молодом, а еще лучше в детском возрасте!

Но мечта у меня все-таки была – я хотел стать шофером и водить машину. Это желание возникло потому, что среди моих знакомых никто машины не имел и водить ее не умел. Автомобиль еще был роскошью. Будучи учеником 9-го класса, я проявил настойчивость, и, подражая товарищу, Косте Попову, поступил в автошколу при Сельскохозяйственной Академии имени К. А. Тимирязева и даже окончил ее, автошколу, конечно.

Академия была создана в 1865 году для подготовки специалистов сельского хозяйства и была первым учреждением подобного рода в России. Открытие состоялось вскоре после отмены крепостного права. Академия была задумана и устроена с большим размахом. Правительством была куплена подмосковная усадьба Петровское-Разумовское. Были построены учебные корпуса. Их окружали обширные опытные поля с пасекой, прудами, садами, общежитиями и довольно большим лесом. Были также коневодческая и молочная фермы. С Москвой академия была связана специальной железной дорогой, которая впоследствии стала трамвайной линией. Мы жили в этом прекрасном районе с 1935 по 1976 годы.

Автошкола размещалась на территории факультета механизации, выпускники которого должны были уметь водить не только трактор, но и автомобиль. Наш преподаватель Сергей Николаевич принадлежал к славной дореволюционной породе автомобилистов, которая считала ненормальным любого человека, который может интересоваться, заниматься или говорить о чем-либо, кроме автомобиля.

Меня удивляло то, с каким упорством он добивался от нас усвоения не только назначения и принципа действия всех механизмов автомобиля, но и знания точных названий всех его деталей. Приводил пример, как один шофер просил на складе нужную ему *штуковину* и никак не мог

объяснить, что именно он хочет получить. Для большей понятности преподаватель вместо слова *штуковина*, применял его более грубый эквивалент.

Теперь знать устройство автомобиля излишняя роскошь. Ни один современный водитель никогда и ничего сам не ремонтирует. Устройство машины вообще не входит в водительский экзамен. Но в то далекое время машину больше ремонтировали, чем ездили на ней. Учеба в автошколе еще более укрепила мою мечту стать шофером. Знание названий автомобильных деталей оказало впоследствии влияние на ход моей службы в армии.

Однако шла Война. В армию меня призвать еще не могли – мне не было 18-ти лет. Нужно на что-то жить, и, главное, нельзя остаться без продовольственной карточки. Для этого надо найти работу. Мой папа заведовал лабораторией в Физико-химическом институте им. Л. Я Карпова, и я, не думая долго, поступил под его начало и стал лаборантом.

Химики занимались разработкой способа получения нового вида пороха для артиллерийских снарядов. Суть процесса тогда была секретной и для меня непонятной. Сейчас я мог бы эту суть изложить, но делать этого не стану. Вдруг моим описанием воспользуется какой-нибудь юный гений и получит увечье. Пусть уж лучше познакомится с вопросом глубоко по учебнику химии.

Чтобы добраться до работы, мы с папой ехали на пригородном поезде от станции Петровско-Разумовская до Ленинградского вокзала (10 км) и дальше шли пешком до института. Пригородные поезда обычно ходили из Москвы до города Клин (70 км). Когда немцы этот город захватили, поезда стали возвращаться в Москву от промежуточной остановки – Крюково. Затем маршрут укоротился до станции Химки (16 км). Был день, когда железная дорога в течение нескольких часов перестала действовать, и я не мог вернуться с работы домой. Пришлось добираться на метро до станции Сокол и оттуда идти пешком 5 км через Тимирязевский лес.

Но я не очень осознавал приближающуюся опасность. Гораздо больше меня беспокоило то, что поезда часто нарушали свое расписание, и мы, естественно, опаздывали на работу. Даже за незначительное опоздание во время войны могли судить и основательно наказать. Когда опоздавший поезд прибывал на вокзал, пассажиры выстраивались в длинную очередь

у специального окошка, чтобы получить справку об опоздании поезда. Это увеличивало опоздание на работу на 1–2 часа, но закон не нарушался.

Однажды, возвращаясь с работы, я увидел над центром Москвы огромный огненный шар – фашисты сбросили большую фугасную бомбу на здание Центрального комитета ВКП (б). Были ли пострадавшие, я не знаю. Дом ЦК вскоре отремонтировали.

Обязанности лаборанта были разнообразны. Самой трудной и опасной задачей была доставка серной и азотной кислот со склада в лабораторию. Кислоты представляют собой очень агрессивные жидкости. Они поступали на склад в 200-литровых (320–380 кг) бочках.

Вдвоем с более опытным сотрудником (вместо ноги у него был протез) мы во дворе переливали содержимое бочек в 20-литровые стеклянные бутылки. Это было непросто. Сначала отвинчивали пробку и осторожно катили бочку (в прямом смысле) по бревнам с таким расчетом, чтобы струйка кислоты попала через воронку в стеклянную бутылку, которая находилась в яме между бревнами.

Если лить кислоту неаккуратно, она разбрызгивается и дымит на воздухе, создавая густой туман. Потом я узнал, что сверхконцентрированная серная кислота (олеум) применяется в Советской армии как раз для установки дымовой завесы.

Одеты мы были в специальные кислотоустойчивые костюмы, рукавицы и противогазы. Костюмы и рукавицы были изготовлены из толстой шерстяной ткани – шинельного сукна. Летом в этом костюме было жарко и неудобно. Очки противогаза запотевали, и мы в кислотном тумане не видели, куда течет кислота. Наполненные бутылки, которые весили по 35–40 кг, мы относили в лабораторию в защитных корзинах.

По примеру более опытного товарища я отвернул рукава на куртке до локтей. Прохладнее не стало, но вскоре мои руки покрылись черными и желтыми пятнами. Так действуют мелкие брызги серной и азотной кислот соответственно. Лучше бы я инструкцию не нарушал!

Незадолго до этого я уже видел подобный черно-желтый камуфляжный рисунок, но не на своих руках, а на стенах дачной террасы в районе Перово Поле на окраине Москвы. Кто-то из знакомых ребят привез меня на трамвае №2, в дом, где жил автор рисунков – мальчик моих лет по фамилии Токарев.

Он не был художником, а увлекался химией – получал взрывчатые вещества, не помню, что именно – тротил или нитроглицерин (динамит). Черные и желтые пятна на стенах и на его руках являлись результатом разбрызгивания кислот при неосторожном их смешении. Взрывов, к счастью, не было – стекла на террасе и руки Токарева остались целыми.

Для подтверждения своего химического искусства Токарев повел нас в лесочек, выбрал 20-ти метровую сосну, велел нам отойти на 30 шагов, положил под корень дерева свое изделие, изготовленное из патрона для охотничьего ружья, поджег фитиль и побежал к нам.

Раздался оглушительный взрыв, сосна медленно поднялась вверх на полметра и упала, к счастью, не в нашу сторону. Довольный подрывник рассказал нам, что он интересуется также изготовлением ядов. Не помню, что именно он синтезировал, но соседская коза при испытании полученного продукта не выжила. После взлета и падения громадного дерева мы ему поверили без доказательств.

Кроме лаборантской работы в институте им. Карпова мне доверяли обезвреживание зажигательных бомб, которые немцы могли сбросить и поджечь ими наш институт. Нападение могло произойти ночью или днем. Дежурства были круглосуточными. Несколько раз в неделю мне приходилось ночевать в институте. Нам выдали раскладушки и чудесные желто-коричневые шерстяные одеяла, которые я до сих пор не могу забыть. Мне кажется, что они были предметом ленд-лиза.

По тревоге мы поднимались на чердак, занимали свои места и ждали, пока бомба пробьет железную крышу и окажется на полу чердака. Затем, пока она еще не очень разгорелась, ее надо схватить щипцами и положить в бочку с водой. Как это все делать, нам подробно объяснили, но практического тушения не показали.

Конечно, лучше было бы потренироваться. Зажигательные бомбы в институте были. Их разрабатывали в одной из лабораторий. На моих глазах бомбу испытывали – бросали на толстый железный лист и издали смотрели, как она горит, разбрасывая горящие капли, и прожигает этот лист.

Что стоило потратить одну бомбочку для демонстрации? Даже без эксперимента было понятно, что щипцы должны быть более длинными. При редактировании 2-го издания я почувствовал какую-то неуверенность в описании методики тушения зажигательной бомбы. Спасительный

Интернет выдал мне инструкцию «Будь готов к противовоздушной и противохимической обороне», изданную в 1936 году.

В ней ясно сказано, что потушить зажигательную бомбу водой невозможно потому, что она не требует для горения притока воздуха и продолжает гореть под водой. Бомбу надо на 15 секунд положить на слой песка, сверху также засыпать песком и ждать, пока она вся не сгорит. К счастью, в мои дежурства (и в другие тоже) бомбы на институт ни разу не упали.

В зимнее время на чердаке было очень холодно. Нас выручало институтское изобретение – химические грелки. Это были пакетики из прочной непромокаемой бумаги. Внутри находились железные стружки, медный купорос и обычная соль. Если в мешочек налить немного воды, начинается химическая реакция с выделением большого количества тепла. Можно несколько часов согреть руки.

В доме на окраине Москвы, где мы жили, очень часто отключали электроэнергию. Это очень мешало. Я относил в институт небольшой аккумулятор и ставил его на зарядку, а после работы мы забирали его домой. Маленькая лампочка позволяла несколько часов читать.

Продовольственная карточка у меня была рабочая. По ней выдавали (продавали) 800 г хлеба в день и немного других продуктов. Иждивенцы получали хлеба вдвое меньше и почти никаких продуктов. Об ученых в такое трудное время не забывали. Сверх обычных продовольственных карточек начальнику лаборатории и его заместителю полагался довольно вкусный и сытный обед.

Несколько раз талончик на обед доставался мне. Обедать следовало в столовой Московской консерватории на улице Герцена. Вероятно, после обеда можно было пробраться в Большой зал на концерт. Но эта мысль в то время меня не посетила. На первом месте все время была еда. Мы, как и другие жители, превратили весь двор в огород и старательно выращивали овощи.

Папа купил маленькую книжечку, которая предназначалась для партизан и солдат, попавших в окружение. Книга содержала различные рецепты использования дикорастущих растений для еды. Мы воспроизвели рецепт приготовления повидла из корней одуванчика. Корни выкопали, почистили, вымыли, порезали на кусочки, добавили соляную кислоту и варили в эмалированной кастрюле около 3-х часов. Вся хитрость

рецепта состоит в том, что не надо расходовать сахар.

Получили очень вкусное, сладкое, зеленоватое пюре с легкой горчинкой и без запаха соляной кислоты. Не надо путать это повидло с вареньем из цветочных бутонов того же одуванчика. Это варенье не для военных лет. Никто не станет тратить сахар в голодное время.

Красивые цветы и летучие семена одуванчика очень раздражают уважаемых владельцев газонов. Лужайка около дома должна быть непременно зеленой! Придумали даже специальный гербицид, который уничтожает одуванчики, а остальную траву не трогает. Но я не спешил бы искоренять это растение – оно еще может пригодиться.

Имея сахар, варенье можно приготовить из самых разных фруктов и овощей. Во время войны нам однажды на сахарные талоны выдали варенье из моркови.

В лаборатории хранилась бочка касторового масла. Мы установили, что при нагревании до 200–300 градусов слабительные свойства этого продукта исчезают, и его можно применять как пищевой продукт. Применяли, несмотря на ужасный запах и вкус...

Случилось так, что в институте имени Карпова работали три поколения Виноградов – мой папа, я и мой сын Дима. Было бы справедливо установить мемориальную доску.

В августе 1941 года я познакомился с лаборантом – Женей Шидловским. Он предложил мне составить ему компанию и подать заявление о приеме в Московский Химико-Технологический институт им. Д. И. Менделеева (МХТИ). Самому мне такая мысль в голову не приходила, и о МХТИ я ничего не знал. Но заявление написал и отдал его Жене. Потом Женя перешел на другую работу, я с ним перестал видеться и о заявлении забыл. Но ружье, как и положено, в нужный момент выстрелило.

В это время я перевелся на работу в другую лабораторию того же института. Кто-то мне сказал, что работать под крылышком у папы нечестно. Я был очень молод и поверил в такую глупость.

В новой лаборатории мне показали раковину, заполненную грязными пробирками, и поручили их помыть. Чем пробирки загрязнены, мне не сказали, думали, что я это сам знаю. Но я этим не заинтересовался и просить перчатки не стал. Не знал я также и того, чем вообще в

лаборатории занимаются.

Вскоре у меня между пальцами на руках появились нарывы – оказалось, что посуда была загрязнена ипритом. Иприт это старинный, но очень эффективный кожно-нарывной яд. Изобрел его в молодости, во время учебы в Германии, знаменитый русский химик, впоследствии академик Н. Д. Зелинский. Позднее он придумал и противогаз. Иприт применяла немецкая армия еще во время 1-ой Мировой войны против французских войск.

Чем-то меня лечили, и нарывы довольно быстро зажили. Тут я наконец понял, что лаборатория изучает способы защиты от отравляющих веществ, в том числе и обеззараживание почвы. Работать в этой лаборатории мне стало страшно. Я хотел перейти в другое место, но не знал куда.

В первых числах сентября мне неожиданно позвонили из Менделеевского института и сказали, что я принят в институт и должен «пройти» медицинскую комиссию. Комиссия никаких препятствий для учебы в моем организме не нашла. Я уволился из института имени Л. Я. Карпова и стал студентом МХТИ. Приемных экзаменов в 1941 году не проводили. Женю Шидловского я больше не встретил.

При оформлении меня спросили – какую стипендию я хочу получать большую или маленькую. Я решил, что большая стипендия лучше маленькой. Потом я удивился, увидев свое имя в списке студентов секретной специальности № 2 (химия и технология отравляющих веществ). Я попытался протестовать, но мне ответили – ты же сам просил! Стал ходить на занятия. Учеба мне нравилось больше, чем работа в лаборатории. Но счастье было недолгим.

Германская армия приближалась к Москве. В октябре наш институт стали готовить к эвакуации. Я тоже собрался. Сложил вещи в чемодан, отвез его в вестибюль института. Главной ценностью были две рубашки со сменными пристегивающимися воротничками – такая тогда была удобная мода. Пристегивающиеся на пуговичках воротнички можно было стирать отдельно от рубашки – ведь рубашка не пачкается!

Началось томительное ожидание вагонов. Спать в бомбоубежище было неудобно. Разнесся слух, что у кого-то украли чемодан. Я расстроился, отвез свой чемодан домой и решил один раз поспать на кровати. Вы, конечно, понимаете, что именно в эту ночь подали

долгожданные вагоны и все, кто был в институте, уехали.

Придя утром в институт, я никого не встретил. Все понял и пошел в Учебную часть узнать, что мне теперь делать. Дверь была открыта, сотрудников не было. Уезжали они в спешке – на полу были разбросаны бумаги. Я поискал и быстро нашел свою зачетную книжку. Она мне потом очень пригодилась при демобилизации из армии и возобновлении учебы.

Как расценивать случившееся? В те дни никто не мог быть уверен в том, что немцев не пустят в Москву. Мне, еврею, следовало уехать и не искушать судьбу. Но тогда я всей опасности не осознавал. В Освенциме, на экскурсии, побывал лет через двадцать. Теперь я вижу, что в ту ночь мне очень повезло. Все студенты из эшелона МХТИ были мобилизованы в день своего приезда в Коканд. В Узбекистане, вероятно, не знали, что студентам Менделеевского института предоставляется отсрочка от военной службы. Никто из моих сокурсников домой не возвратился.

Оставшись без дела и продовольственной карточки, я быстро вернулся в Карповский институт под начало папы. Но к работе приступить не успел. Карповский институт, как и Менделеевский, решили эвакуировать в тыл. В ожидании отъезда нашу лабораторию зачем-то перевели в помещение института Синтетических Душистых Веществ.

Я перенес туда свои вещи и перебрался сам. Снова началось ожидание. Нам выдали продукты на дорогу. В паек входили сухари, макароны, свиная тушенка и абрикосовый компот! Удержаться мы не могли и все быстро съели. Остались только макароны. Но вагонов мы так и не дождались. Немецкое наступление на Москву отбили. Эвакуация прекратилась. Лабораторию вернули на прежнее место в институт им. Л. Я. Карпова.

Помещения выглядели как после погрома. Извините, что пользуюсь штампом. Вся посуда, реактивы и книги были перемешаны, как будто кто-то старался это сделать специально. В одной из комнат был взломан паркет. Под ним была лужа ртути.

Паника кончилась. Оставшаяся в Москве часть преподавателей Менделеевского института возобновила занятия. Я снова стал студентом. Несмотря на холод и голод, учиться было интересно. Весной я сдал экзамены и был переведен на второй курс.

Потом, вернувшись из армии, я узнал, что экзамены, сданные на пятерки, не надо сдавать снова, даже после длительного перерыва в

обучении. Это дало мне возможность не учиться повторно на первом курсе, а сразу поступить на второй, прямо в группу, где уже дожидалась меня Нина, моя будущая жена.

Институтские химики продолжали оставаться химиками даже в это тяжелое время. Они наладили в институте производство творога из древесных опилок. Выдавали в качестве дополнительного питания студентам. Есть было можно!

Эвакуированная часть МХТИ продолжала работать в Коканде, в Узбекистане, до окончания Войны. Институт, таким образом, раздвоился. Не знаю, какая часть считалась главной, а какая филиалом.

Тимирязевский Райвоенкомат города Москвы не дремал и обо мне не забывал. После нескольких комиссий меня признали непригодным к строевой службе из-за болезни сердца. Но к нестроевой службе я еще был пригоден, и меня направили на учебу в автошколу, чтобы сделать из меня военного шофера.

Занятия в автошколе проходили по вечерам. Я занимался с интересом, хотя это было повторением. Мечта моя начинала сбываться. Эта автошкола, в отличие от школы при академии имени К. А. Тимирязева, имела учебные автомобили. Нас обучали не только устройству автомобиля по схемам, макетам, но и практическому вождению.

Война наложила на учебу отпечаток, бензина не хватало, и его экономили. Инструктор вождения всегда имел какую-нибудь дополнительную задачу. Например, отвезти капусту со склада в магазин. В этом случае грузовик вел инструктор, а курсант Виноград лежал на капусте в кузове и палкой отгонял мальчишек, которые крючками эту капусту пытались стащить. Правда, обратно пустую машину вел уже я.

Второй случай – мы едем на мыловаренный завод за жидким мылом на автоцистерне. Я веду машину – тренируюсь. При въезде охрана пытается меня высадить, но тренер протестует – нельзя нарушать учебный процесс. В результате машину взвешивают вместе с двумя водителями. Заливаем мыло.

Перед повторным взвешиванием при выезде инструктор сам нарушает учебный процесс, просит меня выйти из машины и въезжает на весы без меня. Количество отпущенного мыла определяют по разности весов при въезде и выезде. Таким способом шофер присваивает около 70 кг дефицитного мыла. Я тогда примерно столько весил.

Все же я чему-то научился и экзамен по вождению сдал – въехал на полупортке задом в узкие каменные ворота. Я также мог заменить свечи, установить зажигание, заменить скат (колесо) и даже заклеить камеру с применением пирожки для вулканизации заплатки.

Получив водительские права, я, полный гордости, стал искать работу по специальности. Пришел в редакцию газеты «Известия».

– Да, нам шоферы нужны. Но ты ведь допризывник. Сходи в военкомат и возьми справку, что тебя не призовут на военную службу, хотя бы до 18 лет.

Я пошел, не думая о возможных последствиях. В военкомате на мою просьбу посмотрели иначе. Мне сказали:

– Зачем этот бюрократизм? Подумаешь, осталось 4 месяца. Приходи завтра с вещами – вот повестка, будешь служить.

Водительские права почему-то оставили в военкомате, и я их больше не видел. Таким образом, винить мне некого – сам напросился!

Я – КРАСНОАРМЕЕЦ

Назавтра я прибыл на призывной пункт. Первым делом нас остригли, построили и переписали. До еды дело почему-то не дошло. Ночь на жестких нарах перенес плохо – почти не спал. Но вскоре привык – матрас мне стал не нужен.

Нары – это настил из досок или тонких бревнышек, на котором полагается спать. Нары применяют в казармах, тюрьмах, товарных вагонах и на кораблях для перевозки солдат и заключенных, во всех случаях, когда в небольшом объеме надо поместить много людей. Бывают двух-, трех- и более этажные (ярусные) нары – сколько позволит высота помещения.

Фото 3. Красноармеец

Путь в формировочный лагерь не оставил впечатлений. Запомнился только концерт с цыганскими танцами на Курском вокзале в три часа ночи. Попал я в знаменитый Гороховецкий формировочный лагерь вблизи Горького (теперь – Нижний Новгород).

В первый день выдали форму. Мне не повезло. Не нашлось на мою голову шапки-ушанки 62 размера. Разрешили ходить в своей. Это очень неприятно. У всех шапки серые, а у меня – коричневая. Я был излишне замечен. Каждый встречный командир придирался ко мне первому. Я невольно нарушал одну из главных солдатских заповедей: «Не высывайся!»

Всю гражданскую одежду и личные вещи нам велели бросить в яму для сжигания, чтобы избежать инфекции. Золы в яме не было – по-видимому, наши вещи не сжигали, а использовали иначе. Я от усердия выбросил ложку. Эта ошибка запомнилась мне надолго. Лагерь был громадный. В столовой мест не хватало. Каждая группа должна поесть за 10 минут. Затем команда:

– Встать! Выходи строиться!

Я успевал только съесть хлеб. Спасибо, вскоре кто-то сжалился и подарил мне ложку. Но неинтеллигентная привычка – съесть все быстро и дочиста – осталась навсегда!

Обучение включало пользование портянками и обмотками. Портянки – это куски бязи (в холодное время лучше применить более теплую ткань, например, байку) размером 50х70см. Портянки в русской армии и в

крестьянской жизни издавна заменяют носки. Когда научишься пользоваться, а это не просто, чувствуешь себя очень удобно. Служат портянки долго, несколько месяцев – не то что носки. Даже протертые до дыр портянки еще можно использовать – надо их только перевернуть так, чтобы дыра не попадала на пятку. Портянки необходимо при первой возможности стирать. Нигде, кроме России, о портянках понятия не имеют – не доросли еще. В русско-английском словаре вместо перевода слова портянка приводится длинное описание понятия, очень похожее на то, которое сочинил я.

Это, конечно, не предел. Мой знакомый, переводчик, рассказал мне, что при переводе русского слова «империализм» в книге Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» потребовалось более шести страниц пояснительного текста на хинди.

Обмотки – это две черные, коричневые или темно-зеленые, плотные трикотажные ленты шириной в ладонь и длиной около 4-х метров. На верхнем конце обмотка имеет специальные тесемочки, которые надо завязывать. При аккуратном наматывании поверх ботинок и брюк они издали выглядят, как голенища сапог, а при неаккуратном – сваливаются и запутываются в самый неподходящий момент.

Потом я узнал, что в Россию это изобретение пришло из Австрии. Самое неприятное то, что наматывание занимает около трех минут. Это если вечером их аккуратно подготовить. Перед наматыванием надо еще зашнуровать ботинки. И ты всегда отстаешь от владельца сапог, у которого обувание происходит очень быстро. Особенно трудно приходится в середине ночи при подъеме по тревоге. Тот, кто станет в строй последним, получает *наряд* – трудную или неприятную работу – вне очереди. Но сапоги солдату не положены, хотя и не запрещены, если сумеешь достать – можешь носить.

Затем нас учили ползать «по-пластунски». Надо передвигаться, пользуясь руками и ногами, не отрывая живот от смеси песка и снега. Считалось, и не без оснований, что это занятие прививает послушание и страх перед начальством. Ради благородной цели сержант мог продолжать упражнение несколько часов подряд – пока сам не замерзнет.

Важным занятием была также маршировка. Обязательно надо петь песню:

Я пулеметчиком родился,

В команде Максима возрос,
Свинцовой пулею крестился
И смертный бой я перенес!

Не могу себе представить, как эта явно дореволюционная песня смогла сохраниться до 1941-го года.

В наши обязанности входила также переноска досок с пилорамы (устройства для распиливания бревен), на стройку барака. Расстояние – около 3-х километров. Доски были сырые, длинные и тяжелые. Если вдвоем, то надо нести две доски – не поднять. Смелые и находчивые ломали доску пополам и относили меньшую половинку. Не наказывали – по-видимому, ценили смекалку.

Стрельба из винтовки и ее устройство, а также применение гранат в программу нашей военной подготовки не входили. Причина такого пробела станет ясной при описании отправления эшелона.

Однажды в лагере сломалась машина для чистки картошки. Наш взвод должен был эту машину заменить. Москвичи чистить картошку не умели или делали вид, что не умеют. Я умел, но у меня не было ножа. Но нашлись не очень молодые ребята с ножами. Первым делом они начистили ведро картошки для собственного употребления, сварили, съели и не спеша взялись за задание.

В Гороховецком лагере я попал в наряд в вошебойку – устройство для уничтожения насекомых. Красноармейцы раздеваются и через окошко сдают одежду в специальное помещение. Здесь ее развешивают на крючки, как в театральном гардеробе. В помещение непрерывно поступает горячий воздух. Приблизительно через час взрослые вши и их яйца (гниды) погибают.

Красноармейцы, помывшись в бане, получают обработанную одежду, назвав свой номер. Все просто и надежно. Но кто-то должен развесить, а затем снять с крючков и выдать одежду. Мне это, естественно, и поручили. Подачу горячего воздуха никогда не прерывают. Чтобы насекомые погибли, нужна температура не менее 100 градусов по Цельсию, к сожалению.

Мы тоже находились в этом помещении, конечно, вполне раздетые. Чтобы не свариться, сменялись каждый час. Пол был деревянный, это хорошо, но в нем были раскаленные шляпки от гвоздей. Только бы не

наступить! Металлические пряжки ремней также вызывали ожоги.

Через 10 дней наша подготовка закончилось. Мы присягнули в верности Партии, Правительству и Родине. Нас построили, сосчитали, переписали, сформировали из нас маршевую роту, погрузили в товарные вагоны и отправили воевать.

Списки содержали графу «место рождения». Я боялся ответить неправильно – не знал точный адрес роддома, где я родился – помню только, что родильный дом находился на улице Большая Молчановка. Составитель же списка не знал, что такое роддом. Мы оба, как я теперь понимаю, нервничали напрасно. Место рождения — это адрес, где во время рождения ребенка была *прописана* его мама.

В нашем эшелоне были только три категории военнослужащих: 18-ти летние красноармейцы, имеющие заболевания сердца, красноармейцы, имеющие только один глаз, и более старшие граждане – уголовные преступники, досрочно освобожденные из тюрем и исправительно-трудовых лагерей.

Первые две категории были не в состоянии участвовать в боевых действиях. Третьей категории опасались давать в руки оружие, поскольку не было точно известно, в кого они будут стрелять. Естественно, красноармейцам всех трех категорий не была нужна боевая подготовка. Но ползанье «по-пластунски» было полезно всем. Солдат должен бояться сержанта больше, чем смерти!

Ехали мы всего два дня. За это время уголовники успели украсть у законопослушных граждан сухой паек, деньги и ценные вещи, а также выданное в дороге теплое белье, носки, рукавицы и шерстяные подшлемники. Все это также представляет интерес для опытных граждан. Потом мы видели, как наши ценности меняли на продукты или самогон.

Высадили нас на снежное поле, в нескольких километрах от города Усмани (близ Воронежа). Быстро отвели от железной дороги, построили, пересчитали и, как положено, направили в баню. Мы насторожились, мытье в бане, как и чистое белье, ассоциировалось с подготовкой к бою. Те, кто могли, на всякий случай, вынули свои стеклянные глаза.

Баня представляла собой одноместную землянку. На каждого красноармейца полагалось 5 минут и один шлем воды. Раздевались и одевались на воздухе. В эшелоне нас было около 800 человек. Я выполнил приказ одним из первых.

Когда помытых набралось человек 40, нас снова построили. Пришли «агитаторы» – представители боевых подразделений, которым было нужно пополнение. Первым был представитель пулеметной роты. Человек пять пошли к нему – очень хотелось поскорей поспать и поесть.

Затем пришел старшина, представитель батареи дальнобойной артиллерии. Все захотели к нему, это нам казалось безопасней. Мы думали, что артиллерийские батареи располагаются в тылу и стреляют по противнику, который находится на линии фронта. Это глупо и неверно в принципе. Задача дальнобойной артиллерии – поражение объектов в тылу противника. Поэтому батареи располагают по возможности ближе к линии фронта. Наша батарея располагалась рядом с пулеметной ротой. Она была не очень дальнобойная. Я тоже хотел туда попасть, но не успел – меня опередили другие желающие.

Остался только взвод ПТР (противотанковых ружей).

Молоденький командир, чтобы подбодрить нас, сказал, что всем, кроме нашего отделения, еще предстоит копать для себя землянки, а для нас есть уже готовая и даже натопленная. Наша землянка действительно была натоплена, надеюсь, что, и остальные новобранцы не ночевали на морозе. Военная землянка состоит из довольно глубокой канавки – по ней ходят слегка согнувшись – и менее глубокого земляного уступа, где солдаты спят. Вроде дивана. Для мягкости, когда удастся, стелют солому или ветки. Сверху крыша из досок, бревен, листов кровельного железа, брезента или веток. Поверх насыпана земля.

В дальнем от входа конце находится печка из кирпичей или из железа. Для выхода дыма охотнее всего используют печной горшок с проломанным дном. В землянке было очень хорошо. Нам дали чего-то поесть, и мы, страшно усталые, моментально заснули. Утром я увидел, что весь прифронтной лесочек покрыт этими горшками и из них поднимаются приятные дымки. Мы получили завтрак из полевой кухни. Впервые с момента мобилизации вкусно и сытно поели – фронтные части снабжались лучше, чем тыловые. Сомнения наши исчезли – мы были в строевой части!

Юный лейтенант начал с нами занятие по изучению материальной части.

– Я никогда противотанкового ружья не видел, – честно сообщил он. – Но у меня есть руководство.

И он показал книжечку размером с половинку школьной тетради. При рассмотрении бледного текста и неразборчивого рисунка мы узнали, что пуля ПТР имеет калибр 14,5 мм и при удачном попадании в уязвимое место, может повредить вражеский танк. По своему калибру ПТР соответствует маленькой пушке. Подобные орудия устанавливали на первых советских танках.

За все надо платить! При стрельбе из ПТР возникает сильная отдача – в 4 раз больше, чем при стрельбе из винтовки. Стрелять надо из положения «лежа». Ноги лучше зарыть в землю, иначе перевернет и отбросит. При стрельбе надо использовать сошки – подставку под ствол, а то не удержишь и не прицелишься. Весит 20 кг, запас снарядов еще 20 кг. Расчет ПТР состоит из 2-х солдат – одному все снаряжение не унести. Каждому солдату полагается еще по обычной винтовке на случай, если встретится пеший неприятель. Не позавидуешь... Но испытать ПТР на деле нам суждено не было!

Назавтра нашему отделению приказали починить блиндаж на высоком берегу реки. За рекой – если память не изменяет, это была река Ворона – на более низком берегу располагался противник. Из семинара по военному делу я помнил, что блиндаж – это долговременное оборонительное сооружение, сделанное из железобетона.

Его строят на угрожаемом участке в месте вероятного наступления противника. Такие идеальные, очень прочные блиндажи я потом видел в районе Равы Русской. Они не были разрушены, наши войска покинули их без боя.

Если железобетонный блиндаж возводить некогда, используют бревна и землю. Яму покрывают слоем бревен, затем слоем земли, снова бревнами, снова землей и т. д. Сколько слоев бревен, столько накатов. Чем больше – тем надежнее и лучше. В блиндаже обычно располагается наблюдательный или командный пункт.

В порученный нам объект попал артиллерийский снаряд или маленькая авиабомба, и все накаты перемешались. Во что превратились люди, мы старались не думать. Ночью было холодно, и смесь смерзлась. Как выполнять задание, нам было непонятно. Даже вшестером мы не могли сдвинуть ни одного из уцелевших бревен, которые почему-то стояли вертикально. Спросить не у кого. Командир отделения с нами на работу не пошел. Вероятно, он тоже еще не умел чинить блиндажи.

Никто нашей работой не интересовался и близко к нам не подходил. Все прояснилось во время обеда. Кухня остановилась далеко. Пришлось спуститься с горки в овражек. Пока добрались, суп в котле замерз. Но не до дна – пробили дырку и славно поели. Повар объяснил, что не мог подъехать ближе – на горке очень опасно – обстреливают румыны. А мы удивлялись – что это свистит? К счастью, никто не пострадал, простите за штамп. По совету повара мы, никого не спрашивая, вернулись в землянку. О проделанной работе нас никто не спросил.

На следующее утро мы узнали, что произошла ошибка – перепутали списки и эшелоны. Отправили нас – нестроевиков – на самую передовую. А строевиков, вероятно, в прифронтной тыл. Удивительно, что разобрались так быстро.

Ошибки в списках, трудность и даже невозможность их прочтения были частым явлением. Без списков никуда никого не отправляли. Такой был порядок. В каждом взводе и даже в отделении был писарь – грамотный красноармеец, который должен был эти списки составлять. Но не было бумаги, и списки составляли на газетах, старались писать на полях и между строк. Чернила были бледные – их без конца разбавляли.

Потом, уже проходя курс военной подготовки в институте, я узнал, что списки и донесения следует писать карандашом, чтобы вода не могла их смыть. Одной из причин большого количества, пропавших без вести, была невозможность прочтения списков солдат и офицеров, посланных на боевое задание. Вторая причина этого явления лежала в материальной области – семьям солдат и офицеров, пропавших без вести, не надо выдавать пособие! Даже понятные списки иногда не хотели понимать. Нельзя превысить лимит на пособия.

Военная машина закрутилась в обратную сторону. Нас собрали по прежним взводам. Построили, сосчитали, переписали и отправили пешим порядком в город Усмань. Мы растянулись длинной, темной цепочкой по белоснежному полю. Первые протапывали тропинку, остальные шли след в след. Но среди нас был один, который остался – не захотел уходить с передовой. Его не уговаривали и не хвалили за храбрость. Звали его Женя, и был он из Одессы.

ТРЕТЬЯ АВТОШКОЛА

Нас снова выставили на распределение. Выбор был невелик: либо

возчиком на гужевой транспорт, то есть управлять лошадью и телегой, либо в автошколу. Правильно, я выбрал автошколу. Уже третью в моей жизни! Уголовники распределились равномерно, и долгое время доставляли нам немало обид и неприятностей.

Автошкола на окраине Усмани имела бараки для жилья, большой гараж, много учебных плакатов и схем и ни одной машины, даже бочку с водой возили на курсантах. Не удалось узнать, как обучали будущих возчиков – по плакатам или на настоящих лошадях.

Бараки надо отапливать, а дров нет. Уголовники мерзнуть не стали. Они нашли дом, в котором не было жильцов, и быстро превратили его в дрова. Законопослушные граждане тоже отогрелись. Спасибо.

Очень скоро выяснилось, что я знаю названия всех деталей автомобиля и принцип их действия и могу с успехом подменять сержантов на занятиях. Пользовались они этим без стеснения. Но это не спасало меня, как и других курсантов, от разного рода издевательств.

За какую-то провинность, скорее всего, за то, что я продолжал ходить в гражданской шапке, меня заставили надеть валенки и бегать по весенним лужам. Не помню, кто это придумал – старшина или комвзвода.

Однажды вечером комвзвода приказал мне позвать старшину.

– Где он? – спросил я.

– В бараке, наверное, – ответил он и указал рукой.

Здание находилось рядом с автошколой, я часто проходил мимо него и принимал его за сельский кинотеатр, потому что оно было выше окружающих домов и не имело окон. Теперь в нем размещалось женское общежитие трикотажной фабрики.

Я вошел и оказался в очень большой полутемной комнате. Под потолком горела тусклая лампочка без абажура. В комнате почти вплотную друг к другу стояли примерно двадцать кроватей. На каждом, или почти на каждом, спальном месте располагалось по два человека – разного пола. Я с ужасом представил себе, как я буду обходить кровати, и искать старшину Коржавых. Вернулся к командиру взвода:

– Я не могу!

Командир меня понял:

– Чего ты боишься? Войди и крикни: «Старшина Коржавых! На выход!»

Только и всего...

До сих пор я пытаюсь понять, чем именно меня так смутила и взволновала увиденная картина. Смирился с горящей лампочкой – без нее могли быть ошибки и ссоры. Понял, что никакого насилия не было, все происходило с общего согласия. В то время часто звучала песенка (или пародия) с припевом: «...Все равно война!» Смысл состоял в том, что сегодня все и всем дозволено, поскольку конец света может для тебя наступить завтра или прямо сейчас, и отвечать за поступки станет некому. Есть ли у меня право кого-либо судить? А может быть, вообще все эти переживания от моей повышенной интеллигентности?

Будучи курсантом Усманской автошколы, я пережил военную реформу. Командиры теперь снова, как в царское время, стали офицерами. Им вернули офицерские звания, опороченные во время Революции. Нам объяснили, что изменение званий необходимо для более удобного общения с нашими союзниками по Антигитлеровской коалиции. Одновременно вернули и погоны. Нам пришлось их пришивать к гимнастеркам. Погоны были зеленого цвета – полевые. После окончания войны их должны были заменить более нарядными. Кубики, ромбики и треугольники исчезли с воротников гимнастерок. Появились звездочки и полоски (просветы) на погонах.

Я теперь стал не боец, или красноармеец, а солдат, или рядовой. Вскоре я услышал необычное звание – *гвардии рядовой*. Ко мне оно не относилось – наша часть не была гвардейской. Так, в насмешку, называли разжалованных за провинности офицеров гвардейских частей. Звание они теряли, но гвардейцами оставались.

В автошколе ежедневно по утрам проводилась проверка на вшивость. Стоя в строю, каждый солдат должен был снять гимнастерку и вывернуть ее для обозрения. После проверки я составлял рапорт, в котором указывалось количество вшивых солдат. Обычно их было 40-50%. В рапорте писали буквально строку из поэмы Твардовского «Василий Теркин»: «Вши частично есть». Одновременно сообщали о том, сколько во взводе больных чесоткой, их было тоже немало.

Около школы располагался маленький рынок. Там продавали простоквашу и ряженку. Мы не могли преодолеть соблазн и за последние сбережения и вещи покупали эти молочные продукты, в них были недостающие нам витамины. Молоко и молочные продукты в солдатский

рацион не включаются даже в мирное время.

Курсантов автошколы довольно часто отрывали от занятий и использовали на различных работах. В районе Усмани спилили на дрова знаменитую дубовую рощу, посаженную ученым Докучаевым. Такие были обстоятельства. Полученные сырые двухметровые бревна в обхват толщиной, мы должны были погрузить на машины. Сначала мы вшестером с трудом и страхом поднимали бревно на ваги и несли его к машине, утопая в метровом слое снега. Через два дня появилась сноровка, и я, к своему удивлению, уже мог нести эту тяжесть один. Даже сам поднимал бревно с земли. Теперь я удивляюсь, как мое, забракованное медицинской комиссией, сердце выдерживало такую, совсем не шуточную, нагрузку. Может быть, военная жизнь пошла мне на пользу, и я неожиданно выздоровел?

Недалеко от автошколы находилась шахта, в которой до Войны добывали железную руду. Мне и курсанту Коле поручили охрану деревянных стоек, которые необходимы для поддерживания потолка в штреках. На **постой** (проживание) нас определили в семью, которая в военное время сумела сохранить корову. Во избежание кражи, корову держали в одной из комнат квартиры. Получился хлев на втором этаже.

Но не в этом дело. В охране нас было только двое. Сменялись мы через 4 часа. Кровать у нас была одна, и спали мы на ней по очереди.

Шахтные стойки лежали около поселка штабелем, длиной метров 150. Местные ребята воровали стойки и использовали их как дрова. Тактика хищения была простая. Ватага разбивалась на две части и атаковала объект с обеих сторон одновременно. Пока отгоняешь похитителей от одного конца штабеля, вторая их половина спокойно уносит стойки с другого конца. Крик и даже стрельба в воздух на ребят не действуют. Один часовой просто не мог противостоять такому натиску.

В ту ночь на посту был Коля, я спал. Вдруг Коля вбежал в комнату с криком:

– Леша, я девку убил!

Все было обыденно. Коля бегал с одного конца штабеля к другому, кричал, стрелял в воздух – не помогало. Тогда он решил направить винтовку на особо наглую девицу и пощелкать затвором. Обойму из винтовки он вынул, а про патрон в стволе забыл. Попал он точно.

Нас сняли с дежурства. Колю увезли в Особый отдел. Шахтные стойки мы охранять перестали. Колю, конечно, наказали, может быть, сильно и жестоко. Но был ли он виноват? Если Вы помните, наша подготовка в Гороховецком формировочном лагере не включала даже беглого знакомства с винтовкой. В Усманской автошколе боевой подготовки тоже не было предусмотрено. Меня в московской школе № 213 познакомили с малокалиберной винтовкой, я, даже стрелял из нее на военных занятиях.

Сверх того, в Менделеевском институте меня учили стрелять из пистолета. Я даже помню, как одна из студенток во время занятия направила пистолет на инструктора и робко сказала:

– Товарищ командир, у меня что-то не стреляет.

От чего командир в ужасе упал на пол.

Но Коля имел только начальное образование, притом в сельской школе. Он наверняка взял винтовку в руки в первый раз, когда нас ставили на пост по охране шахтных стоек. А оставление патрона в стволе – обычная ошибка даже у более опытных военных. Позже эта ошибка чуть не стоила мне жизни (см. ниже).

Вскоре со мной произошло ЧП (чрезвычайное происшествие). Я стоял на посту – охранял арестантов на гауптвахте. За что их наказали, не помню, думаю за мелочи. Если бы было за что, то они были бы уже в штрафном батальоне.

Штрафной батальон был вторым из самых страшных наказаний, после расстрела. Штрафбаты использовали для особо трудных операций, например, для штурма хорошо укрепленного города, поселка или высоты. Заранее было известно, что потери будут очень большими.

Сзади, конечно, был **заградотряд**. Это слово следует пояснить. Заградительные отряды были созданы 27 июля 1942 года по приказу Сталина. Они состояли из сотрудников НКВД и сами с противником не сражались. Они располагались в укрытии позади атакующей части, например, штрафного батальона, и следили за тем, чтобы никто из наступающих солдат не спрятался или не сбежал в тыл. Они просто стреляли в тех, кто уклонялся от атаки. И это положение отнюдь не было секретом.

Но все же солдат или офицер штрафного батальона мог остаться живым. Были ли заградительные отряды в германской армии или это

чисто русское изобретение, я выяснить не могу.

Как Вы помните, я охранял арестованных в сарае. Дело происходило зимой или ранней весной. В сарае было холоднее, чем на воздухе. Арестованные, их было трое, стали меня просить, чтобы я выпустил их погреться на солнышке. Я согласился. Мирно сидим. Арестанты курят.

Подходит незнакомый офицер, и спрашивает:

– Что вы здесь делаете?

Я бодро докладываю:

– Охраняю арестованных, товарищ подполковник!

Он возмутился:

– Ты что, устава не знаешь? Как ты посмел их выпустить?

И закричал командирским голосом:

– Начальник караула! Ко мне!

Пришел сержант. Подполковник приказал:

– Поставить другого часового! Этого (то есть меня) под арест!

Меня заставили снять обмотки и ремень. Полагалось еще вынуть шнурки из ботинок, на них тоже можно повеситься, но забыли. Отобрали винтовку. Посадили в этот же сарай. Никто из выпущенных мною на солнышко арестантов мне не посочувствовал.

Бывалые солдаты старательно мне объяснили, что я нарушил Устав караульной службы не один, а целых пять раз.

Во-первых, я, будучи на посту, сидел, а не стоял как положено. Во-вторых, увидев незнакомого человека, не крикнул: «Стой! Кто идет? Стрелять буду!» В-третьих, не сделал предупредительного выстрела в воздух. В-четвертых, не скомандовал при непослушании: «Ложись!» И, в-пятых, я не вызвал начальника караула для разбирательства. Так что наказали меня правильно.

А вот пункта о том, что нельзя выпускать заключенных на прогулку, в Уставе нет. Выходит, они меня не подвели и в моем аресте не виноваты.

Однако прочувствовать свою вину, я не успел. Не просидели мы на гауптвахте и двух часов, как объявили о передислокации (переезде) в город Острогжск. Ехать следовало по железной дороге на попутном поезде.

Вспомнили обо мне. Как быть с арестованным? Обмотки и ремень вернули, винтовку нет. В качестве наказания мне вручили большую кастрюлю с супом из офицерской кухни. Остановился поезд, состоящий из платформ с углем. Приказали всем забраться на платформы и лечь на уголь. Я поднялся на тормозную площадку в конце состава.

Ехали мы целый день. Я замерз и проголодался. Паек мне, а может быть, и не только мне, выдать забыли, и я взялся за кусок вареного мяса из супа. Ел его и вычислял – сколько солдатских порций в меня поместится? Получилось около 60-ти. Было трудно, но угрызения совести меня не мучили, и от объедения я не заболел. Бульон я съесть не мог – он замерз. При разгрузке кастрюлю я выбросил. Никто о ней не вспомнил.

По прибытии в Острогжск выяснилось, что автошкола расформирована. Арестовавший меня подполковник был как раз начальником ликвидационной комиссии. Курсы просуществовали полгода, и закончились ничем. Машин для практического вождения мы так и не увидели. Но устройство российских машин и названия всех частей автомобиля после третьей автошколы я уже никогда не забуду!

Вскоре я понял, что танковые детали тоже имеют свои названия, причем довольно часто они совпадают с автомобильными аналогами. Хотя есть и совершенно непохожие термины.

4-ый ПОДВИЖНЫЙ ТАНКОРЕМОНТНЫЙ ЗАВОД

Нас снова построили, сосчитали и предложили представителям воинских частей выбирать пополнение. Меня вызвали одним из первых и сказали, что я буду служить в 4-ПТРЗ. Я не знал, что скрывается под аббревиатурой ПТРЗ. Она мне напомнила слово ПТР. Я подумал, что снова возвращаюсь во взвод противотанковых ружей, и расстроился. Но мне объяснили, что ПТРЗ и ПТР – совсем разные сокращения. ПТРЗ это подвижный танкоремонтный завод, а не противотанковое ружье!

Фото 4. Л. Виноград

Почему выбор пал именно на меня? Ведь все мы прибыли из расформированной автошколы. Трудно представить, что нам были даны характеристики. Откуда взять столько бумаги? Скорее всего, свою роль опять сыграла моя бросающаяся в глаза коричневая гражданская шапка.

Зимней шапки 62-го размера солдатского образца я до конца Войны так и не получил. Когда служил на 4-ПТРЗ (см. ниже), взял на складе танковый шлем – нашелся подходящий размер. Очень тепло и удобно. В этом шлеме можно спать без подушки – мягко.

Мне дали 2 часа на сборы и прощание. Я сходил на рынок и на всякий случай купил полкилограмма пшена – в трудные времена можно сварить кашу и досыта поесть. Вся моя дальнейшая военная службы прошла на 4-м Подвижном Танкоремонтном Заводе.

Вскоре я узнал, что 4-ПТРЗ это воинская часть, то есть полк, и командует ею, соответственно, полковник – Ганкевич. Все, что меньше полка, – подразделение, а все, что больше, – соединение.

В Войне было задействовано много танков. В ходе сражений их часто подбивали или сжигали. При движении тяжелые машины быстро изнашивались и ломались. Танки надо часто ремонтировать. Многие неисправности танковый экипаж может устранить самостоятельно. Например, сменить несколько траков гусеницы или заменить отработавший свой ресурс мотор.

Заводский ремонт требуется при более сложных случаях. Везти для этого танк в тыл трудно, долго и дорого. Лучше всего быстро

отремонтировать его там, где он вышел из строя, то есть в прифронтовой полосе, и вернуть его в прежнюю часть своим ходом. Не надо ни погрузки, ни перевозки, ни разгрузки!

Создание подвижных заводов, которые, передвигаясь на автомобилях, следуют за танковыми частями и ремонтируют их на месте, решает сразу многие задачи. Все это верно во время наступления. К счастью, я служил на заводе именно в такой период. Как обстояло бы дело при отходе, можно представить, забежав вперед и прочтя главу «Око тайфуна».

Завод действительно экономил много средств и уменьшал нагрузку железных дорог. Даже выполнял финансовый план и приносил доход. Сколько было создано подобных заводов, и как были устроены остальные, мне узнать не удалось. Чтобы сбить с толку противника, воинские части никогда не нумеруют по порядку, поэтому название «Завод № 4» не говорит о том, что существовали заводы №1, 2 или 3.

При работе над вторым изданием воспоминаний, я обнаружил в Интернете книгу Виктора Суворова «Очищение». Критикуя предложенный Тухачевским план оснащения Советской армии 50–100 тысячами танков, Суворов отмечает, что этот план был неосуществим по многим причинам.

Одной из них являлось непосильное для страны создание мощной ремонтной службы, включающей танкоремонтные мастерские и даже *подвижные танкоремонтные заводы*. Суворов приводит также данные о том, что в апреле 1942 года в Советском Союзе на 1642 исправных танка приходилось 2409 танков, находящихся в ремонте.

Существовали еще танкоремонтные поезда. Но они, конечно, не могли обладать такой маневренностью, как ПТРЗ. По работе мы были связаны с танкоремонтным поездом, который специализировался на ремонте танковых двигателей.

ВАСЯ

Придя на завод, я сразу же познакомился с поваром Васей. Ему было 30–40 лет. До призыва в Армию Вася работал в вагоне-ресторане поезда Москва – Владивосток. Он был отличный специалист. Даже в полевых условиях получалась вкусная еда. Но что удивительно, мог также превратить живую корову в мясопродукты.

Армейские части во время войны имели право конфисковывать скот и

сельхозпродукты у колхозов и у отдельных хозяев, выдавая им взамен специальные квитанции. Эти квитанции затем засчитывались как выполнение обязательных поставок продуктов государству. Была в советское время такая повинность. Скорее всего, она и сейчас действует. Скот и продукты отбирали также у польских и немецких хозяев, но как это оформлялось, я не знаю. Мясо Вася передавал в подразделения, а часть использовал на главной кухне. Были еще съедобные отходы, например, печень или сердце. Вася все пускал в дело.

Вася страдал непривычной честностью – без кавычек. Однажды перед получением подсолнечного масла плохо вымыли бочку. В ней осталось немного дизельного топлива. Все равно что ложка дегтя. Получилась совершенно несъедобная смесь.

Но Вася эту смесь не выбросил. Он сварил очень вкусную рисовую кашу и от души приправлял ее этой смесью. Мы просили:

– Вася, пожалуйста, без масла!

На что следовал ответ:

– Солдата я обмануть не могу!

Пришлось вместе с маслом выбросить кашу. Считал ли Вася грехом обман офицеров?

Так вот, Вася с первого взгляда отметил, что меня надо подкормить. С этой задачей он справился легко и ненавязчиво. Голода я бояться перестал, но пшено в мешочке долго не выбрасывал – кто знает, куда меня занесет Война?

Однажды на продуктовой базе нам выдали сухой горох в мешках. Когда его сварили, оказалось, что внутри каждой горошины между семядолями находится маленький черненький сушеный, может быть, еще живой, жучок. Все приуныли, но Вася сразу нашел решение. Горох отвезли на крупорушку (фабрику, где из зерен изготавливают крупы), очистили от шкурок, провеяли и выдали нам чистые половинки без примеси жучков.

Поступил приказ выехать из города и посмотреть, как будет работать завод в полевых условиях. Для маскировки был необходим лес. Единственный лес, который удалось найти, имел существенный недостаток – на ветках не было листьев – их полностью съели гусеницы. Но приказ есть приказ. Пришлось ставить маскировочные сети.

Вася заметил, что рядом с нашим лагерем на поле растет дикий чеснок.

Он решил использовать подарок природы и испечь пироги. На сбор чеснока был мобилизован весь личный состав. Головки дикого чеснока очень маленькие – с горошину. Но это нас не испугало, и начинку мы собрали. Пироги были очень вкусные. Мы их ели, несмотря на то, что в открытый котел, где варилась начинка для пирогов, а потом жарились сами пироги, с деревьев обильно сыпались гусеницы дубового шелкопряда.

Еще мне запомнилась гауптвахта в городе Острогожске. Арестованных содержали в сарае, заполненном наполовину подсолнечными семечками. Они были вынуждены спать на этих семечках. Казалось бы, что особенного? Но на третий день у заключенных распухали десны и губы. Попробовав семечки, от них невозможно отказаться. Сам я на этой гауптвахте не сидел, но пострадавших от семечек видел.

ФЕДОР ИВАНОВИЧ

Наш завод был сформирован в начале Войны в Ленинграде на Кировском Танковом заводе – родине Т-34, лучшего танка в мире. Часть была почти полностью укомплектована сотрудниками этого прославленного предприятия и сохранила черты мирного времени. Все рабочие и инженеры были знакомы и даже дружны с мирных лет. Несмотря на форму с погонами, никто не мог привыкнуть к военному обращению по званию.

Все использовали давно привычные имена и отчества. В этом окружении я тоже забывал, что я солдат и вместо обращения: «товарищ капитан!» говорил своему начальнику: «Федор Иванович!»

Своих сослуживцев я также называл по имени и отчеству, они годились мне в отцы, и я не мог к ним обращаться по уставу: «Товарищ рядовой!»

Молодых людей среди слесарей Кировского завода не было. Они были призваны в армию еще до создания ПТРЗ.

Меня на заводе все звали «Леша»! Поправлять имя на «Леня» было бесполезно. Все считали, что «Леша» – ласковее. Я был такого возраста, как их дети.

Начальники начинали свои приказы со слова «Виноградов». Им, вероятно, казалось, что слово Виноград – это прозвище от фамилии Виноградов.

Но я не решался поправлять и до конца Войны оставался Виноградовым. Медали и даже Красную Звезду получал на эту фамилию.

В мирное время Федор Иванович Парненков был шофером директора Кировского танкового завода, а в военное – помощником начальника 4-ПТРЗ по хозяйственной части или помпохозом. В его распоряжении был автовзвод (около 30 грузовых машин с прицепами, 5 легковых автомашин), склады танковых и автомобильных запасных частей, боеприпасов и горючего, а также весь обслуживающий персонал. Федор Иванович был умным, тактичным, отзывчивым руководителем, сослуживцы его уважали и любили. Ко мне он относился по-отечески.

Фото 5. Федор Иванович Парненков и Леня Виноград

Мне запомнилась картина приема на службу нового шофера. Он прежде был танкистом. Бывшие танкисты часто попадали в шоферы, после того как их танк подбивали или сжигали. Потрясение от атаки бывало настолько тяжелым, что, если они оставались годными к службе, то командование по возможности старалось снова в танк их не возвращать, а использовать на других должностях.

Федор Иванович вызвал вновь прибывшего кандидата в шоферы к себе и начал с ним неторопливый разговор «за жизнь». Вскоре он налил ему и себе по стакану водки. Затем после минимальной закуски беседа продолжалась, стаканы вновь были наполнены. Через час они вышли,

сели в машину и начался экзамен.

Позже я спросил:

– Федор Иванович, зачем водка?

– Понимаешь, Леша, я этих танкистов знаю. Ведь на танке нет руля, поворачивать танк приходится путем торможения одной из гусениц. Это довольно сложно, и танкист не приучен поворачивать и объезжать мелкие препятствия. Привыкнуть к вождению машины ему трудно. Он ездит на машине, как на танке. К тому же во время поездки я не могу следить за тем, чтобы он не выпил. Теперь, после проверки, я почти уверен, что его можно отпустить без присмотра в рейс!

Когда я начал службу под руководством Федора Ивановича, он приказал мне наладить учет расходования горючего, запчастей и материалов на складе. Собственно, для этой работы меня и взяли на завод. Надо все записывать, добавил он. Но как это делается? Я бодро взял на складе бумагу, сшил из нее толстую тетрадь, обрезал острым ножом по линейке и разграфил.

С помощью двух кладовщиков и каталога, я на каждой странице написал названия запасных частей танка Т-34 и материалов, которые используются при ремонте. Ниже находилась таблица: дата, прибыло, убыло, состоит и примечания. Начался учет.

У меня вызвала сомнение деталь – фильтр топливный. Оказалась, что это кружочек из натурального шелка диаметром 6-7 см. Цвет указан не был – он в данном случае не имеет значения. Еще числилась ткань фильтровальная. На складе хранилась штука крепдешина с веселеньким рисунком. Из одного метра этого шелка можно легко вырезать сотню фильтров, а из трех метров сшить небывалое по тем временам платье.

Как учитывать в штуках или в метрах? Кладовщик Гриша Нечай быстро нашел решение – не пиши размерность совсем. Так и сделали. Стали писать в одну графу штуки и метры – то, что значилось в накладной. Гриша был очень доволен. Остальные запчасти учитывать было легче.

Кладовщик Гриша Нечай стремился найти полезное применение предметам и материалам, хранившимся на складе. Его внимание привлекла жидкость стеол. Обычно эту жидкость наливают в откатник орудий. Но Гриша обнаружил, что, если нагреть мыло со стеолом и полученный раствор охладить, то дефицитного мыла становится намного

больше, чем было взято на переработку. И этим мылом все еще можно мыться и стирать. Очень полезное наблюдение.

Было приказано усилить контроль расходования бензина шоферами завода. Гражданские организации горючего не получали, его у них не было. Случалось, что наши водители помогали жителям кого-то или что-то срочно перевезти и расходовали лишнее топливо. Иногда они использовали машины для личных поездок.

По инструкции полагалось перед поездкой измерить расстояние до конечного пункта по карте с помощью особого прибора – курвиметра (он у нас имелся), умножить полученное расстояние на 2 (обратный путь) и на норму расхода бензина для данной марки машины и выдать водителю расчетное количество горючего. Я старался работать по этой инструкции. Шоферы и кладовщики сопротивлялись.

Расчетного количества бензина никогда не хватало. Старые машины, двигаясь по разбитым дорогам, сжигали намного больше топлива. Часто оказывалось, что обозначенные на карте дороги и мосты, разрушены и требуются многокилометровые объезды. Иногда наш завод за время рейса машины сам перемещался. Одним словом, поездка требует существенного запаса бензина.

К этому следует добавить, что мы не имели устройства для быстрого и точного отмеривания бензина и определения остатка в баке машины. Точное следование инструкции занимало слишком много времени.

Мудрый Федор Иванович все понял и перестал настаивать. В расходной книге по-прежнему отмечали дату, количество выданного бензина и фамилию водителя, справедливо полагая, что шофера в большинстве нормальные честные люди.

Однажды Федор Иванович начал со мной необычный разговор:

– Леша, я вижу, что у тебя все прибавляется работа, надо тебе помочь.

Я не спорил, несмотря на войну, бюрократизм крепчал, каждый месяц появлялись новые формы отчетности, и я утопал в бумагах. Я подумал, что речь идет о помощнике. И не ошибся. Однако всю глубину отцовской заботы Федора Ивановича я сначала недооценил.

– Слушай, сегодня привезут четырех девушек, – продолжал он. Одну из них я направлю в помощь тебе! Ты должен выбрать, с кем хочешь работать.

Я удивился и растерялся. Все мои помощники были мужского пола, с помощницами я дела не имел. Но сопротивляться я почему-то не стал.

Дело было зимой. Мы подошли к избе, где отогревались приехавшие девушки. Внутрь не входили. Посмотрели в окно. Я не колебался, выбрал сразу и объяснил Федору Ивановичу, кого имею в виду. Он странно улыбнулся, но ничего не сказал. Утром пришла и приступила к работе другая девушка по имени Надя. Я не мог понять, в чем дело, догадался, что это розыгрыш, и обиделся. Зачем был весь вечерний спектакль?

Моя же «избранница» оказалась женой начальника штаба нашего завода. Она случайно приехала вместе с волонтерками. Ей, конечно, все рассказали. При встречах она посмеивалась, но зла на меня не держала. Я не знал, как себя вести.

Надя оказалась толковой и работающей и действительно сняла с меня часть нагрузки.

ЛЕВ ТИГРОВИЧ

Первым, кого я увидел и услышал, придя в штаб завода, был заместитель командира части – подполковник Лев Павлович Плоткин, он же главный инженер, он же помощник командира по технической части (помпотех). Он всегда говорил громким, требовательным, хорошо поставленным, немного рычащим командирским голосом. Подчиненные между собой звали его Львом Тигровичем, подчеркивая этим его необыкновенную свирепость.

Но я чувствовал, что свирепость его напускная. Я в этом уверился, когда узнал, что он посылал письма моей маме. Я сам писал ей неохотно и не очень регулярно – ленился и откладывал, а она представляла себе всякие страсти. В конце концов она написала командиру нашей части – почтовый ящик №48946. Командир части – полковник Ганкевич приказал Льву Павловичу ответить. Плоткин приказ выполнил и заставил меня писать чаще. Но сам он тоже стал ей писать. Об этом я узнал от мамы, уже после окончания ВОВ.

Второй эпизод, позволяющий оценить свирепость, а также и юмор Льва Тигровича, был связан с топографической картой. Заводу все время требовались подробные карты местности. Эти карты были секретными. По мере надобности их нам присылали из штаба. Когда мы переезжали на

новое место, я сжигал ставшие ненужными карты в печке, чтобы они не попали к противнику. Новые карты поступали к нам в виде небольших листов размером 50 x 60 см.

Для пользования маленькие листы были неудобны. На мне лежала обязанность склеивать эти листы в громадные «простыни» размером примерно 2 на 3 метра. На них уже изображали в виде красных ромбиков танки, находящиеся в ремонте. Полученная при склеивании листов простыня никогда не получалась плоской – несмотря на все мои старания на ней всегда получался заметный пузырь.

Я, конечно, знал, что Земля не плоская, а шарообразная, но до меня не доходило, что точная карта тоже должна представлять часть шара и не может быть плоской в принципе. Но не в этом суть. Важно, что карта была очень большая.

В штабе был специальный стол, на котором с этой картой можно было работать. Поздно вечером я решил поспать. Не нашел ничего удобнее стола для работы с картой и спокойно на нем уснул. Постель в те годы мне не требовалась. В три или в четыре часа ночи в штабе что-то случилось и потребовалось обсудить обстановку на карте. Собрали начальников. Плоткин не дал меня разбудить – пожалел. Карту расстелили поверх меня. Проснулся я не сразу, но понял, в чем дело и не стал шевелиться до конца совещания. Это к вопросу о Льве Тигровиче и его строгости.

Еще один запомнившийся случай произошел немного позже в украинском селе. У хозяев дома, в который меня определили на жительство, было много пчелиных ульев. Было жаркое лето, и хозяева извлекали (качали) мед из сотов. Меня несколько раз угощали свежим, очень вкусным медом. То ли я пожадничал, то ли попала инфекция, но я заболел и оказался в госпитале.

Меня лечили с помощью антибиотика или сульфонамидного препарата, не помню уже какого – эти препараты появились только во время Войны. Мутную жидкость вводили с помощью громадного шприца – не менее 100 мл – было страшно смотреть. Лечение оказалось эффективным, и я начал быстро поправляться. Болезнетворные микробы в то время еще не были знакомы с антибиотиками и очень их боялись.

Из разговоров с обитателями палаты, я узнал, что по заведенному порядку, выздоравливающие после лечения в госпитале попадают на медкомиссию и на новое распределение. Это для меня означало

расставание с заводом. Настроение испортилось. Но сделать я ничего не мог. Завод за две недели продвинулся далеко на запад. За время болезни ко мне никто ни разу не приходил.

Но я недооценил Льва Павловича, он меня не забыл. В нужное время за мной приехал командир автозвода капитан Корпан с соответствующими документами. Все быстро оформили, и через три часа я уже был в своей части.

ТОЛЯ

Фото 6. Гриша Неешборц, Толя Свобода, Леня Виноград

Рядом со мной обычно трудился мой сверстник Толя Свобода. Наши столы стояли рядом. Толя день и ночь печатал сводки, донесения и отчеты для штаба Бронетанковых войск (БТВ) 1-го Украинского Фронта (1 УФ). Толя не был профессионалом и печатал довольно медленно. Диктовал Лев Павлович. Они оба сильно уставали, и Плоткин немного сокращал свою часть работы, и в конце говорил:

– Целую! Зина.

Толя юмор начальника понимал и автоматически отстукивал: «Главный инженер 4-ПТРЗ, подполковник Плоткин Л. П.»

Но однажды Толя так устал, что напечатал про Зину. Плоткин не глядя подписал. Конверт запечатали сургучными печатями и отправили в штаб БТВ с нарочным. После этого Лев Павлович стал читать копию и увидел Зину. Он заорал своим хорошо поставленным, страшным голосом:

– Свобода! Перепечатать, догнать и заменить конверт!

Не помню детали, но Толя перепечатал, догнал и заменил.

Несколько раз мне тоже приходилось доставлять донесения в штаб БТВ. Меня поразил размер карты в этом штабе – она была раз в десять больше нашей и с трудом помещалась на полу большой комнаты. По ней ползал на коленках майор (а может быть, капитан) Чмиленко. Все танки и группы танков были отмечены красными флажками на булавах. Булавка одновременно прикрепляла к карте бумажный листочек, сложенный гармошкой, и уже на этой бумажке были все данные о танках. Чмиленко передвигался осторожно, стараясь не сбить флажки. Как ползали по этой карте остальные работники штаба во время оперативных совещаний, я, к сожалению, не видел и представить себе не могу.

Конечно, такая техника вызывает теперь улыбку, но тогда компьютеры еще изобретены не были. Они вошли в употребление лет через сорок-пятьдесят. Впрочем, калькуляторов тоже еще не было. Для расчетов мы пользовались старинными счетами, с косточками. Для сложения и вычитания счеты очень удобны. Странно, но поляки и немцы счетами не пользовались, хотя название устройства знали. Они считали вручную – писали столбики цифр на бумаге. Уже существовали механические счетные машинки – арифмометры, но складывать и вычитать на арифмометре мучительно, гораздо труднее и дольше, чем на счетах.

Кладовщик Дима Сабуров подарил мне очень интересную новинку – логарифмическую счетную линейку – и заодно кожаный портфель. Он был уверен, что я, после возвращения из армии, буду продолжать учебу. И не ошибся, я ходил на занятия с этим портфелем до окончания института. О том, что умножать и делить с помощью такой линейки нас научили еще в средней школе, я ему сказать постеснялся.

Дима Сабуров рассказал мне о том, как он призывался в армию. Был он азербайджанцем и жил в городе Баку, но учился в русской школе. На призывном пункте он, однако, заявил, что не понимает по-русски, и потребовал переводчика. В результате Диму не смогли призвать в строевую часть. После долгих странствий он оказался в 4-ПТРЗ. Говорил

он только по-русски и делал это без акцента. Думаю, что азербайджанский он знал хуже.

Я часто оказывался свидетелем разговоров Плоткина с Толей.

– Свобода, как ты мог такое напечатать? Посылаю Вам отчет... Это в штаб БТВ! Неужели непонятно, что *посылать* письмо можно только маме или любимой девушке. В армии такое слово недопустимо. Это нарушение субординации.

– А как же писать товарищ подполковник?

– Это зависит от того, кому предназначается письмо. Начальнику отчет *представляют*, подчиненному приказ – *направляют*, а равному по должности письмо – *препровожают*. Запомни!

Толя Свобода прибыл в нашу часть почти одновременно со мной. Он был на год или два старше меня. Его призвали в армию в первые дни войны, и он уже успел послужить в Воздушно-десантных войсках (ВДВ). Причину и способ перехода из десантников на наш завод он почему-то не раскрывал. Я думаю, что его взяли в штаб потому, что он умел печатать на пишущей машинке и не делал ошибок.

Толя очень любил оружие всех видов. Он даже носил пистолет ТТ на поясе. Как солдат, он не имел на это права, но никто не возражал. Офицеры штаба эту любовь использовали, и Толя охотно начищал и приводил в порядок их пистолеты и автоматы.

С этим был связан не очень комический эпизод. В штабе появился новый молодой и молодцеватый офицер. Не помню, как его звали. Он был как-то связан с доставкой продуктов. Вероятно, он нас перепутал и вместо Толи попросил почистить свой пистолет меня. Ему хотелось блеснуть своей ловкостью. Он, как и следовало, вынул из магазина обойму с патронами и, довольный собой, протянул пистолет мне. Для доказательства того, что пистолет разряжен, он нажал спуск, чего делать ни в коем случае не следовало, поскольку один патрон остался в стволе. К тому же ствол пистолета был направлен в мою сторону. Судьба меня хранила – пуля пробила доску и оказалась в ящике стола, за которым я сидел. Испугался я позже, когда до меня дошел смысл произошедшего.

Забывание о патроне, находящемся в стволе, и связанные с этим многочисленные трагедии – дело обычное. После этого случая уже никто не считал меня оружейным мастером, и с подобными просьбами ко мне не

обращались. Сам я не испытывал к оружию никакого интереса. Толя понять этого не мог и упорно обучал меня обращению со всеми доступными видами оружия, за исключением танкового пулемета и пушки. Он мог, конечно, сделать и это, но не хотел привлекать внимание шумом выстрелов.

Постыдный, как я понял много позже, случай произошел на реке Ворскла. Толя решил наловить рыбы. Быстрее всего ловить рыбу с помощью взрывчатки. Бросил тротильную шашку, и через короткое время оглушенная рыба всплывает! Я должен был грести. Взрывчатку подготовил Толя. Он укоротил шнуры детонаторов с таким расчетом, чтобы взрыв шашки происходил на глубине около одного метра. Мне оставалось работать веслами.

По команде Толи я вывел лодку на середину реки. Толя бросил первую шашку. Он не учел того, что широкая река имела неправдоподобно малую глубину. Брошенная шашка, еще до взрыва успела утонуть в грязи на дне. Поднялся черный столб, который едва нас не утопил. Ловлю пришлось прекратить. Толя, автор воспоминаний и рыба в реке не пострадали. Рыбы в реке, вероятно, уже не было. Скорее всего, ее уничтожили другие браконьеры еще до нашего прихода. О том, что мы с Толей совершили варварское надругательство над природой, я в то время еще не подозревал.

Получилось так, что мы с Толей всегда ели из одного котелка. Обычно Толя приносил еду, очень быстро насыщался и всегда первый кричал:

– Кто последний доедает, тот посуду убирает! Уборка подразумевала мытье котелка.

Еще любил он... обезвреживать мины. В районе Шепетовки этих мин и противопехотных, и противотанковых было поставлено невообразимо много. Ставили минные заграждения и немцы, и русские. Когда снег растаял, оказалось, что красные и желтые мины сплошь покрывают землю. Как удалось создать такой плотный ковер, мне непонятно. Вряд ли саперы ни разу не ошиблись.

Для того, чтобы обезвредить мину, надо снять проволочные растяжки и осторожно удалить из нее взрыватель или два взрывателя. Процедура эта опасная. На взрыватель нельзя надавливать, и выдергивать его тоже нельзя.

Профессиональные саперы предпочитают мины подрывать целиком.

Толя поступал иначе – он вывинчивал из мин взрыватели и складывал кучкой. Обезвреженные мины, которые без взрывателя уже не представляют опасности, собирал отдельно. Затем он звал зрителей и торжественно расстреливал вынутые из мин взрыватели. Происходил до смешного маленький взрывчик – ничего похожего на взрыв самой мины.

Назавтра процесс повторялся с новой порцией мин. Смотреть приходил только я. Остальные сослуживцы представление игнорировали, вернее, боялись с полным на то основанием. Толина работа реального смысла не имела. Лес как был, так и оставался непроходимым. Даже дикие козы подрывались. Это была не просто игра со смертью – Толя не выхвалялся. Он хотел что-то в себе побороть или что-то себе доказать.

У меня возникла мысль, что не Толя расстался с ВДВ, а ВДВ расстались с Толей. Уж больно страшно было смотреть на его бесстрашие. А он свою храбрость, вероятно, проявлял и находясь на службе в воздушно-десантных войсках. Предположить такое помог мне случай, который произошел уже после Войны, когда я работал на химическом заводе.

В цехе был молодой рабочий по фамилии Мазакиров. Он, конечно, хотел всё сделать как лучше (простите за штамп). На этот раз он решил сократить длительность химической реакции и для этого ускорить подачу газообразного аммиака в реактор. Вместо теплой воды, которая медленно нагревала баллон с жидким аммиаком и постепенно превращала жидкость в газ, Мазакиров применил пар. Испарение действительно пошло быстрее, и энтузиаст, довольный собой, ушел.

Но он не учел того, что подающая газ труба была слишком узкой. Давление паров аммиака быстро возросло, и произошел взрыв. То, что осталось от баллона, много лет хранилось как экспонат в кабинете по технике безопасности завода, в виде довольно красивой стальной розы. В окнах всех зданий на расстоянии полкилометра от цеха вылетели стекла. Сам же рационализатор не пострадал. Возможность взрывов в цехе была предусмотрена. Мазакиров успел зайти за защитную стену. Энтузиаста пытались куда-нибудь перевести, но никто не брал – боялись. Может быть, и Толя вызвал испуг в ВДВ?

Шепетовка оставила в моем организме и другой неизгладимый след – в нем стало на один зуб меньше. История очень простая – зуб заболел. Зубного врача в части не было. К счастью, оказалось, что в доме, где мы разместились, живет полячка, которая умеет заговаривать зубы. В прямом

смысле. Лечение было простое. Повторяй за мной заговор:

- *Зембы мои зембы...* К сожалению, остальной текст я не запомнил, а то мог бы сам лечить больных. Я много раз повторил заговор, но легче мне не становилось. Скорее всего, это происходило потому, что я плохо понимал польскую речь и неточно произносил слова. Пришлось идти 7 км в Шепетовку в госпиталь.

ЛЕТУЧКА

Основу завода составляли мастерские: слесарные, токарные, сварочные, литейные, кузнечные, оружейные и другие. Все оборудование располагалось в кузовах автомашин ГАЗ-А, ГАЗ-2А и ЗИС-5, грузоподъемностью полторы, полторы и 3 тонны соответственно. Отсюда в названии завода слово «подвижный».

Машины были не новые, а реквизируемые из народного хозяйства. Часть из них имела не металлические, как обычно, а фанерные кабины для водителей. Некоторые из машин имели специальное устройство – газогенератор, – которое позволяло заменять бензин дровами. Дрова помещались в довольно большой бункер. Там их нагревали с помощью отработанного в двигателе газа. При этом древесина разлагалась, из нее в свою очередь образовывался горючий газ, который сгорал в цилиндрах двигателя, вместо бензина.

Через некоторое время остатки дров надо выгрузить и начать процесс сначала. Для того, чтобы разогреть газогенератор, требовалось некоторое время поработать на бензине. В общем, ездить можно, но гораздо медленнее, чем на обычном автомобильном топливе. А хлопот намного больше. Газогенераторы мы постепенно ликвидировали.

Сверху кузова машин были накрыты брезентовыми тентами. Между станками помещались откидные койки для персонала. Сооружение называлось «летучка»! Вероятно, потому, что она могла быстро подлететь к танку и отремонтировать его. Для отопления имелись дровяные печки-буржуйки. Но обогреть ими помещение с матерчатыми стенами было невозможно. И в холодное время мы стремились в летучках не ночевать, а как-нибудь попасть в крестьянские избы или в другие строения.

Имелись также штабные и командные летучки, санчасть, бензовозы, электростанции, автокраны и кухни. Мы с Толей и шофером Васей – не

путать с поваром Васей – занимали одну из штабных летучек. В ней хранилась всевозможная отчетность, карты и пишущие машинки. Всего летучек было около 150. Кроме них был еще автозвод – грузовые машины с прицепами.

Однако удобнее все же было не подъезжать к каждому танку в отдельности, а объединить их для ремонта в одном месте. И к этой группе направить несколько летучек – подвижную ремонтную бригаду (ПРБ). Таких бригад на заводе было четыре.

Если танки не могли самостоятельно передвигаться, то их собирали в одно место с помощью тракторов и трейлеров. Эту работу выполняло специальное подразделение – рота эвакуации. Иногда танк увязал в болоте так, что виднелась только башня или даже только пушка. Казалось, что никакая сила не сможет вытащить из болота этого 30-ти тонного бегемота.

Умельцев эвакуороты это препятствие никогда не останавливало. Они использовали стальной трос и очень простой, но чрезвычайно сильный механизм – полиспаэт, то есть систему подвижных и неподвижных блоков. Тянуть трос мог небольшой трактор, автомашина или люди. Двадцать-тридцать местных жителей под умелым руководством легко вытаскивали танк из любой трясины.

Был случай, когда танк удалось обнаружить только с воздуха. Он не был поврежден. Танкисты решили отдохнуть. Въехали на танке в большой сарай и стали ждать конца войны. В избу провели электричество от танкового аккумулятора. Но про маскировку забыли. Летчики этот яркий свет и заметили.

Ну вот, танки сгруппированы, летучки подъехали – можно начинать ремонт. Забыл сказать, что первым делом надо поставить маскировочные сети и вырыть защитные щели. Немецкие летчики, как, впрочем, и русские, не могли отличить исправный танк от поврежденного и, увидев группу бронетехники, начинали обстрел, бросали бомбы или наводили огонь артиллерии. Много солдат нашего завода погибли из-за плохой маскировки. Еще больше жертв было при ожидании платформ для погрузки отремонтированных танков.

Собственно ремонту предшествовал осмотр танка. Не заминирован ли танк? Если были останки танкистов, их хоронили, была специальная команда. Затем шла выгрузка боеприпасов. Как правило, танкисты

ликвидировали стеллажи вдоль стен и насыпали снаряды на днище танка навалом, так больше помещалось. Эта жадность была опасна. Лежащие на дне снаряды не давали возможности открыть нижний люк и покинуть горящий или подбитый танк.

Затем составляли дефектную ведомость (список повреждений) и решали вопрос – целесообразно ли этот танк ремонтировать? Заменить можно все детали, но если менять корпус, то это уже не ремонт, а сборка нового танка.

Пробоины в корпусе или в башне заваривали – ставили заплатки. Если бронебойный снаряд – «болванка» – прочно застревал в корпусе, его не вытаскивали, а оставляли в броне в виде пробки. Выступающие снаружи и изнутри части снаряда аккуратно срезали. Поврежденные детали брали с танков, которые уже невозможно отремонтировать, и только в крайнем случае со склада.

Запасных частей на складе, если считать в штуках, было не так много. Но это были танковые части – общий вес составлял десятки тонн. Автомшины нашего транспортного взвода не могли их перевезти в один прием, и при передислокациях приходилось совершать повторные рейсы. Я должен был в меру своих способностей поддерживать запас так, чтобы всего было в достатке, но без излишеств. Избыток запчастей лишал завод главного качества – подвижности. Такое ответственное дело мне доверяли, вероятно, потому что я довольно быстро запомнил названия частей и научился пользоваться каталогом.

По каталогу общая стоимость всех деталей одного танка Т-34 в то время составляла 300 тысяч рублей. Столько же в то время стоил троллейбус в собранном виде.

Объектами ремонта на 95% были средние танки Т-34 или орудия на шасси этого танка. Реже встречались тяжелые танки КВ (Клим Ворошилов) и ИС (Иосиф Сталин). Тяжелые танки были еще далеки от совершенства. При значительно большем весе они имели такой же двигатель, как и более легкий танк Т-34. Была лишь увеличена подача горючего. Мотор и трансмиссия работали с большой перегрузкой, быстро изнашивались и требовали слишком частого ремонта.

Несколько раз в ремонт попадали танки Валентайн из Канады или из Великобритании. Они не были приспособлены ни к российским снегам, ни к русским экипажам. Были слишком легко вооружены и перегружены

сложными приспособлениями. Вернуть в строй их удавалось редко.

ОКО ТАЙФУНА

Наш завод продвинули как можно дальше на запад. Штаб и склады разместили в деревне Черемошное, близ городка Обоянь, под Курском. Ремонтные бригады замаскировались в деревнях поблизости. Все чувствовали, что готовится наступление и нам предстоит много работы.

Хозяева поселили меня в очень приятной комнатке, украшенной полотенцами с вышитыми на них петухами. По украинскому обычаю пол в комнате был земляным, его каждую неделю смазывали жидкой глиной, чтобы было ровно и красиво. Из мебели в комнате были только две узенькие скамеечки без спинок, различные по длине и высоте, на которых мне надлежало спать.

Перед тем как отойти ко сну, я уравнивал высоту скамеек с помощью кирпичей, постелил для мягкости чехол от автомобильного капота, лег, но ни минуты не проспал. Меня атаковали блохи. Не следует путать со вшами – это разные паразиты. Вши могут только ползать, а блохи способны также и прыгать. Не могу сказать, кто из них кусается больше. Блохи легко запрыгивали с пола на скамейки. Началась борьба. Я постепенно поднимал уровень своего ложа с помощью кирпичей. Установил, что блохи могут прыгать в высоту почти на 50 см. Но как только я заснул, неустойчивая конструкция подо мной разъехалась. Я упал, отказался от дальнейшей борьбы и ушел спать в летучку – уж лучше комары, чем блохи!

Скучающие шоферы автозвода развлекались. В качестве игрушек они применяли ручные гранаты румынского производства. В отличие от грубых и неэстетичных чугунных отечественных гранат-лимонок, румынские собратья представляли собой изящные, красиво раскрашенные жестяные баночки с навинчивающейся крышечкой и маленьким ремешочком для выдергивания предохранительной чеки. Они напоминали теперешние банки для пива, только поменьше.

Умельцы сразу сообразили, что в таких баночках удобно хранить махорку – не отсыреет. Надо только осторожно вынуть взрыватель и высыпать порох и шрапнель. «Шутка» состояла в том, что в одну из машин вместо обезвреженной баночки с махоркой положили натуральную, не обезвреженную, гранату. И стали наблюдать, что будет.

Ничего не заметив, шофер сел в кабину машины, закрыл дверь и приготовился закурить. В тот момент, когда он выдернул чеку, послышался характерный щелчок. Шофер был опытный солдат, он инстинктивно выбросил гранату через окно. Спустя положенные секунды игрушка взорвалась. А если бы окно оказалось закрытым?

Махорка – это разновидность табака. Но кроме никотина это растение содержит много лимонной кислоты, которую даже можно из него производить. При курении лимонная кислота горит, и курильщик вдыхает едкий кислый дым. Это добавляет удовольствие к тому, которое дает сам горящий никотин.

Махорка не требует теплого климата, ее выращивают в средней полосе России, особенно в районе города Усмань. Она входила в солдатский рацион. Офицерам полагались папиросы из более легкого табака. Сигареты еще не были придуманы. Курили почти все. Понятия канцероген и аллерген тогда еще не портили удовольствия.

Кроме табака для самокруток нужна бумага. Лучше всего подходит газета – дым становится еще более едким. При этом возникала опасность закрутить в папиросу изображение Сталина. Были случаи, когда о таком применении Вождя народов доносили в особый отдел, и виновному пришивали дело. Газет не хватало, оборванные со всех сторон портреты вождя потихоньку выбрасывали.

Еще нужен огонь. Спички были редкостью, но большинство солдат умели пользоваться огнем – ударяли стальным кресалом по кремню и ловили искры на трут – кусок ваты, пакли или распушенную пеньковую веревку. Волокна начинали тлеть, и от них прикуривали.

Уважающий себя курильщик пользовался также мундштуком. Наши токари изготавливали очень красивые мундштуки, используя алюминий, эбонит и пластмассовые ручки от зубных щеток. Они же изготавливали бензиновые зажигалки из двух винтовочных гильз.

Неожиданно для нас, как нам тогда показалось, на завод прибыл сам генерал Штевнев – командующий БТВ 1-го Украинского фронта. Состоянием ремонтной службы он остался доволен. Перед отъездом генерал заинтересовался непонятным сооружением – круглым ржавым стальным цилиндром диаметром 3 метра и высотой 2 метра. Он подобного устройства, вероятно, еще не видел и не мог представить себе, как его можно использовать при ремонте танков. Генерал ходил вокруг

сооружения и пытался заглянуть внутрь, но, будучи невысокого роста, не мог этого сделать. Наконец он спросил:

– Что это такое?

Довольно долго никто не решался ответить. Но пришлось:

– Это вошебойка, товарищ генерал!

Все вокруг было необычно спокойно. Мой двоюродный брат Марат, который был моложе меня и в армии не служил, незадолго до этого прислал мне, вероятно, как учебное пособие, роман Л. Н. Толстого «Война и мир» в четырех томах. Я бодро начал читать.

Но наслаждался я недолго. К вечеру стали слышны оружейные выстрелы, сначала далекие, на западе, затем поближе, и со всех сторон. Было похоже, что нас окружают. Потом оказалось, что происходило двойное окружение. Немцы пытались охватить группу советских войск, которая укрепилась в районе Курска, а другая группа наших армий замыкала более широкое кольцо вокруг этих, пытавшихся нас обойти, войск противника.

Мы, оказались в центре этих операций, но вообразить, что наша деревня напоминает спокойный центр тайфуна, мы не могли. Что же делать? Бегу к Федору Ивановичу – его нет в штабе. Остальных офицеров тоже нет. Все направились выяснять обстановку.

Выстрелы становятся чаще. Очень не хочется попасть в плен. Нам казалось, что уехать еще можно. Но куда ехать? Тут мы почувствовали, какую страшную тяжесть представляет наш склад. Что же с ним делать? Мы не можем увезти все запчасти одним рейсом. И не можем оставить часть склада противнику. Потеря запчастей все равно, что потеря оружия. Да и настоящее оружие на складе хранилось. И танковые пушки, и пулеметы, и страшно дорогие прицелы. За их потерю полагалось...

Мне было не до сна и не до чтения. Через час или полтора стали возвращаться наши офицеры. Испуг они скрывали, но раздражены были сильно. Кругом было оцепление из войск НКВД, никого не пропускали и, конечно, ничего не объясняли. Это было правильно. Если бы мы, с испугу, начали передислокацию, противник мог бы догадаться о планах нашего командования, и вся хитроумная операция не удалась бы. Когда мы поняли, что уехать невозможно, то перестали суетиться. Орудийная стрельба усиливалась, но не приближалась. Со всех сторон на небольшом

расстоянии шло танковое сражение.

Никаких распоряжений и приказов не поступало, хотя телефонная линия связи со штабом БТВ действовала. Радиосвязь тоже была в порядке. И шифровальщик, и солдато-мотор (солдат, который крутит с помощью велосипедных педалей динамо-машину радиостанции) были на месте. Я со связистами дружил. Они удовлетворили мое любопытство и объяснили мне систему шифрования. Каждую букву сообщения передавали с помощью пяти цифр. Если буква встречалась повторно, комбинация цифр каждый раз применялась новая. Расшифровать сообщение было практически невозможно. Но передача и расшифровка занимали много времени.

О нашей части, скорее всего, просто забыли и никакого приказа не отдали. А, может быть, в штабе считали, что нас не надо никуда передвигать – мы скоро понадобится именно в этом месте. В таком напряжении прошло несколько дней. Стрельба затихла, отступить не пришлось. Когда оцепление сняли, мы обнаружили результат грандиозного сражения – тысячи трупов и сотни сгоревших и разбитых танков.

Казалось, что мы должны задержаться в районе города Обоянь надолго, пока не отремонтируем покалеченные танки. Но этого не случилось. Первый Украинский фронт, а за ним и наш завод, двинулись на запад так стремительно, что Курск и ждущие ремонта танки быстро оказались в далеком тылу. Нам предстояло чинить танки после боев за Киев.

О том, что операция называется «Битва на Курской Дуге» и о ее военном и историческом значении, я узнал только после окончания Войны. Дочитать роман Толстого мне так и не удалось.

ВЕЛИКИЙ КАРАТУЛЬ

Это древнее украинское село расположено на левом берегу Днепра примерно в 100 км ниже Киева. После войны я узнал, что в этом районе наши войска форсировали Днепр и сумели укрепиться на его правом берегу. Был создан Букринский плацдарм. Мы стояли наготове, чтобы в нужный момент переправиться и обеспечить ремонт. Никуда не могли отлучаться, чтобы не отстать во время переезда, который мог начаться в любую минуту.

Было очень холодно, и мы из летучки перебрались в избу. Хозяйка приняла нас очень приветливо. Угостила нас пшенной кашей с тыквой. Я наблюдал процесс приготовления. Истопив печь, хозяйка загрузила в нее около 10 больших тыкв. Утром она рассортировала их по вкусу. Сладкие тыквы очистила и положила в заранее сваренную пшенную кашу, а невкусные тыквы отдала корове – ей все равно. Заранее по внешнему виду отличить вкусные тыквы от травянистых экземпляров невозможно – надо испечь и попробовать. Все хозяйское семейство, несколько беженцев и мы, служивые, ели ложками из большой общей миски. Было очень вкусно. Еще я там попробовал компот из сухофруктов, сваренный не на сахаре, которого не было, а на отваре из сахарной свеклы. Совсем неплохо.

В избе было тепло, но стаями ползали вши. Я не мог спать. Решил бороться. На складе взял танковый брезент размером 7×11 м. Этими брезентами накрывают танк в холодное время, чтобы он не остыл и легче заводился.

Вообще завести танк Т-34 на морозе очень непросто. Как и автомобиль, машина имеет стартер и 4 больших аккумулятора, весом по 64 кг каждый. Но на морозе аккумуляторы снижают свою мощность, и стартер не может справиться с загустевшими в двигателе маслом и соляжкой. Чтобы мотор заводился легко, его надо периодически запускать для разогревания и накрывать вышеупомянутым брезентом. Еще лучше не выключать двигатель, но это очень неэкономно – танковый мотор может проработать только 300 часов – после этого его надо заменять новым.

Немецкие танки имеют бензиновые двигатели, которые заводятся легче, чем наши, дизельные. Кроме того они имеют особое устройство для пуска двигателя. Делается это с помощью специальной, очень мощной пружины. При подключении сжатой пружины к мотору она мгновенно раскручивается и за счет запасенной в ней энергии заводит мотор. Эта пружина, в свою очередь, заводится от двигателя, и ее всегда необходимо держать в подготовленном состоянии. Если потребуется, пружину можно завести, как будильник. Надо 30 минут вращать специальную рукоятку. Это все относится к германским танкам.

Я решил, что если завернусь в танковый брезент, то насекомые за ночь не успеют проползти 11 метров или заблудятся, не достигнув моего тела. Проверить изобретение полностью не удалось. Через час после начала

эксперимента объявили срочный сбор. Я едва успел размотать брезент, выбраться из него и отнести защитное приспособление на склад. Какое расстояние преодолели насекомые, рассмотреть не успел.

Чувствую, что утомляю читателей сведениями о кровососущих насекомых. Постараюсь больше этого не делать. Если же кому-нибудь интересно изучить этот вопрос глубже, рекомендую рассказ Юрия Нагибина «Война с черного хода».

Теперь известно, что во время войны, когда наши солдаты и жители не знали, куда деваться от насекомых, армии союзников уже имели эффективный инсектицид – ДДТ. Какое-то время считали, что ДДТ вообще не токсичен для людей, добавляли в мыло для мытья головы и широко применяли в фермерском хозяйстве.

Затем произошел скандал: у здоровых пингвинов, обитающих в Антарктиде, обнаружили следы ДДТ. Провели повторные исследования. Установили, что часть препарата, попав в организм млекопитающих или птиц, остается в нем надолго. Ощутимого вреда он не причиняет, но высокоточный анализ показывает наличие ДДТ в жировой ткани.

Волна протестов привела к прекращению производства ДДТ. Препарат публично казнили. Пар был выпущен, и на борьбу с другими, зачастую более токсичными, инсектицидами энергии не хватило.

Теперь вредных, а заодно и полезных насекомых уничтожают новыми специальными ядами, которые для людей почти что не токсичны. Их приходится применять даже при производстве *органических* овощей и фруктов, в противном случае черви съедят большую часть урожая. Можно, конечно, совсем не применять ядохимикаты, а преобразовать геном растения таким образом, чтобы оно стало несъедобным для паразита, но оставалось съедобным для покупателя. Жизнь покажет, что лучше.

Оказалось, что кроме меня, Толи и Васи – шофера нашей летучки – в избе был еще один постоялец – майор Гродзицкий. Он спал на печке – в самом теплом месте – и по тревоге спрыгнул с нее прямо в квашню – бочку, где бродило тесто. Ему пришлось в спешке натягивать сапоги прямо на тесто. Но о майоре я расскажу позже. Мы же быстро собрались и выехали, но не на Букринский плацдарм, а в сторону Киева.

Один из читателей поинтересовался – что такое русская печь? Тут он попал, как говорится, в яблочко. Я давно интересуюсь этим изобретением, которое позволяет жителям пережить суровую русскую зиму. Печка

представляет собой большой кирпичный, почти правильный, куб, размером 2×2×1,6 м и весом около 5 т. В топке или жерле печи сжигают дрова, в безлесных районах – солому. Кирпичи нагреваются быстро, но остывают медленно, согревая воздух в избе целые сутки.

В печи можно готовить пищу и сохранять ее теплой до следующего утра, печь хлеб и пироги, сушить грибы и ягоды, греть воду и даже залезать внутрь, чтобы помыться и попариться. Правда, этого удовольствия я сам не испытывал и не наблюдал. На печи могут спать в тепле и уюте 4 человека.

Снаружи печь выглядит обманчиво просто. Внутреннее же ее устройство – верх искусства. Вся кирпичная кладка пронизана специальными ходами (каналами), по которым горячие топочные газы предписанным путем движутся вверх, вниз и по кругу, равномерно нагревая всю наружную поверхность сооружения. Горячий газ в трубу не улетает, расход топлива очень маленький. У правильно сложенной печи нагревается не только верхняя, но и нижняя часть. Поэтому жители не мерзнут, даже находясь на полу.

Все это я говорю не понаслышке, а основываясь на опыте. Когда мне было 13 лет, папа купил мне книжечку – «Руководство по кладке русской печи». Мне захотелось построить модель. Я сделал формочку, изготовил 2000 маленьких (3х6 см) кирпичиков из глины, высушил их на солнце и по рядовкам сложил все 20 слоев в установленном порядке. Даже вырезал из жести нужные части. Еще немного, и из меня получился бы настоящий печник – очень уважаемый в России специалист.

Как я потом узнал, немцам удалось вытеснить наши войска с правого берега Днепра. Букринский плацдарм был уничтожен. Планы пришлось изменить и вновь форсировать Днепр уже севернее Киева – в районе города Фастов. Но нас туда не направили.

Теперь о майоре Гродзицком. Он был классным специалистом, закончил Бронетанковую академию и руководил на заводе ремонтом танков как инженер-технолог. Но кроме того был молод и жизнелюбив. Требования были простые и четкие – самая богатая изба и самая приятная хозяйка в любом месте, где мы останавливались. Система была отработана и действовала успешно. Когда мы прибывали в деревню или село, майор быстро пробежал или проехал по всем домам и предупреждал каждую хозяйку о том, что он будет квартировать у нее.

Затем сопоставлял данные и шел в лучшее место.

Всех конкурентов выгонял, так как «застолбил» участок первым. Все шло прекрасно. Но однажды, придя в вожделенный уголок, он обнаружил там шестерых солдат из другой части во главе с лейтенантом. Им тоже захотелось отдохнуть в уютном месте. Наш майор стал, как теперь говорят, возникать. Солдаты его бережно связали и положили в погреб. Утром майора отпустили. Разъяренный, он ворвался в штаб и закричал:

– Свобода! Немедленно взвод автоматчиков и за мной! Эту команду выполнить было невозможно, по причине отсутствия такого взвода. Майор это прекрасно знал, но страстно жаждал мщения. Толя как-то его успокоил.

Мы с Толей тоже хотели тепла и уюта. Однажды мы вызвали всеобщую зависть и удивление. Хозяйка, в доме которой мы жили, ежедневно стала готовить нам на обед по жареной утке. Срок давности преступления уже истек, и я открою секрет. Утками нас угощали в благодарность за ценный подарок – мешочек с дефицитной солью.

По пути в Киев нас остановила женщина с весьма большим животом и попросила ее подвезти. Шоферы начали испуганно совещаться, но она бодро сказала:

– Чего боитесь? Нитки и ножницы у меня с собой!

Это их успокоило. Применять инструменты не пришлось. Вот только не знаю, сама ли она придумала успокоительную фразу или это фольклор.

Подъезжая к Киеву, мы попали в многочасовую пробку. Наша очередь на переправу все время отодвигалась. Зато мы наблюдали незабываемую картину – переправу танков через Днепр по понтонному мосту. Понтоны – это громадные металлические плоские поплавки, соединенные в единую цепь. Под тяжестью танка (30т) понтоны погружались в воду вместе с деревянным настилом, но не тонули. Гусеницы танка также погружались в воду. Казалось, что танк плывет. Когда танк съезжал с очередного понтона, мост снова всплывал и выравнивался. Чтобы танки не порвали мост и не утонули, надо было двигаться осторожно и держать между машинами интервал – метров пятьдесят. Я так устал от долгого ожидания, что заснул и не заметил, как мы сами переправились через реку.

ХАЛАИМ–ГОРОДОК

Село с таким названием, значение которого мне установить не удалось, находится на Украине. На постой мы вместе с Толей попали в дом, принадлежавший Вале – девушке лет 25-ти. Наше вселение происходило вечером. Валя сразу же попросила у меня пустую бочку из-под бензина. Отказать ей я не мог, и под покровом темноты бочку прикатил. Затем вырубил большую круглую дыру в днище. Бочку установили вертикально на кирпичи в прихожей, заполнили нарезанной сахарной свеклой, налили воды, накрыли вырубленное отверстие деревянной крышкой, обмазали щели глиной, присоединили холодильник и оставили на сутки для брожения.

Когда делают самогон из сахара, обязательно добавляют дрожжи. Это необходимо для того, чтобы процесс брожения шел правильно и приводил бы к образованию спирта, а не уксусной кислоты. Если делать вино из винограда, добавление дрожжей излишне, поскольку виноград содержит так называемые дикие дрожжи. К сожалению, находясь в Халаим-городке, я этих тонкостей еще не знал, и не заметил важную деталь – добавляла Валя дрожжи или нет? Скорее всего, дрожжи она не использовала – где она могла их взять во время полной разрухи?

На следующий вечер спиртовое брожение закончилось, под бочкой разожгли костерчик, и началась перегонка. Мы с Толей всю ночь поддерживали огонь, меняли приемники и собирали мутную жидкость, которая имела резкий неприятный запах. Ближе к утру процесс заканчивается. При поднесении спички отгон уже не горит. Получается самогон – такая точно гадость, как показано в чудесной сценке А. И. Райкина «Лекция о борьбе с алкоголизмом».

Один из читателей первого издания воспоминаний попросил меня описать вкус самогона, получаемого из сахарной свеклы. Вкус и запах самогона я вспомнил, когда попробовал виски. Если к водке добавить 5–10% свекольного самогона, то Вы получите смесь, близкую по вкусу и запаху к шотландскому или даже к ирландскому виски. Да простят мое сравнение любители этих аристократических напитков!

Из песни слова не выкинешь. В качестве тары жители села использовали только большие белые эмалированные ночные горшки. Они были приобретены населением в явно избыточном количестве в сельпо,

когда оно еще работало, или разграблены, когда менялась власть.

В избах вдоль стен расположены лавки. А над ними, на высоте человеческого роста, прикреплены полки. Так вот, все полки во всех домах были уставлены этими горшками с самогоном. Другой посуды не было.

Утром свеклу из бочки вычерпывают, к оставшейся жидкости добавляют порцию свежей свеклы. Весь день идет брожение, вечером уже можно перегонять. Рецепт простой, не правда ли? В качестве сырья можно использовать также любые другие сладкие фрукты и овощи, также чистый сахар и даже мед. Только надо добавлять дрожжи!

Переработанную свеклу Валя не выбрасывала, а скармливала корове. Корова ела остаток с видимым удовольствием. Через несколько дней она отказалась от другой пищи – свекла ей очень нравилась. Возможно, что, у коровы появилось алкогольная зависимость. Оставшаяся после отгонки продукта свекла еще содержит спирт.

О качестве молока я не помню. Может быть, я его и не пил вовсе. А если бы и попробовал, то скорее всего не почувствовал бы привкуса самогона. Все вокруг было пропитано специфическим, как его называл Райкин, запахом. Поскольку процесс шел непрерывно во всех избах, люди, как военные, так и гражданские, как мужчины, так и женщины, не «просыхали». Каждому входящему в любой дом с радушием подносили аппетитный сосуд. До сих пор не могу понять, как можно было выпить столько самогона. В каждой избе за сутки производилось 3–4 ведра.

Но откуда столько свеклы? Оккупанты колхоз не ликвидировали, и он продолжал действовать. Основная земледельческая культура – сахарная свекла. Был большой урожай, свеклу выдавали по трудодням. У нашей хозяйки на участке было насыпано 30–40 тонн. Валя работала в колхозе агрономом. А сахарный завод разбомбили. Не знаю, кто. Девать урожай некуда, продать некому. Единственный способ спасти добро – превратить его в самогон и выпить.

Однажды я заболел, вероятно, простудился, поддерживая процесс самогонварения. Валя сварила для меня стебли малины, которые, оказывается, как и ягоды, содержат салициловую кислоту. Я пил полученный отвар и быстро выздоровел.

ТАРНОБЖЕГ

Завод должен был разместиться в небольшой деревне близ этого польского города. Только три летучки, включая нашу, успели приехать до начала сильного дождя. Остальные машины почти двое суток преодолевали возникшее на пути болото из раскисшей глины. Хорошо, что были свои тракторы.

На новом месте нас было 11 человек. Рано утром Толя вышел из дома и увидел, что по склону нависшей над нами деревней горы, ползут многочисленные люди в темной одежде. Еще не совсем рассвело, и было трудно определить, чью форму они носили. Толя разбудил меня и потащил к танку Т-34, который подлежал ремонту. Мы залезли в танк, закрыли люк и стали вести наблюдение через перископ. Толя сразу же определил, что пулемет танка в порядке. С пушкой у него были сомнения – он боялся повернуть башню, чтобы не привлечь внимания. Прошло несколько долгих минут. Неизвестные проползли мимо деревни, не обратив на нас внимания. Вероятно, это были учения Советской войсковой части...

В деревне поспела черешня. Деревья были громадные. Мы на них залезали и долго не могли оторваться от ягод. Нам не хватало витаминов – они не предусмотрены в армейском рационе.

Около деревни были брошены два немецких легковых автомобиля марки Фольксваген с откидывающимися тентами. Один был после аварии, второй – слегка обгорел. Сразу же захотелось восстановить разбитую машину, используя части обгоревшей. Толя рассчитывал на мои технические знания, а я на его пробивной характер. Нам никто не мешал. Мастера даже помогли сварить бампер, выправить помятые двери и зарядить аккумулятор. Мы стали объезжать своего коня, но не все ладилось. В это время поступила команда – с якоря сниматься. Начался переезд на новое место. Мы, естественно, поехали на своей машине, но немного отстали. Я заторопился, решил сократить путь и провалился вместе с неисправным мостиком в ручей. Времени на вытаскивание не было и пришлось наш, почти готовый, Фольксваген, бросить и пересесть к Васе в летучку. Очень обидно уезжать от своей мечты!

ГЕРМАНИЯ

Первым городком, который мы увидели в Германии, был Эльс. Он расположен недалеко от Вроцлава (Бреслау), который наши войска в это время освобождали от немцев. Языковых проблем у нас не возникало из-за отсутствия немецкого населения. Теперь это польский город, но в то время польского населения в нем еще не было. При въезде стояла маленькая табличка с русским словом «Германия». Вся земля была покрыта перьями из распоротых подушек, как снегом. Сначала я и думал, что это снег.

Недалеко от Эльса в песчаном карьере обнаружили склад баллонов со сжатыми газами. Нам был нужен для сварки кислород. Кто-то вспомнил, что я учился в химическом институте, и меня направили отобрать баллоны. Но кислорода и других известных мне газов на складе не оказалось. Маркировка баллонов включала череп и кости. Мы благоразумно решили ничего не трогать.

Но история песчаного карьера на этом не закончилась. Туда мы ехали на мотоцикле. Мотоциклы я тоже любил. Но, как и автомобили, умозрительно. Мне предложили проехаться. Я, конечно, согласился. Сел на заведенный мотоцикл, вернее на мопед, и легко поехал – все как у велосипеда – только не надо крутить педали. Сначала мопед медленно поднимался в гору. Выехав на ровное место, я почувствовал, что мой конь бежит все быстрее. Впереди было шоссе, по которому в это время двигалась танковая колонна. Но как остановиться? Времени на размышления у меня не было. Не сбавляя скорости – этого я еще не умел, я свернул с дороги на пашню. Мопед резко остановился – увяз в грязи. Я упал, сильно ушибся. Мопед продолжал работать, пока не подоспели товарищи.

Полученные царапины и синяки пришлось скрывать. Был отдан приказ о привлечении к ответственности за самовольное пользование автомашинами и мотоциклами. Это было не от хорошей жизни – на дорогах действительно стало опасно из-за обилия транспорта с неумелыми водителями. Но для себя я сделал и второй вывод – если что-то включаешь, то поинтересуйся сначала, как это выключить!

Город Эльс оставил еще одно воспоминание. Работник склада Гриша Тоцкий – очень хозяйственный человек – собрал в брошенных домах

коллекцию настенных и напольных часов. Экспонатов было около 50-ти. По вечерам он наслаждался боем курантов. Пускал гостей. Из-за неточности хода музыка продолжалась по 20–30 минут. Как он мог заснуть, ведь часы отбивали еще полчаса и четверти?

Затем мы остановились в городе Кельце. Теперь это польский город, но наша армия освобождала его от немцев. Часть наша расположилась на консервном заводе. Нас, конечно, заинтересовал склад готовой продукции. Но первая же банка консервов нас разочаровала – это была маринованная свекла. Больше в Германии консервировать было нечего.

Зато я нашел шикарный автомобиль «Ауди». Он был ловко замаскирован со всех сторон бочками, но с высоты 4-го этажа я его углядел. Мы с Толей часа два на нем покатались. Кто-то из командиров быстро отобрал у нас находку, но ездить на машине не стал. Снял кожаные сидения и сшил из них себе сапоги.

Мне тоже были нужны сапоги – я до сих пор ходил в ботинках и обмотках (см. выше), это меня расстраивало, хотя в строй я не опаздывал, не строились мы ежеминутно. Но вскоре друзья мне помогли. Они нашли сбитый немецкий самолет, сняли с бензобака протектор из белой кожи, покрасили кожу и сшили из нее несколько пар сапог. В том числе и для меня.

КОТБУС

Следующим и последним пунктом нашего пребывания в Германии был Котбус. Это большой город в 100 км южнее Берлина. Расположились мы на территории немецкой танковой школы. Здание представляло собой замкнутый квадрат из строений в три или четыре этажа. Сторона квадрата составляла 250–300 м. Внутри был танковый полигон с препятствиями. В зданиях разместились наши мастерские, склады, казармы. У меня впервые была отдельная комната и мягкая кушетка.

При бомбежках черепичная крыша школы была полностью разрушена – остались только стропила. Дожди сделали свое дело – паркет вздулся и развалился. Комнаты освещались лампами с абажурами в виде больших стеклянных шаров. Некоторые шары были заполнены водой. Дождевая вода попала в абажуры через отверстия для проводов. Несмотря на воду, некоторые лампы продолжали выполнять свое назначение – освещали комнаты. Никто не решался до них дотронуться, в каждой было по 30–40 кг

воды.

В Котбусе я впервые встретился с живыми немцами. Местные слесари охотно работали у нас на заводе – ремонтировали автомашины. К танкам их не допускали – секретно. Я сразу же убедился в том, что немецкого не понимаю вовсе. Это несмотря на 6 лет изучения немецкого в школе и один год в институте. Или я тупой, или нас специально так учили?

Аналогичная история повторилась немного позже при изучении английского. В аспирантуре мы потратили на него два года – и ни слова сказать не могли. Как оказалось, преподавательница сама тоже не умела говорить.

С польским языком у меня получилось иначе. В одной из польских деревень я познакомился с профессиональной учительницей польского языка. В результате за две недели я научился читать, говорить и понимать этот язык. Поляки смеялись над произношением, но меня понимали. Для тренировки я прочел «Огнем и мечом» Сенкевича. Конечно, польский язык значительно ближе к русскому.

Немецкие слесари были нетребовательны. За работу они получали буханку (около 1 кг) хлеба в день. Они были старательны и трудолюбивы. Но у них был пунктик, который в наших условиях мешал работе. Немецкие слесари не могли нарушать инструкций в принципе. Например, надо отремонтировать коробку передач во французском грузовике Рено.

– Мы этого сделать не можем, – говорят немецкие мастера. – Здесь написано – не разбирать! Отправить на завод изготовитель!

Мы долго не могли понять их возражений.

Слесарям из России эта надпись, если бы они смогли ее прочесть, показалась бы смешной. Имея первоклассное оборудование, наши умельцы могли изготовить практически любую деталь. Когда удавалось, я с восхищением наблюдал за их работой. Однажды мне показали, какой прекрасный нож можно изготовить из старого клапана от танкового мотора. Надо его только отковать, отфрезеровать, закалить и отполировать. Этим ножом можно перерубить нож, сделанный из обычной стали.

Федор Иванович подарил мне польский мотоцикл с коляской марки «Радом» и разрешил на нем ездить. Это была копия очень старой модели «Harley Davidson». Для тренировки мне поручили снабжение штаба пивом.

В Котбусе был пивоваренный завод, вероятно, даже не один. Непонятно, продолжал ли он работать или имел большой запас пива. Я подъезжал с бочкой в коляске мотоцикла к кирпичной стене, стучал гаечным ключом по торчащей из стены трубе – начинало литься пиво. Когда бочка наполнялась, я снова стучал – поток прекращался. Стена была высокая и глухая. Окошка для взимания платы в стене не было. Кто за стеной открывал и закрывал кран, и зачем он это делал, не видя меня, я не удосужился узнать.

Ни до, ни после пребывания в Котбусе я не пробовал такого вкусного пива. Если быть точным, то до войны я вообще не понимал, как можно взять в рот эту горькую жидкость. Немецкое пиво не было крепким, не было горьким – оно мне нравилось. В свободные дни я наливал пиво в 5-ти литровый кувшин, брал книгу и поднимался на чердак. Черепица на крыше отсутствовала, и ничто не мешало загорать на приятном весеннем солнышке.

Читал я фантастический и довольно скучный роман – «Амазонки пустыни». Роман оказался произведением неизвестного мне писателя Краснова и был издан на русском в Берлине. Интернет мне сообщил, что Краснов был не только плодовитым писателем, но и казачьим генералом. Свою военную карьеру он начал в царской армии, после Февральской Революции защищал Керенского, а в Отечественную войну оказался на стороне Германии. В 1947 году англичане выдали генерала российскому командованию, и он был казнен. После обеда я снова поднимался на чердак, но второй кувшин пива осилить, как правило, уже не мог.

Две девушки из нашего хоззвода попросили покатать их на мотоцикле. Я с радостью согласился. Мы проехали по шоссе 5 км, и вдруг мотоцикл остановился. Я его завел снова. Мотор сделал три оборота и заглох. Я судорожно продолжал заводить, но все напрасно. Пришлось нам втроем катить тяжеленный мотоцикл домой. Дружба наша такого испытания не выдержала. У самого дома, когда расстроенные девушки ушли, я решил открыть карбюратор. Оказалось, он был забит каким-то волокном.

Как-то раз старшина Горбачев приказал шоферу нашей летучки Васе поехать в Дрезден и найти (?) ему аккордеон. Даже дал немецких марок для оплаты находки. Я тоже присоединился – мне хотелось посмотреть город. Поехали мы вдвоем не на летучке, а на джипе. Дрезден был уничтожен бомбардировкой. Но полностью был разрушен только

окруженный излучиной реки центр города. Остались горы кирпичей. Аккуратные немцы расчистили улицы. Кирпичи сложили стенками и повесили таблички с названиями бывших улиц. Краины же, расположенные амфитеатром на холмах за рекой, сохранились.

Мы долго кружили по незнакомому городу, но ни аккордеона, ни других инструментов, ни музыкального магазина не обнаружили. Зато мы увидели ворота, а за ними туннель, уходящий вглубь горы. Вася включил фары, и мы въехали. Кругом бочки и ящики с вином. В джип поместилось всего 4 ящика. Вася благополучно нашел выход.

Оказалось, что бутылки – мои ровесники. В них было шампанское – Клико – разлива 1924 года. Разделили мы ящики поровну: один мне, один Васе, один старшине Горбачеву и один Федору Ивановичу.

Шампанское мне понравилось. Вкус как у фруктовой воды – без горечи и привкуса дрожжей, а действие – как в литературе: голова ясная, а ноги не ходят. Толя в восторг не пришел – он любил более крепкие напитки. Остальным я не предлагал – жалко.

Назавтра после дегустации срочно организовали повторную экспедицию. На этот раз поехали на Шевроле, который мог увезти 2,5 т. Вообще к концу Войны почти все наши отечественные грузовики были заменены американскими Шевроле, полученными по ленд-лизу, а также трофейными: немецкими, французскими и итальянскими автомашинами. Особенно нам нравились дизельные машины – для них в танковой части было достаточно топлива, бензина же у нас всегда было маловато.

Помню, шофер острил:

– Я до сих пор езджу на американском воздухе – не разу не накачивал шины.

Но вторая поездка оказалась неудачной. Вход в туннель найти не удалось, хотя мы старались целый день. Мы не догадались при первом посещении посмотреть название улицы. Город-то большой!

Из письма я узнал, что мой папа также находится в Германии, в городе Битерфельд. Это недалеко от Котбуса. Папа входил в состав группы специалистов, занимавшихся отбором и демонтажем химического оборудования с целью его использования в России.

Происходящее при этом разрушение немецкой промышленности никого не волновало. Для России это мероприятие было экономически

невыгодно. Полезнее было бы обязать побежденного противника поставлять химическую продукцию в Россию в качестве репараций и шире использовать немецкий опыт при восстановлении старых и строительстве новых, более современных, заводов.

Привезенное из Германии оборудование использовали неэффективно. В 1958 году, работая на Рубежанском химическом комбинате, я видел горы демонтированного в Германии оборудования, сваленные вдоль путей железной дороги еще в 1945 году.

Впрочем, союзники догадались конфисковать ценную секретную рецептуру немецких фирм. Материалы были опубликованы в виде многотомных сборников под названиями BIOS и FIAT. Химики до сих пор пользуются этой весьма интересной, не доступной иными способами, информацией.

Мой папа носил погоны подполковника. До войны он работал на заводе, который производил бездымный порох для артиллерийских снарядов – пироксилин. Эту специальность он получил в институте им. Баумана. Еще в детстве он показывал мне опытные образцы этого пороха, полученные им во время дипломной работы. По внешнему виду порох напоминал желтую вату.

Я обратился к высшему начальству с просьбой о разрешении поездки. Полковник Ганкевич легко меня отпустил и даже дал для поездки свою машину, с шофером, естественно. Мы с папой радостно отметили встречу, о которой даже не могли мечтать.

Однако после возвращения из Германии папу ждали серьезные неприятности. Его подвергли «Суду чести». Обвинили в том, что, вернувшись из Германии, он оставил себе для пользования шесть немецких химических справочников. Сделали обыск на квартире, изъяли книги и игрушечную типографию, которую он мне подарил еще до войны. Можно сказать, что он легко отделался. Его только уволили из научного института. Если бы была серьезная провинность, то суд и наказание были бы другими. Папа долго был без работы и закончил трудовую деятельность на рубероидном заводе.

Однажды нам показали кинокартину «Серенада солнечной долины». Полотняный экран был натянут между двух деревьев. Зрителей собралось много. Мне пришлось смотреть фильм на просвет, с обратной стороны экрана, то есть как в зеркале. Но все равно понравилось и запомнилось.

Это была вторая кинокартина, которую я видел во время войны.

Первая же хранилась у нас в части – «Прилет дирижабля граф Цеппелин в Москву». Событие происходило почти одновременно с подписанием пакта Молотова-Риббентропа о разделе Польши. Эту хронику мы смотрели много раз. Больше всего нравилось пускать пленку в обратную сторону. Выброшенные коробки со спичками – чудесным способом возвращались в карманы экскурсантов.

Было еще одно культурное мероприятие – приезд кукольного театра. Театр был русский, но работал в Чехословакии. Он сохранил дореволюционный репертуар. Главными героями были клоуны – Руж и Беж.

Я попросил у Федора Ивановича разрешить мне отвезти два танковых мотора из Котбуса на нашу ремонтную бригаду в Берлине. Необходимости в моем участии в этой поездке не было – водитель мог отвезти моторы и без меня. Но мне хотелось посмотреть Берлин. Командир разрешил. Доехали мы примерно за два часа. Меня поразило кольцо из яблоневых садов, которое опоясывало Берлин. Кольцо было довольно широким, чтобы его пересечь потребовалось несколько минут. Было 7-ое мая, сады обильно цвели. Среди деревьев еще лежали незахороненные останки солдат, погибших при штурме Берлина.

Берлин пострадал значительно меньше, чем центр Дрездена. Сохранилось много неповрежденных домов. Некоторые рестораны продолжали свою деятельность в подвалах под разрушенными домами – были видны вывески. Около цистерн с водой стояли длинные очереди немцев с кувшинами и чайниками – ведер жители почему-то не использовали, а может быть, и не имели. Мы видели много полевых кухонь – шла раздача еды населению.

Чувствовалось, что Победа приближается, но я и мои сослуживцы не представляли, что капитуляция произойдет буквально через день.

Мне захотелось посмотреть на Рейхстаг. Это удалось сделать, но с большого расстояния. Подъехать ближе, чем на 300 метров, нам не разрешили – район был оцеплен. Шла, как теперь говорят, зачистка.

Затем мы выполнили задание – отвезли моторы в нашу ремонтную бригаду. Она располагалась в двухэтажном таксомоторном парке. Надо было пообедать. Я с радостью предвкушал встречу с поваром Васей. Однако он каким-то образом почувствовал победу заранее и уже начал ее

активно отмечать. Он лежал на диване и не мог ничего мне сказать. На мой вопрос – чего бы поесть – он только махнул рукой в направлении двери.

Я прошел в соседнюю комнату и увидел лежащую на столе коровью тушу. «Если хочешь поесть – отрезай и вари», – объяснили мне.

Фото 7. Германия, Котбус. Июнь 1945. (слева направо)

- 1 ряд. Брискин (парикмахер), Зиновьев Василий Ефимович (шофер)
Тоцкий Григорий Захарович (кладовщик)*
- 2 ряд. Горбачев Федор Васильевич (старшина автовзвода), Парненко
Федор Иванович (зам. директора), Мирошкин Николай Яковлевич,
Дашканов Гумар Джумаевич (замполит)*
- 3 ряд. Виноград Леонид Ханинович (автор), Бродский Шлема Авадьевич,
Бессмертный Яков Игнатъевич (кладовщик), Милютин Василий
Николаевич (вольнонаемный), Хорошавина Надежда Никитична
(вольнонаемная), Милютин Николай Николаевич (вольнонаемный),
Сабуров Дмитрий Мухамедович (кладовщик)*

На полу в таксомоторном парке я увидел рассыпанные 4-мм сверла для металла. Мимо такой драгоценности пройти я не мог. Собрал и спрятал в карман. Хватило на много лет. В этот же день мы вернулись в расположение части, в Котбус.

Назавтра, вечером 8-го мая, вокруг танковой школы в Котбусе началась беспорядочная стрельба. Мы не сразу догадались, что это салют в честь

долгожданной Победы. Радиоприемниками мы не могли воспользоваться даже в день великого события – не было их у нас. Но мы как-то поняли. Майор Гродзицкий радостно разрядил через окно диск своего автомата. Толя выпустил несколько сигнальных и осветительных ракет. Началось празднование.

Но мы забыли о танкистах. На танкодроме во дворе танковой школы на всякий случай стояли две отремонтированные тридцать четверки с экипажами. Услышав выстрелы и не зная в чем дело, танкисты попытались связаться со штабом завода, который находился в нескольких метрах от них, по радио. Но ответа они не получили – в штабе уже шло веселье. Тогда осторожные танкисты закрыли люки и до утра держали круговую оборону. Узнать о произошедших событиях из радиопередач они не могли – танковая рация специально устроена так, чтобы посторонние передачи слушать было невозможно.

Вернувшись в Москву, я узнал, что в этот день погиб военный летчик – Костя Попов, мой школьный товарищ.

К концу войны в Германии оказалось довольно много граждан России. Большинство попало туда по принуждению, но часть по своей воле. Когда предстоящий разгром фашизма стал очевиден, российские подданные задумались. Было известно, что и виноватых, и невинных по возвращении ждет 10 лет лагерей. Некоторые предпочли уехать в третьи страны.

Но был способ вернуться на Родину и не попасть на Колыму. Нужно было устроиться на работу в войсковую часть. Незадолго до окончания Войны, когда мы находились в Германии, ко мне пришли два брата Милютини, Василий и Николай – неразличимые близнецы. Их зачислили 4-ПТРЗ в качестве вольнонаемных служащих. До оккупации они служили в банке в городе Курске и потом оказались в Германии.

У братьев была привычка – ежедневно брить лысые головы. Делали они это опасными бритвами, причем каждый брил свою голову. Тот, кто знает, что такое опасная бритва, поймет, какому риску они себя подвергали. Именно это меня поразило и сохранилось в памяти. Их легко узнать на групповой фотографии.

Братья подтвердили, что я вел бухгалтерский учет почти так, как это принято. Дальнейшая судьба братьев мне неизвестна. Они оказались в другом эшелоне и до Биробиджана точно не доехали. Возможно, они

благополучно уволились, когда мы проезжали через Украину или Россию.

К концу Войны командование части решило сохранить память о 4-ПТРЗ для потомства. Создать альбом славы должен был фотограф из Польши – пан Старович. Он был принят на службу. Я был к нему прикомандирован для связи. Он с удовольствием всех фотографировал на фоне техники и просто так. Он научил меня пользоваться пленочной камерой, а также быстро печатать и проявлять карточки. Берешь 100 экспонированных карточек, помещаешь их в большую кювету с проявителем и быстро тасуешь их там голыми руками.

Иногда мы с ним ходили по Котбусу – он интересовался студийными фотокамерами и коллекциями почтовых марок. Меня интересовала разная техника. В доме управляющего прядильно-ткацкой фабрикой я обнаружил механическое пианино красного цвета, для людей, не умеющих играть. Вроде меня. Пианино имело специальное гнездо, куда вставляли валик с перфорированной бумажной лентой. При нажимании на педали лента перематывалась, работал воздушный насос, который с помощью вакуума опускал в нужное время нужные клавиши – звучала музыка. В коллекции валиков я нашел только одну знакомую мелодию – Танец маленьких лебедей.

Это красное пианино я видел еще два раза. Один раз в Котбусе, когда оно, находясь внутри санитарной машины, было погружено на наш эшелон. Командовал процедурой незнакомый мне капитан. Мне хотелось узнать, кто этот капитан. Я спрашивал, но никто точно не знал, и все как-то странно замолкали при вопросе. Толя считал, что капитан – сотрудник спецотдела управления БТВ фронта. В санитарной машине, кроме знакомого мне пианино, было еще обычное пианино, черное. Оставшееся в машине пространство было заполнено коврами. Сам капитан, очевидно, тоже находился в нашем эшелоне, но вел себя неприметно.

В последний раз пианино промелькнуло в Челябинске. Санитарную машину сгружали с платформы. Таинственный капитан сидел на месте шофера. Мы тронулись в путь без санитарной машины. Спустя несколько суток капитан промелькнул еще раз. Он поднимался в летучку к подполковнику Мозунину – начальнику нашего эшелона. Кстати, я ни разу не слышал о каких-либо действиях этого подполковника на заводе.

Вид у него был странный. Он был одет в тапочки, брюки и шинель на голое тело. Очевидно, продажа автомашины и трофейных музыкальных

инструментов закончилась для него плохо. Как он покинул наш эшелон, никто не видел.

Еще на прядильно-ткацкой фабрике мое внимание привлек патефон с автоматической сменой пластинок. Патефонные пластинки в то время приходилось менять каждые 2–3 минуты, что было очень хлопотно. Обнаруженный мною инструмент имел две специальные стоечки. На них клали сразу стопку из 10 пластинок. Когда проигрывание первой пластинки заканчивалась, адаптер отходил в сторону, стоечки поворачивались, вторая пластинка опускалась на первую, адаптер возвращался на место, и воспроизведение продолжалось. Концерт длился целых 30 минут без перерывов. Чудо техники! Вскрыть устройство, чтобы посмотреть, как оно устроено, или взять его себе на память я не решился.

Через несколько лет, уже находясь дома, я сконструировал аналогично действующее устройство. Главная часть механизма была изготовлена из консервной банки, но все работало, как надо. Однако мой конструкторский успех был омрачен – пока я собирался и трудился, появились пластинки, играющие 30 минут без перерыва – долгоиграющие.

Прядильно-ткацкая фабрика, вероятно, была построена еще до появления электромоторов. Все механизмы получали энергию от единственной паровой машины с помощью неопишемого количества кожаных приводных ремней. Эти ремни буквально заполняли все пространство цехов. Наши умельцы быстро сообразили, что из ремней можно изготовить прекрасные подошвы для обуви.

Был ли изготовлен задуманный фотоальбом, я не знаю. Возможно, он спокойно хранится в каком-нибудь музее. Осталась для меня неизвестной и судьба самого Старовича. К счастью, у меня сохранилось несколько фотографий, снятых в то время.

ПИТЬ ИЛИ НЕ ПИТЬ

Немецкой армии не хватало бензина в еще большей степени, чем русской. Стало известно, что немцы заправляют автомашины смесью бензина со спиртом. Наше командование решило перенять опыт. На завод привезли цистерну спирта. Качество в накладной указано не было. Количество составляло 8 т. Мне как малопьющему поручили его раздачу и учет.

Провели инструктаж: этот спирт нельзя пить, так как он ядовитый. Чтобы избежать соблазна, спирт при выдаче сразу же смешивали с бензином. Но многие сомневались в его ядовитости – запах был очень приятный.

К концу дня ко мне пришел слесарь и сказал:

– Леша, надо проверить, может быть, этот спирт и неядовитый? Давай попробуем. Ты знаешь, я уже старый, вся моя семья погибла. Даже, если я умру, жалеть некому. А народ интересуется и страдает!

Я позволил себя уговорить и налил ему стаканчик. Мне тоже было интересно. Если разобраться, то я, по недомыслию, поставил опыт на человеке! Я в то время не знал, что метиловый спирт так ядовит и коварен. Через короткое время слесарь развеселился – начал петь и плясать. Затем лег спать. Утром пришел опохмеляться. Выглядел нормально, как после обычного спирта. Все с завистью наблюдали.

Что же делать? Пить или не пить? Вдруг кто-нибудь отравится. Немцам было хорошо – написали приказ, и никто не подумал его нарушить и к спирту не прикасался. Вопрос о пищевой пригодности, тем более, о ядовитости возникнуть не мог. А как быть нам? Оставалось забыть мой преступный опыт и строго следить за тем, чтобы шофера получали только спитро-бензиновую смесь.

Но эта зыбкая надежда вскоре рухнула. С бензином смешивается только безводный спирт. Разбавленный водой спирт с бензином не смешивается. Шофера были грамотные, они приливали к полученной со склада спирто-бензиновой смеси, воду. После этого жидкость разделялась на два слоя: вверху был бензин, а снизу смесь спирта с водой – то, что нужно простому человеку. Ситуация вышла из-под контроля. Пришел Федор Иванович и начал объяснять:

– Ядовитость технического спирта проявляется не сразу, а спустя некоторое время.

В такое никто уже поверить не мог. Это был голос вопиющего в пустыне. Мне кажется, что сам Федор Иванович в отдаленные последствия тоже не верил. Но это еще не все. Поднялся ропот:

– Леша, зачем смешивать спирт с бензином? Ведь, когда мы его разбавляем водой, немного бензина все же попадает в спирт. Сам понюхай! А бензин для здоровья вреден!

Они были правы. Пришлось отойти от инструкции и отказаться от смешивания. Зачем же отравлять людей?

А Федор Иванович был прав на 100%. Технический этиловый спирт вполне мог содержать примесь очень ядовитого метилового спирта. Если спутать спирты и выпить чистый метанол, то обеспечен летальный исход. Не могу забыть карту, висевшую на стене в кабинете изучения техники безопасности. На этой карте был изображен путь следования цистерны с метиловым спиртом через весь Союз по железой дороге. Возле каждой станции красными кружочками было обозначено количество смертельных случаев, которые произошли с похитителями метанола. Употребление небольших количеств метилового спирта может вызвать слепоту. Эти два спирта невозможно различить по запаху. Нам просто повезло в том смысле, что данная партия спирта не содержала ядовитой примеси. Возможно даже, что это был не технический, а чистый, *медицинский* спирт.

Интересно, что за несколько месяцев до начала спиртовой эпопеи Федор Иванович решил научить меня пить спирт правильно. Он, конечно, хотел, чтобы я вообще его не употреблял, но своим трезвым умом понимал, что полное воздержание в армейских условиях невозможно.

– Его не надо разбавлять перед употреблением водой, а сразу же запивать сырым яичком, а то эпителий может повредиться.

Действительно – просто и полезно.

Надо сказать, что на фронте солдатам очень часто выдают по 100 мл водки. Говорят, по 100 г, но это неточно – водку отмеряют по объему, а не путем взвешивания. Обычно используют солдатскую алюминиевую фляжку, емкостью 700 мл. В нее помещается 7 порций. Путем нехитрой процедуры емкость фляжки можно увеличить. В горло фляжки надо выстрелить из винтовки холостым зарядом, то есть патроном без пули. Фляжка растягивается, но брезентовый чехол не рвется. Обработанную таким способом флягу, трудно отличить от обычной. Такая вот житейская хитрость. В результате – дополнительные 300 г водки.

На заводе водку выдавали только по праздникам.

Вскоре после Победы Федор Иванович задумался о моей дальнейшей судьбе. Он предложил мне поступить в офицерское училище, а также подать заявление о приеме в партию. Обещал дать рекомендации, говорил о перспективах. Чувствовалось, что говорит он вполне искренне и действительно предлагает мне наилучший, в его понимании, путь успеха

в реальной жизни.

Я предвидел возможность такой беседы и со страхом ее ожидал. Мне не хотелось никем командовать, не хотелось никого перевоспитывать, не хотелось никого подставлять под пули. Я с ужасом представлял себе, как будут воспитывать и дрессировать меня самого. Мне не хотелось быть даже винтиком в этих сверхмогучих организациях. Я имею в виду Советскую армию и Коммунистическую партию. Но я также понимал, к чему может привести неосторожный ответ. Сказал я следующее:

– Я еще не готов, Федор Иванович.

Не мог же я ему сообщить, что, имея в роду четырех «врагов народа», я даже в комсомол не пытался вступить.

МЫ ЕДЕМ, ЕДЕМ, ЕДЕМ...

Почти сразу же после Дня Победы, то есть еще в мае, распространился слух, что завод будет участвовать в войне против Японии. Мы не знали о том, что между Россией и Японией продолжает действовать пакт о ненападении, и считали, что Япония на нас уже напала или собирается это сделать. Война была запланирована, и мы начали готовить наше необъятное хозяйство к дальней поездке. В конце июня подали платформы, и мы тронулись в дальний и долгий путь.

Штаб, часть летучек и кухня были в первом эшелоне. Склады, тракторы и остальные летучки во втором. Нас с Толей разлучили – он был в первом эшелоне, а я во втором. Танки тоже разделили. Каждый охранял свой эшелон. Танки были в боевом состоянии, но числились, как подъемные краны. Иногда их и вправду использовали для подъема тяжестей, например, танкового мотора. Привязывали к пушке кусок рельса и крюк. Затем включали подъемный механизм пушки. Но настоящие подъемные краны у нас тоже были.

На платформах были закреплены летучки, грузовые машины и прицепы с запчастями. Под машины и под прицепы также погрузили запчасти. Получилась солидная перегрузка некоторых платформ. На станциях при осмотре то и дело раздавался крик:

– Мальчика сюда! Мальчик – это железнодорожный домкрат по форме и объему напоминающий упитанного мальчика среднего роста. Этот страшно тяжелый домкрат способен поднять платформу вместе с грузом.

Это приходилось делать для смены колесной пары и сгоревших подшипников. Процедура задерживала движение, но ничего изменить уже было невозможно.

Перед войной в Советском Союзе начали переходить от ручной сцепки железнодорожных вагонов на автоматическую – более быструю, удобную и безопасную. К началу войны успели переоборудовать половину подвижного состава, на остальных вагонах осталась старая конструкция – цепь, крюк и буферы.

Возникла трудность – нельзя сцепить переоборудованные вагоны с непереоборудованными. Необходимо специальное переходное звено – *звенка*, как говорили машинисты. Эта деталь весила около 15 кг. К паровозу сначала прицепляли вагоны с автосцепкой, затем звенку и уже к ней вагоны с ручной сцепкой. Для этого надо предварительно рассортировать состав – объединить вагоны с ручной сцепкой и вагоны с автоматической сцепкой.

При остановке состава для смены бригады, машинист первым делом бежал в середину поезда, снимал звенку и уносил с собой, чтобы не украли. Другой машинист ставил свою звенку. Теперь проблема со звенками уже не актуальна. Все вагоны переведены на автоматическую сцепку.

Наши опытные командиры представляли себе, что переезд от Германии до Тихого океана займет месяца два, и постарались устроиться с комфортом. На запчастях в автоприцепах стояли кушетки или лежали матрасы, на которых удобно располагался личный состав. От дождя запчасти и солдаты были укрыты брезентовыми тентами. В нашем прицепе кроме меня помещались кладовщик Яша Бессмертный и моя помощница Надя. Поскольку Надя нашла свое счастье в лице мастера по орудийным прицелам, нас на платформе было четверо. На обед к нам перебирался Гриша Тоцкий, который спал на другой платформе.

Яша был родом из Алтайского края. В мирной жизни он работал на маслозаводе. Ему было 53 года. Он неплохо играл на аккордеоне. Для меня, во всяком случае. Песня, которой он ежевечерне нас развлекал, начиналась так:

Есть вдоль Чуйского тракта дорога,
Много ездит по ней шоферов.
Там работал отчаянный парень

Звали Колька его Снегирев.

Яша рассказал мне о работе на плантации опийного мака, который выращивается на Алтае для производства лекарственных препаратов. Когда маковые головки готовы, на поля выходят сборщицы. Они ножом подрезают верхушку коробочки и отгибают ее верхнюю часть. На следующий день они снова обходят поле и с каждого надреза снимают ножом каплю вытекшего сока – опия. Опий складывают в баночку. Через день-два снова снимают каплю и так продолжают, пока опий в головке не иссякнет. Самое интересное происходит вечером – работницы сдают собранный опий, затем моют водой нож и баночку, и эту воду с удовольствием выпивают. Получают приличную дозу и ничего не крадут.

Как видно из современной телехроники, в Афганистане головки мака крупнее, и технология сбора опия другая – на маковой головке сразу делают несколько вертикальных надрезов и по мере накопления снимают выступивший опий. Верхнюю часть головки не отгибают.

Перед отъездом в долгий путь нам выдали продукты: муку, сахар, соль, спички, махорку, сухари, подсолнечное масло, рис, макаронны и стадо коров. Все понятно, но что делать с коровами? Самое простое было отдать коров на немецкий консервный завод и получить готовые консервы. Но побоялись – могут обмануть. Естественно, судили по себе. Дисциплинированные и побежденные немцы обмануть нас не посмели бы. Еще была мысль – погрузить стадо в вагоны и съесть их постепенно. Но чем коров кормить? И опять же могут украсть.

Приказ гласил – коров забить и засолить. Но как это сделать? Сколько брать воды и сколько соли, не сказали. Коров забили и раздали по подразделениям. Солите, как хотите! Стояло жаркое лето. Через три дня у всех мясо протухло. Независимо от соотношения воды и соли. Только наш мудрый кладовщик Гриша Тоцкий был с вопросом знаком. Он применил соль без воды, и наше мясо выдержало 2-х месячное путешествие.

Для того чтобы засоленное таким способом мясо, можно было бы съесть, требовалось вымачивать его 7 дней. Каждый день надо менять воду. Поэтому под прицепом у нас стояло 7 больших кастрюль с номерами. Каждый день из очередной кастрюли брали вымоченное мясо для варки, загружали в нее новую порцию соленого мяса и заливали воду. Одновременно меняли воду во всех кастрюлях. Прожевать это мясо было

трудно, но, что делать?

В первый же день наши эшелоны разъединили, и мы в дороге не встречались.

Двигались мы очень медленно. В первую очередь пропускали составы с боевыми частями и танками. Но наши brave командиры, как и положено, рвались в бой. Они боялись, что Японию разгромят без их участия. Как в воду глядели. 6-го августа 1945 года американцы сбросили атомные бомбы на Хиросиму и Нагасаки. 7-го августа Япония капитулировала и перестала сопротивляться американской армии. 8-го августа Сталин нарушил пакт о ненападении с Японией и объявил ей войну. Он боялся, что не успеет к шапочному разбору. 7-го сентября Япония подписала пакт о безоговорочной капитуляции. Все эти события произошли во время нашего медленного путешествия. Кое-что нам стало известно.

Командиры заволновались, действительно можно опоздать! Однажды решили показать станционному работнику, что нас не следует задерживать, и навели на диспетчерскую будку танковую пушку. Это помогло – от нас постарались избавиться поскорее, как от ненормальных. К счастью, затвором щелкать не стали. Несколько часов двигались с большой скоростью.

Рано утром я дежурил у нашего состава на товарных путях станции Киева. Подошел мужчина:

– Купи яйца. Их здесь 100 штук. Отдам вместе с ведром.

Я купил и решил порадовать своих спутников яичницей. Не отходя от своей платформы, прямо между путей я установил большую сковороду на кирпичи и начал загружать яйца. Как я и предполагал, яйца были не первой свежести. Все годные яйца, их было не более половины, поместились в одну большую сковороду.

Я очень спешил. Для быстрого приготовления пищи у нас под прицепом были припасены несколько зарядов от 120-мм пушки. *Заряд* – это металлический стакан с порохом. При выстреле порох взрывается, образует много газа и выталкивает из ствола пушки снаряд, который вылетает и поражает противника. Но снаряды в это время нам не требовались. Порох в заряде состоит из длинных, желтых макаронин. Если эту макаронину поджечь, она очень быстро, но спокойно горит, выделяя много тепла. Я брал макаронины по одной, поджигал и держал

под сковородой. От огарка поджигал новую макаронину. Пламя сильное, но взрыва не происходит – опасности нет. Взорвать порох можно только с помощью детонатора.

Яичница быстро закипела, но была еще жидкая. В это время поезд без сигнала тронулся. Я не сразу нашел платформу, на которую удалось поставить полную сковороду с кипящей, еще не затвердевшей яичницей. При этом обжег руку. Забросил на платформу винтовку и заряд с порохом. Затем уже на приличной скорости уцепился сам. Проснувшиеся соратники мой труд оценили высоко. Непривычное угощение съели с удовольствием.

Вблизи Челябинска винтовка мне таки да понадобилась. Я охранял состав. Хулиганистый мальчишка лет 12-ти забрался под наш прицеп и стал складывать в мешок пачки с немецким стиральным порошком. Порошок был нужен нам самим, и мне действия мальчишка не понравились. Я стал на него вежливо кричать. Он не уходит. Пришлось стрелять в воздух. Он нехотя слез с прицепа. Я решил отвести его в милицию. Спрашиваю у прохожей:

– Где милиция?

– Так он же сам знает, – резонно объяснили мне.

Действительно, как это я не догадался? В милицию он пошел без сопротивления.

– Зачем он мне нужен? – спрашивает женщина-милиционер.

Этого я не знал, оставил воришку ей и побежал к составу – еще отстану!

Длительная остановка произошла в Кулундинской степи. Нас задержала *кольцовка*. В то время существовал Урало-Кузнецкий комбинат (УКК). На Урале был источник очень хорошей железной руды – гора Магнитная. Теперь ее уже нет – кончилась, осталась большая яма и город Магнитогорск. Но угля для производства чугуна на Урале не было. Уголь, вернее полученный из него кокс, привозили за 2600 км из города Кузнецка в Кузбассе. Чтобы не перегонять обратно пустые вагоны, их загружали железной рудой и везли ее в Кузбасс. Там тоже построили доменные печи и выплавляли чугун, используя руду горы Магнитной и местный кокс. Это и был УКК – заслуженная гордость советской индустрии. Во время Войны комбинат производил более половины всего российского чугуна. Без этого чугуна, вернее, без получаемой из него стали, была бы невозможна Победа.

Остановить доставку руды и кокса нельзя потому, что нельзя останавливать домны – они должны работать непрерывно. Поезда, следующие из Кузнецка в Магнитогорск и обратно из Магнитогорска в Кузнецк, и назывались кольцовкой. Кольцовка работала 5 или 6 суток в неделю, поезда шли непрерывно – один за другим. Поезда другого назначения, даже военные эшелоны, на эти дни задерживали. Мы стояли в степи и пять дней ждали, пока кольцовка остановится.

Кулундинская степь гладкая, как стол. Дорога без единого изгиба. Ночью было очень красиво наблюдать, как в обоих направлениях движутся составы с рудой и коксом. Собственно, составов не видно, видна только цепочка из 30–40 зеленых огоньков светофоров. Среди них есть движущиеся парами огоньки. В каждой паре красный и желтый – это след состава. Одновременно можно наблюдать движение многих составов.

На станциях нас обслуживали – кормили горячими обедами, проверяли санитарное состояние, водили в баню и даже в парикмахерскую. Хлеб был из ячменя в виде громадных лепешек.

Вскоре после того, как мы покинули Германию, я увидел странные действия Яши Бессмертного. Он сидел на краю платформы, и передавал в окружающую толпу женщин какие-то лохматые оранжевые комки и что-то брал у них.

Я спросил:

– Яша, ты что делаешь?

– Шерсть продаю, разве не видишь? Помогай мне, а то я не успеваю – поезд может тронуться.

Я стал повторять его действия, брал из тюка комков шерсти и передавал его в ближайšie протянутые руки. Взамен получал комки денег. Взвешивать шерсть мы не могли, считать деньги и торговаться было некогда. Мы с Яшей очень спешили. Я узнал, что тюки, на которых было так удобно и мягко спать, содержали не обтирочную ветошь, а коричневатую-желтую чесаную шерсть. Тюки были взяты с уже известной прядильно-ткацкой фабрики в Котбусе.

Теперь я вспомнил, что очень похожую шерсть я уже видел раньше. Из нее был связан свитер, который до войны носил мой папа. Мы считали, что свитер был связан из верблюжьей шерсти. В России не было животных такого цвета. Когда меня призвали в армию, папа подарил свитер мне.

Свитер был очень теплый, и в Гороховецком лагере я его на «дезинфекцию» не отдал. Но в автошколе на него положил глаз старшина роты и настойчиво пытался его у меня отнять. Я не сдался и продал дорогую для меня вещь на рынке.

При нашем движении на восток все время возникали конфликты с машинистами паровозов. Из трубы паровоза летели искры – раскаленные кусочки золы. Брезентовые крыши наших прицепов загорались. Приходилось днем и ночью дежурить на ближайших к паровозу платформах. Решение существовало. Нужно было поместить несколько вагонов с железными крышами, между паровозом и нашими платформами – создать «прикрытие». Тогда искры до нас не долетят. Железнодорожники не всегда хотели с нами возиться и переформировывать состав.

Однажды они в качестве прикрытия использовали товарный вагон с железной крышей, в котором возвращались девушки, демобилизованные из армии. Они нас «прикрывали» дней пятнадцать. Начали завязываться военные знакомства. Девушки приходили в гости к солдатам. Иногда задерживались. Вагон-прикрытие неожиданно отцепили, и несколько гостей поневоле остались в нашем эшелоне надолго.

Чуть не забыл сказать, что цистерна со спиртом оказалась в нашем составе. Каждое утро, каждый день и каждый вечер я шел к цистерне и через люк опускал в нее полулитровую баночку на веревочке. Мудрый совет Федора Ивановича выполнить мы не могли – не было сырых яичек. Поэтому мы разбавляли спирт водой и запивали им наше жесткое мясо. Пассажиры других прицепов поступали аналогично. Все было спокойно.

Но, однажды, уже в районе Омска, при опускании баночки вместо приятного бульканья я услышал стук стекла по металлу. Расстроился. По моим расчетам должно было хватить на год-полтора. А потом ведь надо написать отчет о применении спирта в качестве горючего для автомашин! Кто-то сумел незаметно продать весь спирт. Я почему-то вспомнил о бывшем владельце красного пианино. Возможно, он еще находился в нашем эшелоне.

Читатель вправе поинтересоваться, как мой молодой организм мог выдержать длительное ежедневное употребление заметных количеств спирта? Не развилась ли у меня непреодолимая жажда спиртного? Нет, не развилась. Бог миловал. Все определяется геномом. Ген алкоголизма

у меня, по-видимому, отключен.

Перед рассветом поезд остановился на большой товарной станции. Прямо от путей начиналась волнующаяся на ветру зеленовато-серая степь. Подошел мальчик:

– Купи икру.

Я купил вместе с котелком. Когда рассвело, мы обнаружили, что икра зеленого цвета. Подумали о лягушках, но попробовали и съели с аппетитом – было очень вкусно. То, что я принял сначала за степь, оказалось озером Байкал, а икра была от знаменитого байкальского омуля. Недавно я узнал, что это легендарная и очень вкусная рыба принадлежит к семейству лососевых и обитает только в озере Байкал.

Незадолго до остановки эшелона на станции Байкал мы узнали о том, что 8 августа Япония признала себя побежденной, и война закончилась без участия 4-ПТРЗ. Правы были наши командиры, что надо спешить и на войну не опаздывать. Про американские атомные бомбы, сброшенные 6 августа на Хиросиму и Нагасаки, тогда никто не мог ничего сказать, а если бы и мог сказать, то никто ничего не мог бы понять. О том, что такое атомная бомба, я узнал спустя год или два на лекции по физике.

БИРОБИДЖАН

Несмотря на окончание войны, эшелоны наши не остановили и не повернули в обратную сторону. Мы продолжали движение на восток еще две недели и оказались в столице Еврейской автономной области – городе Биробиджане. Не знаю, было ли запланировано это место при отъезде из Германии или нас переадресовали в связи с капитуляцией Японии. Наши эшелоны встретились, мы сообща сгрузили технику.

После долгой разлуки мы встретились с Толей. Он выразил соболезнование по поводу безвременного исчезновения спирта и неожиданного отцепления прикрытия – вагона с демобилизованными девушками.

Своим ходом двинулись на юг в поселение Бабстово. Дальше дороги нет – начинается широкая полоса болот вдоль реки Амур.

Поселение – очень маленькое. Несколько корейских юрт, маленький бездействующий магазин и барак. Вокруг конусы сопки – потухших вулканов, покрытых степной травой. Леса нет. Здесь завод стал ждать

приказа о передислокации или расформировании. Наши ремонтные бригады и склады разместились в степи без маскировки – бомбить некому.

Жить, однако, было негде, а впереди зима. Мы с Толей облюбовали магазин – маленькое бетонное здание с железной дверью. Почему-то никто на это помещение не претендовал. К нам примкнул лейтенант Коля Раков. Но втроем мы жили недолго. Ночью я проснулся от выстрелов. Мне казалось, что стреляют в меня. Я сжался под одеялом, укрывшись с головой и боясь шевельнуться. Вспыхивает зажигалка и раздаётся выстрел. Потом второй и т. д. Просыпается Толя и кричит:

– Коля, ты что делаешь?

– Крыс стреляю, – отвечает он спокойно. – Смотри, они по Леше бегают, могут укусить.

– Ты же его убьешь!

– Как это убью? У меня первый разряд по стрельбе!

Утром я увидел, что следы от пуль точно очертили контур моего тела. Действительно по комнате бегали крысы. Коля действительно был отличным стрелком. Но я решил уйти от очень меткого, но непредсказуемого Коли. Как могли крысы пробираться через бетонные стены и решетки на окнах? Оказалось, через поддувало печки.

Я поставил на поле палатку, отнес в нее свою кушетку и стал в ней жить. По ночам становилось холодно. Я натянул вторую палатку поверх первой, но не сдавался. Наступил октябрь, начались морозы. Я взял на складе 20 керосиновых ламп (их применяют для освещения, но они кроме света дают также много тепла), расставил их вокруг своей кушетки, налил керосину и зажег. Внутри палатки стало тепло и излишне светло, но это мне не мешало. Ночью, если посмотреть издали, палатка сверкала, как драгоценный камень.

Вскоре случилась неприятность – ночью чей-то теленок запутался в веревках палатки, и уронил ее на меня. Я спал под одной простыней и вдруг меня накрыл мокрый, холодный компресс. К счастью, все лампы сразу погасли, мокрая ткань не загорелась, и пожара не случилось. Пришлось заменить веревки, поддерживающие палатку, на колья.

Очень неудобно было жить офицерам, которых сопровождали жены. Почти все семейства поселились в одной большой комнате барака, очень похожей на общежитие трикотажной фабрики в Усмани (см. выше).

Отличие состояло в том, что под потолком были натянуты веревки, на которых держались занавески. Некоторые офицеры и солдаты жили в летучках, несмотря на мороз и отсутствие дров.

Ночью степь и сопки были очень красивы. Сухие верхушки травы все время горели, и ветер медленно перемещал по степи огненные полосы. Днем верхняя часть травинки подсыхала и снова могла гореть. Нигде я не видел и не осязал такого количества комаров! Говорят, что в тундре комаров еще больше, но я не верю.

Очень хотелось посмотреть столицу области. Случай представился. Город Биробиджан построен на деревянных сваях. Сваи забиты или закопаны в галечник. Все дома из дерева. Во время дождей город превращался в русло реки. Это чем-то напоминает прибрежные поселки в Полинезии, которые показывают по телевидению. Названия улиц были написаны на русском и еврейском языках. Интересно, как выглядит город теперь, спустя 60 лет?

Когда я усталый, голодный и замерзший вернулся в Бабстово, друзья преподнесли мне стаканчик китайской (или корейской) водки, а на закуску – открытую банку консервов. Я выпил и начал закусывать. Воцарилась напряженная тишина. Я подумал, что все ожидают моего удивления сладким вкусом мяса. Но я уже знал, что китайское мясо готовится с сахаром, и продолжал угощаться. Тогда мне показали банку. На этикетке была изображена крыса с хвостом, обвивающимся вокруг банки. Ожидаемый эффект состоялся. Организм освободился от закуски и от водки тоже. Подозреваю, что мне показали не ту банку, из которой я ел, и, что со многими из присутствующих уже был проделан аналогичный опыт. Но проверить банку я уже не мог. Вопрос о том, ел ли я крысятину, остается открытым.

Все время шли разговоры о реке Амур. Вот бы половить рыбу! До великой реки всего 10 км. Но преодолеть болота не удалось даже на тракторе. Вездеход на воздушной подушке подошел бы, но его в то время еще не изобрели.

В конце октября до нас дошел указ о том, что студенты ВУЗов подлежат демобилизации. Стране были нужны специалисты. Мама прислала мне зачетную книжку. Этого документа оказалось достаточно. Никто не чинил мне препятствий. Каждого волновала собственная судьба. Все зависело от того, как поступят с заводом. Расформируют и всех распустят по домам

или сохраняют? Через две недели я уже был в Москве. Военная служба для меня закончилась.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Закончились и воспоминания. Возможно, у моего читателя создалось впечатление, что война – это набор комических эпизодов. Это, к сожалению, не так. Мне представляется, что сохранение в памяти смешных случаев и забывание повседневного кошмара – это защитное свойство нашего организма, позволяющее сохранить нервную систему от перенапряжения и разрушения.

Всю войну я прослужил в звании солдата. Под самый конец войны мне присвоили чин младшего сержанта – две лычки на погонах. Но это тот же солдат. Солдату ничего не положено знать, кроме приказа командира. Я не имел почти никаких известий о том, что происходит в мире, на фронте и даже на заводе, не слушал радио и не читал газет. Эти пробелы в информации должен был восполнять наш замполит (заместитель командира по политической части) Гумар Дашканов, но он, мягко говоря, недостаточно хорошо владел русским.

Думаю, что сейчас самое время выразить благодарность компьютеру и интернету за помощь в работе. Как иначе я мог бы проверить точность моих воспоминаний и грамматику тоже?

Перечитав свое творение, я заметил, что очень подробно, может быть иногда даже слишком подробно, описываю различные процессы – технологию ремонта, приготовление пищи, пользование портянками и т. п. Этот уклон в детали связан с тем, что по призванию, по образованию и по роду своих занятий я – исследователь. Поэтому мне всегда казалось очень важным разобраться в том, как работает механизм, чем вызвано то или иное явление, какова его причина, суть и следствия. Надеюсь, что научный подход не очень мешает восприятию моего первого литературного произведения.

Я буду рад отзывам и критическим замечаниям. Если кому-нибудь известны другие воспоминания или какие-либо сведения о подвижных танкоремонтных заводах или об упомянутых людях, сообщите мне, пожалуйста.

Бостон, Июнь 2009

Пиня Копман

Стихотворения

Негев пробуждается. 28 января 2023

Не весной просыпается Негев. Зимой.
Собираются тучи, седы.
Сверху падают пряди дождей бородой,
и по склонам несутся ручьи чередой
серо-белой от пены воды.

Заливает дороги, срывает кусты,
и буйна у обочин волна.
И сползают потоки грязищи, густы...
Пробуждение ужаса и красоты:
древний Негев восстал ото сна.

Ветры мечутся, моросью влагу стеля.
Но развеются пологи туч,
и зелёные ризы накинёт земля,
чтоб Творец любоваться мог, благоволя,
как мой Негев красив и могуч.

Вновь дороги забиты машин кутерьмой,
суетящихся как мураши.
На холмах прорастает трава бахромой.
Не весной просыпается Негев. Зимой.
Край суровой и жгучей души.

Приграничье

Мы живем на земле дня,
Но стоим у границ тьмы.
Мы почти не знаем огня.
как смеются – забыли мы.

Мы в окопах который век.
Наша жизнь – как один стон.
И лежит на полях снег,
только серого цвета он.

Здесь главенствует серый цвет.
Здесь без флагов стоят посты,
и цветов у нас тоже нет:
нету сил, чтоб растить цветы.

Только тьмы все видней черта,
и конца всё ближе пора.
Каждый год на месте поста
чисто черным зияет дыра.

Но не видеть в упор дыр –
это лучшая из всех мер.
Разве стоит хранить мир,
чтобы был он вот так сер?

А возможности уйти нет,
молча слезы стираем с глаз,
потому что сзади нас свет...
Только светит он не для нас!

Негев в январе

Я иду по Палестине.
Скалы, склоны и пустыня,
сверху небо синим-сине –
чайных стран старинный зонт.
Зимний ветер лапой львиной
треплет с нежностью седины
Древний Негев, чуть картинно,
опрокинул горизонт.

Щедры влагой были тучки.
Чуть зеленые колючки
тянут ветки, словно ручки,
в пьяном танце к небу вверх.
Где водой прорыта балка,
преет пряная фиалка.
И прожитых лет не жалко
после дождичка в четверг.

Охота

Трубят рога, осока у болота
в росе сверкает, словно в серебре.
Большая королевская охота
Большого Зверя травит на заре.

Лай рыжей гончей – музыка для слуха.
Туман висит в кустах, как рваный плед.
Сечет трава по морде и по брюху.
Все мелочи! Азарт. Кровавый след.

Бурлят в крови веселье и отвага...
Подергивая лапами во сне,
сэр Арчибальд, диванная дворняга,
скулит и прижимается ко мне.

Негев. Март

Расцвела земля сухая
от дождей последних дней.
Я в пустыне отдыхаю.
Я душой мягчею в ней.

Мы завариваем мяту –
я и бедуин Ахмед,
И ругаем мэра матом.
Потому – порядка нет.

Мята с джелем цвета жёлчи,
язычки огня в дровах...
Бог на это смотрит молча,
ибо нет нужды в словах.

Негев. Вечер пятницы

Ржа заката блекнет понемножку,
вееет воздух прелью и тоской.
Сумерки крадутся серой кошкой.
Тишина. Расслабленность. Покой.

Благодати шаль легла на плечи,
сея просветления пыльцу.
И горят, шаббат встречая, свечи –
псалмом благодарности Творцу.

Над домами колесом телеги
катится луна на небосвод.
Пятница закончилась, и в неге
Негев отдыхает от забот.

МОЛИТВА ЕВРЕЙСКОГО МАЛЬЧИКА

Барух ата, Адонай Элохим!
Пусть был я грешен и был плохим,
но мне не нужно подарков, конфет.
Спаси наш дом от мин и ракет!

Когда-нибудь не станет войны
и будут смех и песни слышны.
А если грохот и вспышки вверх
так это гроза или фейерверк.

Когда-нибудь настанет мир,
и спрячет папа в шкаф свой мундир,
и будет можно гулять весь день
не слыша взрывы и вой сирен.

Пускай нас всех обойдет беда,
пусть мама и папа живут всегда!
Нам только б дожить до этого дня.
Прошу, Адонай, услышь меня!

Леонид Дынкин

Вот такое счастье!..

Сценарий к игровому фильму.

Курсовая работа на семинаре Г. Л. Рошаля, Дом Кино.

Преподаватель ВГИК М. С. Витухновский. 1970 год.

Вы знаете, что есть счастье – настоящее, подлинное?

Улыбаетесь, не хотите отвечать? Возможно, я бы тоже был несколько смущён вопросом. Сколько можно об этом – с раннего детства, да на каждом собрании...

– Конечно же, знаем, ответите Вы!

Но, простите меня великодушно, знать и понимать – не одно и то же. После того, что со мной произошло, я готов утверждать это всегда и везде.

В самом конце отпуска, дня за три-четыре, когда я, уже представлял встречу с сотрудниками и мои рассказы им, в подробностях, о моих новых впечатлениях и встречах – случилась беда. Она подкралась незаметно, когда я крепко спал после удачной рыбалки. Подкралась и саданула по каждому моему нерву, по каждому капилляру неожиданной резкой болью. С того самого мгновенья проклятый зуб не давал мне покоя ни днём, ни ночью.

Боже праведный, люди добрые, что я с ним только не делал!.. Полоскал тёплым раствором соды и ромашки, календулой и настоем дубовой коры. Глотал всякие разные таблетки – болеутоляющие, снотворные. Всё тщетно! Испытывать подобное мне не приходилось никогда прежде. От боли и постоянного недосыпания болела голова. Есть приходилось, преодолевая страх, левой стороной передних зубов, с перекошенным ртом. Ехать к врачу из пригорода было далеко, и я боялся этой дороги. Я продлежал свои муки только лишь оттого, что не смел и думать об очередном сильном приступе на людях – где-нибудь в электричке или троллейбусе. Свирепая, долбящая боль обрушивалась вновь и вновь на моё изболевшее тело. Казалось, что болит не только зуб, а каждая клеточка моя, каждая точка. Я не слышал своих стонов, а обезумевший от этой нечеловеческой пытки, метался по комнате, зажав руками челюсти, тёрся щекой о стену, зарывался в подушки, бил себя по щекам и, как говорил сосед, даже катался по полу. Когда боль немного стихала,

я обессиленный некоторое время лежал, застыв в холодном поту, слабую ноющую боль считая за благо.

Дальше терпеть эти танталовы муки было выше моих сил. Да и какие уже силы в истерзанном и вконец ослабевшем теле. Надо было решаться... И, преодолев процедуры с полосканиями, наглотавшись таблеток, я поехал в городскую поликлинику.

На второй этаж – бегом, мокрый от напряжения...

Помещение регистратуры встретило меня мрачным светом, страшной духотой и каким-то тихим гулом. И только взлохмаченная и злая на весь мир, как бездомный пёс, регистраторша – женщина лет пятидесяти, рявкала на клиентов из своего застеклённого неприступного пространства.

Я старался держаться за все, что можно, боясь упасть в обморок. Очередь к окошку, где выдавали талончики, была больше, чем за баклажанной икрой в предпраздничные дни. Казалось, все обернулись в мою сторону. Я пошел было в конец очереди, но решившись (о, господи, а что было делать?), стал протискиваться к заветному окошку, не услышав, к моему удивлению, никаких возражений. Очевидно, моё лицо, деформированное пульсирующей судорогой, произвело на людей впечатление.

– Мне бы к врачу, – я прикрыл дергающуюся щёку ладонью, – силы мои на исходе, пожалуйста.

Молчание... Я повторил просьбу, и голос мой дрогнул в тихом отчаянье.

– Что вы все жалобите меня, гражданин! Сюда не развлекаться ходят от нечего делать, а лечиться. Вон, очередь...

– Не могу... Мне бы побыстрее! Очень болит, помогите!

– Нечего! С острой болью приходят с утра. А вы цельный день, извините за выражение, работаете, а к вечеру, здрасьте, болит у него! Всем домой надо пораньше.

В очереди зашумели. Я не знал, что ещё говорить, чтобы убедить её регистраторское высочество, продолжавшее безучастно перебирать талончики.

– Так как же мне быть?

Опять молчание.

Кто-то сзади постучал меня по спине. При попытке поднять голову и обернуться, перед глазами поплыли разноцветные круги, и я чуть не упал на стоящего за мной почтенного старичка с костылём.

– А ну ка, подвинься-ка, – сказал он, подталкивая меня в сторону.

Я отступил, готовый разрыдаться от безысходности и боли.

– Послушай сюда, тварь божия, – обратился он к регистраторше, и подбородок его задрожал от ярости, – кто тебе дал право так вот – с людьми!

Регистраторша подняла глаза, пыталась что-то произнести, но лишь суетливо заморгала глазками.

– Чего тарацишься? Отвечай-ка мне, курица старая!

Очередь затихла.

– Отвеча...ай, – отчаянно закричал инвалид. Голос его сорвался, он закашлялся, тяжело краснея всем лицом от напряжения. Я попытался успокоить его.

– Молчи, интеллигент!

Кто-то поднёс ему воды.

– Давай срочный талон этому парню, – тучей навис он над регистраторшей, – иначе я разнесу твою стеклянную державу к чёртовой матери...

– Не фулюгань, гражданин, – растерянным и тонким голосом запричитала она, – орден надел, так тебе всё позволено? Позову вот милицию! Неймётся ему... Больше всех надо? – И, громко высморкавшись:– Следующий...

– Эту куклу голыми руками не возьмёшь, – бросил кто-то из очереди.

– Сейчас она увидит, какими руками я буду её брать, – и, подмигнув мне зачем-то, толкнул костылём дверь за перегородку.

– Старый дурак, – взвизгнула регистраторша, – я что, возражаю?

– Не возражаешь, так давай не задерживай очередь, – и он нагнул мою голову к окошку.

Регистраторша приблизила своё лицо к моему, да так, что нос её касался стекла, и долго, придерживая пальцем потные очки, рассматривала мою перекошенную физиономию.

– Адрес, – снова рявкнула она, обдав меня ванильной волной с множеством мелких брызг по стеклу, – не бормочи, говори яснее. Нет мочи моей! И куда же мне тебя определить то?

Ага, вот она... Танечка, – с надеждой позвала она пробегающую по широкой лестнице девушку в коротком белом халатике, – иди-ка сюда. Очень тебя прошу, Танюша-дорогуша, будь милосердна, забери от меня этого крокодила...

Танечка – нежное, юное создание с подведёнными глазками стрельнула взглядом в мою сторону, и милая улыбка обозначилась на её личике.

– Не могу я сейчас, Нина Захаровна! Никак не могу. Скоро заканчивать, а у меня ещё трое.

– Танюша, два часа ещё работать, успеешь, ведь, а!?

– Не знаю я, – ответила Танечка и упорхнула в конец коридора.

– Нате вот, в восемнадцатый, подала мне талончик Нина Захаровна, – просишь тут за всякого, унижаешься. Чтоб вы посгнули все.

– Спасибо Вам, – поблагодарил я своего героя-спасителя.

У кабинета с номером восемнадцать я опустил талончик в прикрепленный к двери ящичек и сел на стул в стороне, в самом неосвещённом уголке. Привычно нудел зуб, болела голова. Но можно было терпеть и даже читать старые журналы, разложенные на тумбочке. С момента отъезда из дома прошло два часа с половиной. Время действия лекарств уже второй раз заканчивалось, и я с ужасом думал об очередном приступе, как о страшной катастрофе.

Минут через пятнадцать показалась Танечка.

– Вас всё-таки ко мне прислали, – она взяла талончик, недовольно поджав губы, и исчезла в кабинете.

Что же это такое, почему я должен снова чувствовать, будто виноват в чём-то? Говорила мне соседка: иди к частнику, он рядом, на станции. Так нет же!.. Потянула меня нечистая в городскую лечебницу. А в ней Нина Захаровна, Танечка, которой не людей лечить – моды демонстрировать. Что ей до моего состояния! А как часто она смотрит на свои часики! Ждёт ведь не дожётся мгновения, когда её ангельские крылышки вынесут отсюда и понесут туда, где бытуют вечные, самые неразрешимые в мире проблемы.

Прошло ещё двадцать минут. Меня забыли, должно быть! Покурить бы – нельзя. Отойдёшь, как раз и вызовут. Лекарства кончились. Глотнуть бы нормального воздуха – здесь дышать совсем нечем. По лицу пот холодный. Что же будет! Вырвать бы к дьяволу половину зубов. Или даже все. Говорят, в Америке специально удаляют, чтобы заменить на искусственные. Правильно делают. «Что ж ты Танечка, Танюша, позабыла про меня». Стихами стал думать, схожу, видимо, с ума! Следующий этап – психиатр. В изнеможении я прикрыл глаза и даже как будто забылся.

– Сухай, – раздалось из глубины кабинета.

Я сначала не обратил внимания на этот возглас.

– Сухай, – раздалось ближе, и дверь кабинета резко распахнулась. Я вздрогнул.

– Вы, что ли, Сухай? – Танечка обращалась явно ко мне. Вон какие молнии в глазах!

– Суханов моя фамилия.

– Мне всё равно, написано Сухай. Проходите же скорей, – раздражённо пригласила Танечка и бросила талончик на столик. Я заглянул в него – там было написано: «Суханов».

– Что вы спите на ходу, идите сюда!

– Заснёшь тут... Чуть руки на себя не наложил – такая боль, – прошепелявил я, садясь в стоматологическое кресло. Бог даст, этот ангел спасёт моё изболевшее тело, а заодно и душу от мук адových, – подумал я, устраиваясь поудобнее.

– Сейчас я на Вас буду руки накладывать, – заявила Танечка странным для неё жёстким голосом.

Но, будто вспомнив что-то, упорхнула. И шагов её торопливых не стало слышно. Вот теперь-то я сойду с ума непременно. Ну, кажется, идёт...

– Что у Вас? – Танечка села рядом на высокий стул.

– Вот здесь болит!

– Давно?

– Да, давно!

– Когда лечились последний раз?

– В прошлом году.

– Покажите рот.

Я открыл рот, и Танечка простучала по зубам металлическую дробь.

– ЭТОТ? Болит?

– Нет.

– Похоже, здесь... – Больно?

– А... ай...

Звонит телефон. Боже праведный – опять!.. Ну что же это такое происходит, за что?

– Ой, Валюха, – встрепенулась Танечка...

– Откуда, Валюнчик! Я сейчас, сейчас, одну секундочку!

А рука Танечки продолжала постукивать по больному зубу. Я вытянулся, превратился в струну. Её секундочка, это сколько? Озверевший, я готов был откусить нежнейшую из ручек.

– Ой, да не слышу я ничего. Гудит где-то.

– Машину выключи, – пробубнил рядом чей-то низкий голос.

– Спасибо, Семён Маркович, а Вы, – она дотронулась до моего плеча пальчиками, – посидите немножечко, я сейчас.

На соседних креслах уже никого не было. Затихшая бормашина раскачивала брошенный бур, а я, закрыв чугунные веки, отдал себя судьбе. У меня уже ни на что не было сил. Лёгкий сквознячок гулял по опустевшему кабинету. Из дальнего далека доносился запах свежескошенной травы. В углу шептались. Доносились отдельные слова: сертификаты, кримплен, свадьба...

– Сухай, – неожиданно и резко раздалось надо мной, – нашли место... Может, пойдёте да проспите прежде? До чего же обнаглели люди, ни с чем и ни с кем не считаются! С меня хватит, я не дежурный врач.

Что ей ответить? Можно, конечно, уйти, а завтра – на станцию к частнику...

– Откройте рот!

И откуда опять такой вот голос у Танечки?

Что-то случилось... Я не слышал машину.

Казалось, все данные человеку чувства сконцентрировались во мне на уровне, не совместимом с жизнью. А надо мной, вокруг и внутри меня всё

жужжало, стонало. Миллионы пил распиливали нервы, и миллионы сердец молили о милосердии. Я боялся открыть глаза, посмотреть в сторону. Прошли не минуты – вечность!..

И – эта глухая, неподвижная тишина... Что-то случилось... Я не слышал машину.

Неужели – всё!?

Это «Всё» началось с того момента, как закончились мои страдания. Временно, нет ли, не знаю. Но пока – закончились. Я приподнялся с кресла, вытирая платком лицо. Вокруг и рядом никого не было. Потрогал челюсть – не болит. Подошёл к зеркалу – А...aaa! Что это – кто? На меня смотрел взлохмаченный, давно не бритый тип с запавшими щеками на вытянутом лице с невообразимой гримасой. Оказывается, это я улыбался. Улыбался, ещё не вполне очнувшийся, не сознавая себя до нормальной внятности. Что-то радостное заструилось по моему сердцу и тут же охватило меня всего. Я даже испугался, казалось, это и есть безумие. Я схватил протянутую мне уборщицей инструкцию о правилах поведения больного, всхлипывая от счастья, обнял ошалевшую старушку так, что щётка откатилась в сторону, и – вихрем вылетел из кабинета.

– Нина Захаровна, вы здесь, голубушка! Я вас не обидел? С наступающим вас днём медработника!

– Что? – она прилипла к стеклу носом, – Очумел? Шумишь, как...

– Что вы, я счастлив!

С этими словами я свалился со ступенек прямо в объятия высокого парня. Девушка, стоящая рядом, испуганно шарахнулась в сторону.

– Ты что, больной? – пробасил парень и схватил меня за плечо.

– Вот он, Игорёк, – обратилась к нему Танечка, – это он. Я же говорю, умора.

– Пустите... – Вы!.. – я вырвался и повернулся к ней.

– Танечка, вы мой ангел, приказывайте! – Я прижал руки к груди, сделал шаг назад и шлёпнулся на ступеньку. Всё, что хотите, приказывайте!

Игорёк и Танечка не смеялись, они хохотали, вытирая слёзы. И я никогда так не смеялся, так не радовался открывшемуся мне безбрежному и лучистому чувству.

Я шёл по скверу и сиял этим чувством, как утреннее солнышко. Так мне

казалось, потому что прохожие останавливались, улыбаясь мне. Я раскланивался со стариками, галантно уступал дорогу проходящим женщинам. Они тоже улыбались мне, а я шёл дальше, напевая весёлую джазовую мелодию.

Счастье, ну конечно же, счастье! Возможно ли что-то иное, когда жизнь так прекрасна?! Жизнь, она ведь так восхитительно прекрасна!

Дмитрий Северюхин

Евреи-россияне у истоков искусства Израиля

История рассудила так, что с конца XVIII века большинство представителей мировой еврейской диаспоры были уроженцами Российской империи, включавшей территории Польши, Малороссии, Новороссии, Белоруссии, Литвы, Курляндии и Бессарабии. Евреи интенсивно влияли на культуры мест своего проживания, но и еврейская культура всегда питалась влиянием окружения.

В России история еврейства получила импульс развития в последней трети XVIII века после трёх разделов Польши. Евреи, проживавшие тогда в восточной Польше и бывшем Великом княжестве Литовском, оказались подданными Российской империи, где были законодательно обязаны селиться только в пределах черты оседлости, причём и там их жизнь подвергалась определённым ограничениям. Тогда борьба за освобождение евреев от этого гнёта стала процессом двусторонним. Евреям требовалось не только добиваться снятия всех внешних ограничений, но и отказаться от «внутреннего гетто» – то есть преодолеть массу религиозных табу и предрассудков, порождавших ксенофобию, препятствовавших их культурной ассимиляции, возможностью пользоваться плодами Просвещения и жить в атмосфере главных завоеваний общеевропейской культуры. В достижении этой двойной эмансипации лежал залог того будущего успеха евреев во всех областях российской и мировой науки, экономики, политики и культуры, который начал проявляться уже со второй половины XIX века и впечатляюще проявил себя в следующем столетии.

Среди значительной части еврейской диаспоры ещё с ветхозаветных времён было распространено желание возвратиться в Палестину, что отражено в иудейских священных текстах и молитвах. Алия, т. е. репатриация (на иврите עלייה – буквально «восхождение» или «возвышение») была центральной идеей палестинофильства и сионизма, которая легла в основу создания государства Израиль (1948).

До 1882 года местное еврейское население Палестины, провинции Османской империи, составляло не более 35 тысяч жителей и было глубоко религиозным и патриархальным. В последующие годы оно значительно увеличилось за счёт евреев из России, спасавшихся от

погромов, и к 1917 году составило около 85 000 человек²⁵. Новый приток евреев в Палестину начался в конце Первой мировой войны. 2 ноября 1917 года министр иностранных дел Великобритании Артур Бальфур направил официальное письмо к лорду Уолтеру Ротшильду, председателю британской еврейской общины, которое декларировало, что Британия «смотрит положительно на основание в Палестине национального дома еврейского народа».

В развитие идей этой «Декларации Бальфура» в 1922 году Лига Наций вручила Великобритании мандат на Палестину, для «установления в стране политических, административных и экономических условий для безопасного образования еврейского национального дома». С этого времени алия, в том числе из советской России и СССР, стала неуклонно возрастать. С приходом же к власти в Германии нацистов и началом этнических чисток в подмандатную Палестину, несмотря на барьеры, создаваемые Великобританией, двинулся новый поток репатриантов, в том числе уроженцев Российской империи, обитавших к тому времени в странах Западной Европы (в 1933–1939 годы легально и нелегально в Палестину прибыло около 250 тысяч евреев).

Если поселенцы первых волн алии были в основном сельскохозяйственными тружениками, то уже в 1900-е годы в Палестину во множестве стали прибывать представители интеллигенции, в том числе художники и архитекторы, получившие образование в России и странах Западной Европы. Им предстояло преодолеть многовековые религиозные запреты и создать новое национальное искусство, опираясь как на народную традицию, так и на опыт русской и других европейских школ²⁶.

²⁵ Первые поселенцы из России стали прибывать в Палестину ещё в 1860-е годы и устраивать коллективные хозяйства в формах, близких к современным кибуцам (см., например, [1]).

²⁶ В числе первых обобщающих работ, посвящённых искусству Израиля, следует назвать книгу директора Тель-Авивского музея искусств д-ра Хама Гамзу [2]. Среди русскоязычных публикаций последнего времени отметим развёрнутую лекцию И. Климовой [3]. Большой вклад в изучение еврейского искусства вносит проживающий в Израиле Григорий (Гиллель) Казовский [4].

Одним из первых художников в Эрец-Исраэле был скульптор и педагог Борис (Залмен-Бер или Барух) Шац (1866–1932), сын меламеда из Ковенской губернии. Шац получил первые уроки рисования в Виленской художественной школе, учился у Марка Матвеевича Антокольского, а затем совершенствовался в Академии Фернана Кормона в Париже²⁷. В 1895 он получил должность придворного художника болгарского князя Фердинанда (будущего царя Фердинанда I), а в следующем году стал одним из инициаторов создания государственной Рисовальной школы в Софии, из которой впоследствии выросла Болгарская национальная художественная академия. Кишиневский погром 1903 года вернул Бориса Шаца в круг еврейских проблем, в результате чего он увлёкся идеями Теодора Герцля. На 7-м Сионистском конгрессе в Базеле (1905) он выступил с предложением основать в Палестине художественную школу с классами по различным видам искусств.

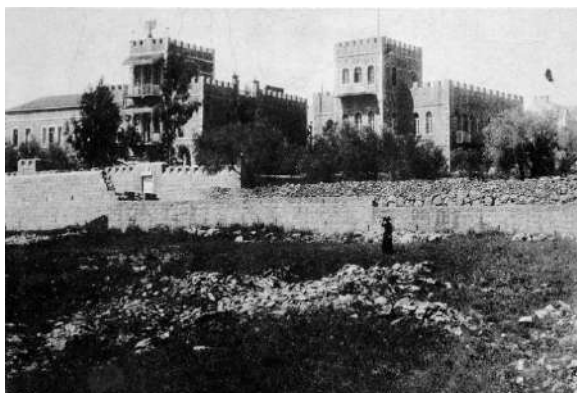

Рис. 1. Школа Бецалель. Фото 1900-х гг.

Движимый этой мечтой, Шац в 1906 году отправился в Иерусалим, где открыл и возглавил Школу искусства и ремёсел «Бецалель», названную так по имени, которое, согласно указанию Торы, носил первый еврей художник-строитель (в синодальном переводе Библии это имя звучит как Веселеил; Исх., 31, 2). В 1969 году школа превратилась в Академию

²⁷ Расширенные биографические сведения о многих названных в данной статье художниках приводятся нами в материалах [5] и [6].

художеств и прикладного искусства «Бецалель»,

Мастерские «Бецалея» со временем разрослись, превратившись в предприятие полупромышленного типа, в иные годы там работало до пятисот человек. Шац предпринял и попытку создать поселение, где занятие художественным ремеслом сочеталось бы с работой на земле. По инициативе Шаца рядом со школой был создан музей «Бецалель», в основу которого легла его коллекция еврейского традиционного искусства минувших веков. В мае 1911 года он привёз выставку работ своих учеников в Одессу (экспозиция была развёрнута в рамках Художественно-промышленной выставки в Александровском парке), где, по всей видимости, «рекрутировал» молодых художников для переселения в Палестину.

В 1928 году «Бецалель» закрылся из-за непреодолимых финансовых трудностей, а его основатель умер в 1932 году во время поездки по Соединённым Штатам с целью сбора средств на восстановление школы. «Новый Бецалель» возродился в 1935 году, когда в Эрец-Исраэль приехал ряд талантливых мастеров из Германии.

Рис. 2. Б. Шац. Автопортрет.

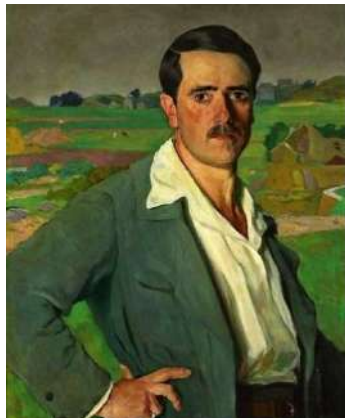

Рис. 3. А. Б. Лаховский. Автопортрет.

В 1908–1909 годы по приглашению Бориса Шаца в Школе искусств и ремёсел «Бецалель» преподавал живопись выдающийся пейзажист петербургской школы Арнольд Лаховский (1880–1937). В 1912 в Иерусалим был приглашён Авель Панн (Феферман; 1883–1963), получивший начальное образование в Витебске у Юдея Моисеевича

Пэна и в Одессе, а затем совершенствовавшийся в Париже у Вильяма-Адольфа Бугро. В 1913–1914 и в 1920–1924 годах он возглавлял графический факультет Школы «Бецалель». В 1914–1920 годах Авель Панны жил в Париже, где создал цикл из 50 картин (масло, пастель), посвящённых еврейским погромам, которые в 1917–1920 годах показал на нескольких выставках в США (в том числе на персональной выставке в Художественном институте Чикаго, 1919-1920). Картины были приобретены американским промышленником и переданы в дар музею «Бецалель», где составили экспозицию зала «Сосуд слёз». С 1920 года Панны постоянно жил в Палестине.

Рис. 4. Авель Панны с учениками в студии «Бецалеля» (фото).

В 1924 году Авель Панны вместе с Леонидом Пастернаком (1862–1945), Саулом Раскиным (1878–1966) и Адольфом Федером (1886–1943) участвовал в палестинской историко-этнографической экспедиции, организованной парижским издателем Александром Эдуардовичем Коганом. В числе главных достижений Панны – около 500 иллюстраций к Пятикнижию, которые составили два альбома, выпущенных издательством музея «Бецалель» (1924 и 1926), а также серия пастелей, посвящённых Холокосту (1944).

Среди преподавателей «Бецалеля» был Хаим Гликсберг (1904–1970), сын главного раввина Одессы Шимона Якова Гликсберга, историка иудаизма и одного из основателей сионистского движения «Мизрахи». В 1925 году он эмигрировал в Палестину, жил в Иерусалиме, писал пейзажи и натюрморты, в которых, по отзывам критики, местный колорит сочетался с техникой Парижской школы и русским лиризмом; позже написал

портреты многих известных израильских деятелей, в том числе поэта Хаима Нахмана Бялика, с которым был дружен. В 1929 году художник поселился в Тель-Авиве, где открыл собственную студию. В 1931 году он стал советником мэра Меира Дизенгофа по созданию Художественного музея в Тель-Авиве, а в 1934 году выступил в качестве одного из основателей Ассоциации живописцев и скульпторов Палестины. В честь художника и его отца названа одна из улиц Тель-Авива.

Рис. 5. Л. О. Пастернак. Портрет Эйнштейна.

В 1906 году в числе первых учеников Школы «Бецалель» был Лео Кениг (собств. Арье-Лейб Яффе; 1889–1970), получивший начальное образование в Одессе. В 1911 году он выехал за границу, продолжив образование в Мюнхене и Париже. Обитатель знаменитого художественного общежития «Улей» («La Ruche») на Монпарнасе, он возглавил еврейскую группу молодых художников из России и Польши «Махмадим», которая выпустила несколько одноименных альманахов, где были представлены образцы их графических произведений. В 1914 году Лео Кениг переехал в Лондон и целиком посвятил себя литературно-критической деятельности, печатался в изданиях на идиш. Последние годы художник и литератор провёл в Израиле.

В 15 лет (1910) самостоятельно уехал в Палестину и Барух Агадати (Борис Кушанский; 1895–1976) – танцовщик, хореограф, кинорежиссер и живописец, основатель труппы классического танца «Еврейский художественный балет». Он тоже поступил в Школу «Бецалель», где учился у Бориса Шаца и у Авеля Панна. Позже Агадати ненадолго вернулся в Россию и поступил в балетную школу при Одесском оперном театре, по окончании которой был зачислен в труппу. Однако в 1919 году

вновь уехал в Палестину на корабле «Руслан» – первом судне, которое вывезло туда евреев из Одессы, и навсегда связал себя с этой страной.

Рис. 6. А. Федер. Автопортрет.

В 1914 году Школу «Бецалель» посещал эмигрировавший в Палестину земляк Хаима Сутина Сэм Царфин (Файбиш-Шрага; 1900–1975), который позже стал заметной фигурой Парижской школы. В 1921 году в «Бецалеле» недолго обучался еще один в будущем известный представитель Парижской школы Исаак Анчер (1899–1992), уроженец Бессарабии, живший позже в основном во Франции.

Рис. 7. Барух Агадати. Фото.

В 1919 году с группой одесских интеллигентов на том же корабле «Руслан» эмигрировал в Палестину Ицхак Френкель (Френель; 1899–1981), учившийся в Одесском художественном училище у Александры Экстер. В 1920 году он основал с друзьями в Яффо кооператив художников «Ха-Томер» и свободную художественную студию в гимназии Герцлия, где они преподавали живопись и скульптуру, читали лекции по современному

еврейскому искусству. В 1921–1925 годах художник жил в Париже, посещал Национальную школу изящных искусств и Академию Гранд-Шомьер, работал в мастерских Эмиля Антуана Бурделя и Анри Матисса, некоторое время жил в упомянутом общежитии «La Ruche», где подружился с тамошними обитателями, многие из которых были выходцами из России. В Париже Френкель вместе с другими россиянами участвовал в выставке группы «Через»²⁸ в галерее La Licorne (1923) и выставке 33 русских художников в кафе «La Rotonde» (1925), выставлялся в Салоне Независимых и Осеннем салоне.

В 1925 году художник вновь уехал в Палестину и открыл мастерскую при школе профсоюзной организации «Гистадрут» в Тель-Авиве (среди его учеников — многие известные в будущем израильские художники, в том числе А. Стемацкий). Некоторое время Френкель преподавал в Школе «Бецалель» в Иерусалиме, где среди его учеников были Аарон Авни и Арье Арох. В 1948 году, после провозглашения независимого государства Израиль, Френкель стал одним из основателей Квартала художников в Цфате в оставленных арабами домах. Этот квартал, устроенный по примеру парижского Монпарнаса, со временем стал достопримечательностью Цфата и сейчас является одним из заметных центров художественной жизни Израиля. Художник удостоился многих престижных наград. В 1973 году в Цфате был открыт Дом-музей, в котором хранится бóльшая часть его наследия.

На всё том же пароходе «Руслан» в Палестину попал и уроженец Яффо Иосиф Константиновский (1892–1969), юность которого прошла в Одессе и Елисаветграде. Обосновавшись в Тель-Авиве, он вместе с другими репатриантами работал в кооперативе художников «Ха-Томер», основанном Ицхаком Френкелем. В 1923 году художник уехал в Париж, где в последующие годы получил известность как живописец, скульптор и прозаик. С 1950-х годов он неоднократно посещал Израиль и в 1964 году получил дом-мастерскую от муниципалитета Рамат-Гана (ныне здесь действует его дом-музей «Бейт-Констант»).

²⁸ Группа «Через» была создана в конце 1922 года в Париже по инициативе Ильи Зданевича и Сергея Ромова; ставила своей задачей установление творческих контактов между эмигрантскими, советскими и французскими деятелями литературно-художественного авангарда.

Менахем Шеми (Мендл Шмидт; 1897–1951), учившийся в Одесском художественном училище, был впечатлён вышеупомянутой выставкой работ учеников Школы искусств и ремёсел «Бецалель» в Одессе в 1911 году. В 1913 году он уехал в Иерусалим и поступил в эту школу, где проучился почти три года. В 1917 году Шеми вступил добровольцем в Еврейский легион в составе британских войск, а в 1920 году поселился в Тверии в Палестине, где продолжил свои занятия живописью и одновременно начал преподавать живопись и рисунок, читать лекции и писать критические статьи по искусству.

В ранний период он писал в основном пейзажи Палестины, опираясь на опыт французских художников рубежа XIX–XX веков, в частности, Сезанна, а в конце 1920-х годов, после посещения Парижа, прошел увлечение искусством Пикассо. В 1930-е годы Шеми завоевал славу одного из лучших израильских портретистов. В поздние годы жизни его живопись стала предельно экспрессивна и обрела мистическую окраску. В 1947 году он поселился в Цфате, где в следующем году участвовал в создании Квартала художников. В 1951 году по проекту Шеми был воздвигнут мемориал памяти павшим защитникам Иерусалима на военном кладбище в Кирьят-Анавим. Там был похоронен его сын Аарон-Джимми, погибший в 1948 году в Войне за независимость.

В 1912 году по приглашению художника Бориса Шаца в Иерусалим впервые приехал и Пинхас Литвиновский (1894–1985), соученик Шеми по Одесскому художественному училищу. Около года он занимался в «Бецалеле», но вскоре, разочарованный, вернулся в Россию и продолжил образование у Дмитрия Кардовского в Петроградских свободных художественных мастерских. В 1919 году Литвиновский эмигрировал в Палестину и поселился в Иерусалиме. Он писал картины под воздействием русского авангарда и, наряду с Иосифом Зарицким и некоторыми другими художниками, противопоставлял стилю натуралистического ориентализма школы «Бецалель» новый вариант эмоциональной живописи, созвучный Парижской школе. Литвиновский неоднократно бывал в Париже, где познакомился с искусством Анри Матисса, Пабло Пикассо и Хаима Сутина, встречался с Жоржем Руо. Позже он испытал влияние индийской философии и дзен-буддизма и перешёл от экспрессивно-эмоциональной манеры к упрощённым формам и чистому цвету. В 1986 году, в ознаменование первой годовщины со дня смерти, выставка художника состоялась в здании Кнессета Израиля.

Упомянутый выше Иосиф Зарицкий (1891–1995) до 1914 года учился в Киевской художественной школе, в 1914–1915 годах жил в Москве, а в 1915–1917 годах служил в Русской армии. После демобилизации он вернулся в Киев, в 1919 году бежал с семьёй от погромов в Бессарабию, а в 1923 году эмигрировал в Палестину. В 1923 году он вместе со скульптором Авраамом Мельниковым (1892–1960), уроженцем Бессарабии, организовал первую художественную выставку в Иерусалиме, а в следующем году возглавил палестинскую Ассоциацию живописцев и скульпторов. В 1927 году Зарицкий побывал в Париже, где посещал различные академии, а по возвращении основал в Тель-Авиве собственную студию живописи.

В 1948 году вместе с учениками он основал группу «Новые горизонты», которая развивала абстрактно-лирическое направление и декларировала создание нового израильского искусства, свободного от тематической тенденции и иллюстративности²⁹. Уже в 1950-е годы Зарицкий получил признание как один из основоположников современного искусства Израиля, был награжден Государственной премией Израиля по живописи, избран почетным президентом Ассоциации живописцев и скульпторов. По опросам общественного мнения Израиля в 2005 году художник вошел в число 200 наиболее знаменитых израильтян.

Аарон Авни (Каменковский; 1906–1951), получивший художественное образование в Москве (1923–1925), жил в Палестине с 1925 года. Здесь он продолжил изучение искусства в Школе «Бецалель», но позже участвовал в выставках студии «Масад», выступившей против традиционалистских установок этой школы. В 1930–1932 годах художник жил в Париже, где посещал Академию Гранд-Шомьер, а по возвращении работал архитектором в городском муниципалитете Яффо. В 1936 году он открыл и до конца своих дней руководил художественной студией еврейского профсоюза «Гистадрут» в Яффо, ставшей одним из ведущих художественных институтов в Палестине (ныне Институт искусства и дизайна Авни), а в 1948 году основал Колледж преподавателей изобразительного искусства, где преподавал архитектуру и математику.

В 1924 году вместе с родителями в Палестину попал юный Арье Арох

²⁹ «Новые горизонты» [Электронный ресурс] // Путеводитель по Израилю. URL: <https://guide-israel.ru/culture/56364-novyje-gorizonty/> (дата обращения: 01.12.2017).

(собств. Лёва Нислевич; 1908–1974). В 1925–1926 годах он учился в Школе «Бецалель» у Ицхака Френкеля. Тогда же подружился с Хаимом Гликсбергом, под руководством которого изучал живопись. В 1932 году Арох недолго посещал студию Иосифа Зарицкого, а в 1934–1936 годах жил в Париже, где учился в академии Ф. Коларосси и брал уроки у Фернана Леже. Испытав влияние Парижской школы, он писал картины в экспрессионистской манере, а со временем обратился к фольклорным мотивам и создал собственный стиль, основанный на использовании буквенных и графических знаков, орнаментальных мотивов.

Авигдор Стемацкий (1908–1989), чьё детство прошло в Феодосии, эмигрировал с родителями в Палестину в 1922 году. По окончании гимназии Герцлия в Тель-Авиве, он посещал студию, которую организовали выпускник петербургской Академии художеств, исторический живописец Лейба Менделевич Орланд (1884 – ?) и архитектор Абрам (Иосиф) Лейбович Берлин (1877–1952). Затем Стемацкий учился в Школе «Бецалель» в Иерусалиме (вместе с Ари Арохом), в 1928 году – на архитектурных классах Техниона в Хайфе, в 1929 году – в студии Ицхака Френкеля в Тель-Авиве. В 1930–1931 годах Стемацкий жил в Париже, продолжая художественное образование в академиях Гранд-Шомьер (вместе с Аароном Авни) и Ф. Коларосси. По возвращении в Палестину он вошёл в Ассоциацию живописцев и скульпторов и в 1932 году участвовал в Общей выставке художников Ассоциации совместно с Музеем искусства в Тель-Авиве.

В 1945–1948 годах Стемацкий вместе с Иехезкелем Штрейхманом (1906–1993) учредил в Тель-Авиве художественную студию, в которой учились многие знаменитости израильского искусства следующего поколения. В 1948 году он вместе с Арохом, Зарицким и Штрейхманом был в числе основателей упомянутой выше группы «Новые Горизонты». В дальнейшем художник разрабатывал индивидуальный живописный стиль, соединявший опыт позднего кубизма и экспрессивную манеру Парижской школы. В 1950-е годы он перешёл к лирической абстракции, став (наряду с Зарицким и Штрейхманом) пионером израильского абстрактного искусства и одним из ведущих представителей этого направления. С 1952 году Стемацкий преподавал в Институте искусства и дизайна Авни в Тель-Авиве, а в 1973 и 1977 годах – на факультете искусств университета Хайфы. Его работы представлены сегодня в ведущих музеях Израиля.

Среди уроженцев России, связавших свою судьбу с Палестиной и Израилем, можно назвать выпускника Центрального училища технического рисования бар. А.Л. Штигица скульптора Лазаря Стриха (1879–1941). До революции он работал гравёром и художником-чеканщиком в фирме Фаберже в Санкт-Петербурге, а позже состоял профессором скульптуры в Тель-Авиве и Хайфе.

В 1920 году в Палестину эмигрировал художник Мадим-Леон Зарудинский (1902–1942). Он учился в Школе «Бецалель» у Бориса Шаца и работал в кибуце, а в 1925 году вместе с Иегудой Коэном (будущим верховным судьей Израиля) приехал в Париж и остался во Франции. Зарудинский участвовал во многих парижских выставках, в частности, в выставке художников Школы «Бецалель» в галерее Nivo. Художник погиб в Освенциме.

Фотограф и живописец Шломо Наринский (1885–1960) покинул Россию еще в 1904 году, изучал фотодело в Париже, затем переселился в Палестину и жил в коммуне в Иерусалиме. Он вместе с женой делал портреты, фиксировал народные типы и пейзажи Палестины; пейзажные фотографии тиражировались на открытках (с подписями на иврите, арабском и английском языках). После нескольких лет, вынужденно проведённых в Египте (как русский подданный он вместе с женой в 1916 году был выслан турецкими властями из Палестины и до окончания войны работал в Каире и Александрии), он вернулся в Иерусалим и вместе с Яковом Хутимским основал студию «Объединенная фотография». Наринский контактировал с художниками Школы «Бецалель», с людьми театрально-литературного мира, которые становились его моделями. В начале 1920-х он переехал в Париж, где основал фотостудию и стал писать картины в духе старинных фотографий. В 1940 году Наринский попал в концлагерь Дранси под Парижем, но в 1944 году при содействии будущего президента Израиля Ицхака Бен-Цви (друга юности жены) был включён в список обменной сделки между британскими и немецкими спецслужбами по взаимной выдаче интернированных лиц. По возвращении в Палестину художник жил с супругой в кибуце Эйн-Харод, затем в Хайфе, где преподавал фотодело в средней школе.

В 1933 году в Палестине поселился живописец Исайя Кульвянский (1892–1970), чья эмиграция началась ещё в 1915 году, когда он попал в австрийский плен. Он стал одним из учредителей Ассоциации живописцев

и скульпторов Палестины, преподавал в частной художественной школе в Тель-Авиве и работал для театра. Примечательно, что художник был консультантом по искусству королей Иордании Абдаллы I и Хусейна. В 1950 году он переехал в Европу и скончался в Лондоне.

В 1933 году, после ряда кратковременных арестов и обысков, из Германии как лицо без гражданства был выслан нацистскими властями в Палестину Мирон Сима (1909–1999) – живописец, график, художник театра и педагог, выпускник Одесского художественного училища. В 1939 году он возглавил Иерусалимский институт живописи и скульптуры и участвовал во Всемирной выставке в Нью-Йорке (павильон Палестины). В годы Второй мировой войны Мирон Сима сотрудничал с созданным в Палестине Общественным комитетом по оказанию помощи СССР в его борьбе против фашизма («Лига Ви»). Одновременно он участвовал в организации художественной школы при «Гистадруте». В 1947 году художник воевал за независимость Израиля, а в 1949 году вместе с другими деятелями искусств основал в Иерусалиме Дом художника и участвовал в организации выставок. В 1961 году как единственный художник Мирон Сима присутствовал на судебном процессе над нацистским преступником Эйхманном. Выполненные во время процесса рисунки были опубликованы вместе со свидетельскими показаниями в виде книги (в 1969 году она по поручению Федерального правительства Германии была выпущена на немецком языке).

В 1937 году, спасаясь от нацистов, в Палестину приехала Геня Бергер-Габай (1910–2000), учившаяся в Харькове, Берлине и Париже. Она поселилась в Тель-Авиве, где занималась живописью, акварелью, книжной иллюстрацией и сценографией, получила известность как мастер художественной керамики. В 1953 году Бергер-Габай стала одним из основателей «деревни» художников Эйн-Ход на склонах горы Кармель близ Хайфы.

Перед самой войной из Франции перебрался в Палестину Александр Копелович (1915–1990), учившийся в своё время в Риге у Сергея Арсеньевича Виноградова, а затем в Париже у Оттона Фриеза. Еще в 1930-е годы он неоднократно посещал Палестину и публиковал заметки в сионистском издании «Рассвет». В 1938 году художник показал палестинские этюды и рисунки на персональной выставке в Риге, издав к ее открытию альбом «Еврейские портреты и пейзажи» с предисловием

профессора Василия Ивановича Синайского. Копелович поселился в Иерусалиме, писал пейзажи и уличные сцены старой части города, а также портреты и ню. Его персональные выставки устраивались в Иерусалиме, в Яффо и Тель-Авиве.

После Второй мировой войны в Израиле некоторое время работал уроженец Витебской губернии, скульптор Парижской школы Натан Именитов (1884–1965). В частности, он декорировал общественные здания в кибуцах. В 1949 году в Израиле, в кибуце Гиват-Бреннер, поселился другой парижский скульптор – уроженец Винницы Яков Лучанский (1876–1978). Он создал портреты многих израильских общественных деятелей, занимался монументальной пластикой, лепил фигуры животных. В 1976 году, к 100-летию со дня рождения скульптора (он дожил до 102 лет), в Иерусалиме состоялась его ретроспективная выставка.

Выдающийся живописец Парижской школы Мане-Кац, юность которого прошла в Малороссии, Париже и Петрограде, в 1948 году, в разгар войны за независимость Израиля, привёз свою выставку в музей Тель-Авива и с этого времени ежегодно бывал в Израиле. В 1958 году художник заключил соглашение с муниципалитетом Хайфы: город строил для него дом с мастерской на горе Кармель, над морем, а художник завещал городу свои произведения и коллекцию редких предметов иудаики. Он также завещал государству Израиль свой капитал в 18 миллионов долларов. Последний год Мане-Кац провёл в Израиле и умер в Тель-Авиве. В 1977 году в его доме в Хайфе был торжественно открыт мемориальный музей.

С 1950 года часто выезжала в Израиль и подолгу жила там скульптор Хана Орлова (1888–1968). Уроженка Екатеринославской губернии, она еще в 1904 году выехала с родителями в Палестину, но с ранней юности жила во Франции, где получила известность как один из столпов модернистской пластики. Хана Орлова исполнила для Израиля несколько монументов, в том числе скульптуру «Голубь мира» в вестибюле Дворца Нации в Иерусалиме (1964). В 1961 году ретроспективная выставка, посвящённая 50-летию ее творческой деятельности, прошла в ряде городов Израиля. В 1968 году Хана Орлова скоропостижно скончалась в Израиле, куда прибыла для устройства в Музее Тель-Авива выставки, приуроченной к 80-летию со дня ее рождения.

Рис. 8. Хана Орлова. Фото.

Разумеется, первостепенной задачей просвещённой части алии было возрождение и развитие на земле предков национальной еврейской культуры, что служило важнейшей предпосылкой будущей государственности Израиля. В связи с этим неуместно искать в истории Эрец-Исраэль следы каких-либо «русских» художественных сообществ или культурных акций, подобных тем, что устраивались эмигрантами из России в Париже, Берлине, Праге, Белграде или Харбине. Вместе с тем важнейшей частью национально-культурной идентичности репатриантов из России оставался симбиоз русской и еврейской культур, породивший многообразие форм общественной, педагогической и творческой деятельности. Идея строительства национального государства не отменяла для художников земляческой памяти о России, памяти о русском языке и культуре, а, кроме того, не означала отказа от первоначальных уроков, полученных в юности в ключе российской художественно-образовательной системы. Русская художественная школа во всём многообразии её направлений – от академизма и модерна до авангардных движений 1910–1920-х годов – была впитана и по-своему переработана несколькими поколениями израильских художников. Наряду с древнейшими национальными художественными традициями и опытом интернациональной Парижской школы, она послужила первоосновой для развития современного искусства Израиля.

Библиография:

[1] Ильина О. А. Еврейская эмиграция из Российской империи в Палестину, 1880–1904 гг.: идеология, практика, мифология. Дисс. ... канд. историч. наук. Московский гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. Ин-т стран Азии и Африки. М., 2009.

[2] Gamzu H. Painting and Sculpture in Israel. Tel Aviv, 1958.

[3] Климова И. Так формировалось изобразительное искусство Эрец Исраэль [Электронный ресурс] // Мидраша Ционит. 2004. 4 ноября. URL: <http://midrasha.net/tak-formirovalos-izobrazitelnoe-iskusstvo-ehrec-israehl/>.

[4] Казовский Г. Художники Культур-Лиги. Гешарим, 2003.

[5] Лейкинд О. Л., Махров К. В., Северюхин Д. Я. Художники Русского зарубежья 1917–1939 / Биографический словарь. СПб.: «Нотабене», 2000.

[6] Изобразительное искусство и архитектура Русского зарубежья [Электронный ресурс]. URL: <http://artz.ru>

Александр Вильшанский

Проблема Добра и Зла

«Одни ли мы на планете» – продолжение

Часть 3-я. Начало см. в №№ 14 и 15.

Сегодня общепризнано, что одного лишь «общенаучного» знания о мире недостаточно для того, чтобы обладающий им человек проявлял поведенческие реакции, отличающиеся от реакций низших животных (обладал так называемой «моралью»).

Религия (в силу необходимости) стала заниматься формированием морального облика человека задолго до возникновения самого понятия «наука». На первых порах делалось это, в основном, на базе легенд и сказок, впоследствии возникли более стройные, так называемые «религиозные» системы. Тем не менее, основа этих систем продолжала быть недоказуемой. И на протяжении последних 500 лет параллельно с развитием научного метода познания усиливалось давление на религию со стороны атеизма – учения, отрицавшего религиозную картину мира.

В результате одновременно с невиданным ранее развитием научно добытого знания и технологий шло моральное разложение человеческого общества. Все это вместе привело к двум мировым войнам, и ужасной по своей сути практике экспериментирования над массами людей в виде «социальной инженерии» (Пол Джонсон. «Современность» <http://www.geotar.com/israpart/Jonson/indexpol.html>). Есть мнение, что человечество при этом ничему не научилось, и бодрым шагом движется к третьей мировой войне.

Но мы с вами живем в счастливое для ученого время, когда хотя бы в какой-то степени можем попытаться реализовать стремление РАМБАМа если не совместить религию с наукой, то, по крайней мере, использовать науку для подтверждения некоторых прозрений мудрецов прошлого... Одновременно, конечно, мы рискуем разрушить довольно сложные «конструкции», схоластические умозаключения, которые возвели в свое время эти мудрецы для обоснования своих концепций.

Кроме того, более логичное объяснение текста Торы, избавленное от мистики, по нашему мнению, будет способствовать укреплению позиций

разрабатываемого нами мировоззрения, дающего в руки человека компас и карту для успешного движения по «Дорогам судьбы».

Что же мы учим из наследия РАМБАМА

Начнем мы с некоторых выводов из нашего изучения наследия великого иудейского мудреца, философа и врача – рабби Моше Бен-Маймона (РАМБАМа).

Метод, которым пользовался в свое время РАМБАМ, сегодня неприемлем из-за использования им схоластики. Схоластические споры восходят еще ко временам древних, к обсуждениям вопросов типа: «существует ли небытие?» (иными словами «существует ли несуществующее»).

Причина использования схоластики – непонимание самой сущности обсуждаемого вопроса («Феноменология»). Схоластика – это спор до победного конца, в котором победителем признается тот, кто выдвинул возражение, не опровергнутое данным конкретным оппонентом (а не «неопровержимое вообще»).

Рассуждения схоластики внешне похожи на умозаключения логики.

Напомню, что логическое умозаключение содержит в себе так называемые «предикаты» (на латыни) или «операнды» (на современном математическом языке) – это термины, с которыми совершаются логические операции. А сами эти операции совершаются с помощью «операторов» – правил использования операндов для составления логического утверждения. Совокупность логических утверждений называется «рассуждением» или «умозаключением».

Специфическая особенность схоластики состоит в том, что в качестве операндов (предикатов) используются не вполне определенные понятия.

Аристотель (создавший свою «Логiku») и его первые последователи считали, что с помощью строгих логических умозаключений можно получить все знание о мире, не прибегая к помощи эксперимента. А в те времена (и даже еще во времена РАМБАМА – 13-й век!) опыт не считали убедительным доказательством чего-либо в силу понимания, что наши чувства нас часто обманывают. Ученые того времени находились под сильным впечатлением убедительности геометрических доказательств эвклидовой геометрии, и утверждали, что логику можно использовать с

любим предикатом, с любимыми операндами.

Этот подход, вначале развивавшийся довольно успешно, встретил затем сопротивление со стороны возникшей в первые века н. э христианской церкви. Поскольку религия провозглашала и утверждала недоказуемое, то возникла опасность, что с помощью логики ее положения могут быть опровергнуты.

Однако, через некоторое время выяснилось, что «Логика» Аристотеля дает достоверные выводы только в случаях, когда и если используемые в умозаключениях понятия сравнительно точно определены. Чем хуже (меньше) определены понятия, тем менее достоверным оказывается вывод. При этом само умозаключение кажется построенным совершенно безукоризненно логически. Это совершенно меняло отношение Церкви к Методу. Аристотель был вознесен «на щит» как выдающийся мудрец всех времен и народов, и вплоть до нового времени его методика внедрялась в умы богословов и метафизиков как основа мышления. И до самой эпохи Возрождения «отцы церкви» препятствовали любым анти-аристотелевским движениям мысли.

Увы им! В настоящее время эта трудность преодолена; подобные методы и системы «доказательств» оными уже не признаются, а, следовательно, для современного человека становятся принципиально невозможными подобные пути рассуждений; и даже Кант не избежал этой участи.

Представления о мире у РАМБАМА – аристотелевские. Сегодня совершенно невысказано рассуждать о природных явлениях в терминах «Огонь, Вода, Воздух, Земля», говорить о свойствах вещей с «присущей им необходимостью и возможностью», и так далее в том же духе.

В наше время научные знания о мире считаются ЗНАНИЕМ, если они получены так называемым Методом Научного Познания (МНП), включающего в себя цепочку «Догадка (озарение, постижение) – Гипотеза – Эксперимент – Теория», и далее по тому же повторяющемуся время от времени циклу. Современное ЗНАНИЕ это, по существу, Теории.

Знание же текстов (даже священных) в наше время собственно ЗНАНИЕМ не называется, так как из них, даже при блестящем знании языка, на котором они написаны, извлечь так называемую истину нельзя по указанной выше причине – неопределенность терминологии. Всегда возможно (как мы это очень часто видим у РАМБАМА, и как он сам об этом

говорит) дать тексту множество толкований, зачастую диаметрально противоположных и потому противоречивых, ибо текст (намеренно или уж так получилось) часто выглядит как выражение типа «казнить нельзя помиловать». А ЗНАНИЕМ в современной науке и жизни признается лишь вполне однозначное понятие о предмете – Теория.

Сегодня обычному (каждому) человеку для повседневного употребления нужна если не теория, то гипотеза, *которую он мог бы проверить сам*. Ведь даже до того дошло, что религиозные философы объявляют нам, что мы, физики, – тоже люди верующие, так как верим в вещи, которые никто не видел.

Глядя на современные физические теории типа «теории струн», следует признать, что для подобных заявлений у философов есть серьезные основания.

Что же можно предложить нынешнему интеллектуалу в качестве моральной основы его существования?

Мы не можем возвращаться на 500 лет назад, незачем. Как говорил генерал советской разведки Л. Шебаршин: «Незачем возвращаться в прошлое. Там уже никого нет!» Лучшие умы там уже все перекопали и ничего не нашли. Они использовали тупые орудия труда и копали не в тех местах.

Мы должны пользоваться своими методами – методами точных логических умозаключений и достижениями современной науки (а то и ее передового края).

Что же мы все-таки учим из наследия РАМБАМа? А вот что...

а) Что в тех случаях, когда перед РАМБАМом возникали трудности, он не стеснялся переходить к экзегезе, то есть *давать собственную интерпретацию текстам, выходящую за рамки общепринятого.*

б) Там, где это возможно, РАМБАМ пытается использовать новейшие данные науки о природе.

в) Рамбам не говорит прямо, но Кант с ним согласен – понятие о Боге необходимо для того, чтобы люди не перегрызли друг другу глотки.

РАМБАМ (и критикуемые им «мутакалимы» – сторонники учения «Калам») занимались доказательством Существования (или Бытия, как угодно) Вс-вышнего через факт сотворения мира. Вообще-то говоря, это не имеет большого значения. Ну, сотворил так сотворил, доказать это если и возможно, то лишь с помощью схоластики; и если схоластический метод (уже) не признается адекватным, то и делу конец – доказать ничего невозможно.

Другое дело – отношения между Вс-вышним и Человеком, которые вытекают из «Ган-Эденской истории» (Тора) и накладывают отпечаток на судьбу человечества независимо от Дарования Торы (!) (хотя мы знаем о ней только из Торы). Но для поддержания «имиджа» Вс-вышнего в этой истории нам придется сильно поднапрячься.

«Ган-Эденская история»

«О ты, который приступает к умозрению с начатками мысли и случайными догадками, который мнит, будто способен понять Книгу, назначенную быть руководством от первых до последних, просматривая ее в один из часов досуга между пиршествами и любовными утехами, как читают какие-нибудь исторические хроники или книги стихов! Соберись с мыслями и сосредоточь свое внимание, ибо дело обстоит не так, как показалось тебе в начале размышления...»

РАМБАМ, «Морэ Невухим», гл. 2)

Поскольку не все учили Тору систематически, я вначале должен напомнить в общих чертах картину, описанную в Торе на ее первых 15-ти страницах (Берешит).

Описываются там два отдельных сюжета. Картина первая – сотворение мира вообще, включая и сотворение людей. И в этом процессе Вс-вышний (называемый по тексту Торы «Элохим») творит Человека (понимай – человечество, из Торы это ясно) «по образу и подобию своему».

При этом многие мудрецы отождествляют термин «Элохим» с понятием «Силы Природы», так что остается непонятно, в каком именно смысле и каким таким «Силам Природы» должен соответствовать Человек по образу и подобию. Открывается широчайший простор для домыслов и

спекуляций. Наиболее подходящим для нас является устоявшееся в традиции объяснение, что образ и подобие в том, что и Элохим – Творец, и Человек – творец. Но и это объяснение кажется «притянутым».

А вторая картина описывает, как некий «Ха-Шем» (*Непроизносимое имя*) насадил сад в Ган-Эдене, *произвел* (*йацар – ивр.*) человека (*Адама*) и так далее... И ни о каком «образе и подобии» там не упоминается. И это важно.

Переводчик вслед за РАМБАМом разъясняет, что у этой истории можно усмотреть по меньшей мере два аллегорических смысла – как отношения между Б-гом и Человеком и как отношения между Б-гом и человечеством, которое олицетворяется Адамом.

Тот, кто придумал, что в Торе якобы нет времени, скрыл свое непонимание описанной в ней истории. Время там как раз есть. И вначале Элохим создал, именно *сотворил* (*бара – ивр.*), «Человека», «мужчиной и женщиной сотворил Он их».

И только впоследствии *Ха-Шем* «насадил Сад в Эдене, и поместил туда человека, которого...» что? ... *произвел* (*йацар – ивр.*) (Берешит 4:7). И называется этот человек по-прежнему Адам. Как и те, которые были сотворены (*аса, бара – ивр.*) ранее.

И вот это слово *йацар* дает нам первый ключ к пониманию рассказа. Адам, которого *Ха-Шем сделал* в Ган-Эдене, не имеет никакого отношения к тем людям, которых Вс-вышний *создал* (*бара*) на Земле при сотворении мира в предыдущих разделах «Берешит».

Тут, возможно, следует немного отойти от штампов. В религиозных школах учат, что *бара* (*иврит*) – это «*сотворение из ничего*». Но *бара* это не просто «создал из ничего». *Бара* означает, что *нет ответа на вопрос*, почему и как все это появилось. Неизвестно из чего! Не известно. И только.

Наилучший пример этому дает В. Турчин в своей книге «Феномен науки», где он в самом начале кратко описывает возникновение нашего мира. Он пишет, что последовательно возникли... появились... образовались... те или иные вещества или существа, но нигде не объясняет, как, каким образом это происходило.

<http://refal.net/turchin/phenomenon/chapter01.htm>

А *йацар* – вполне очевидно, описывает деятельность существа физического, реального, потому как «*произвел*». (И именно так и толкуют

равы это слово!) И даже понятно, из чего – из элементов Таблицы Менделеева («из праха земного» в некотором смысле) – с этим согласны даже современные раввины.

На эту же мысль наводит и разница в именах Вс-вышнего, замеченная уже очень давно – Элохим и Ха-Шем. Ха-Шем – он что-либо именно *йацар*. Он произвел. А Элохим – всегда *бара* или *аса* (сотворил или сделал).

Таким образом формулировка «Бог создал» есть просто форма ухода от вопроса, каким образом произошел мир. Ну и ладно, если бы дело было только в этом...

Большой вклад в «понимание» этой проблемы внесла дискуссия 19-го века о якобы многих авторах Торы. Разница в терминологии была объяснена различным авторством различных участков текста. А дело, скорей всего, вовсе не в этом.

Далее я вынужден перед вами извиниться за то, что мне некоторое время придется морочить вам головы множеством взаимно противоречивых мнений выдающихся мудрецов прошлого, пытавшихся хоть как-то понять всю эту историю, которая случилась в Райском Саду, и ее «подноготную». Но иначе мы не сможем оценить всех преимуществ, которые нам даст новый подход к описанным в Торе событиям, да и к Торе вообще.

ВНАЧАЛЕ...

Для ясного понимания дальнейшего рекомендуется ознакомиться с текстом Торы (который легко можно найти через GOOGLE).

Начнем с того, что попытки логически понять общеизвестную историю «грехопадения» Адама и Хавы (Евы) привели лишь к тому, что были написаны буквально тысячи книг с целью так или иначе объяснить, что за история произошла в «Райском саду» (на языке иврит «Ган-Эден», а в вольном созвучном переводе на русский – «Сад Эдема»). Тем не менее, как обычно, к единому мнению комментаторам прийти не удалось. Мы, современные люди, не видим логики в действиях Вс-вышнего, как они описаны в Торе, вернее сказать, в том, как их толковали во все времена.

Если Он хотел мира в Эдене, незачем было *провоцировать* Адама и Хаву. Он вполне мог сделать как-то иначе, чтобы не возникла ситуация непослушания, за которую Адам и Хава были наказаны, причем вовсе не

так, как было обещано; Вс– вышний обещал, что они умрут «в день, когда поедят с Древа Познания Добра и Зла», а Сам изгнал их в вечную ссылку, как бы нарушив собственное обещание.

Перевод, как это часто бывает, неточен. Именно сказано в Торе– «В день, когда поешь от него, *мол тамут*». Перевод Бранновера: «Как только вкусишь от него, должен ты умереть». Иногда *мол тамут переводят* как «смертию умрешь».

На самом деле Он ничего не нарушил. Он лишил их бессмертия, как мы увидим далее, но отсрочил смерть на тысячу лет. Но кто виноват, что прямолинейность мышления Адама и Хавы не позволила им рассмотреть всех вариантов? Дети, они и есть дети. (Объективности ради следует отметить, что смерть была заменена ссылкой в «трудовой лагерь с отягчающими условиями содержания» – то бишь на Землю).

Существуют десятки объяснений поведения всех персонажей. И все-таки выглядит Вс-вышний во всей этой истории как-то «не очень...» с нашей точки зрения. Немыслимо, чтобы Всесильный и Всеведущий Вс-вышний мог чего-то опасаться настолько, чтобы так поступить, или чего-то не предвидеть. А Адам и Хава – такие наивные, неопытные... Некрасиво.

Кроме того, угрожать им смертью за непослушание? В Ган-Эден вообще никто не умирал, по общему мнению мудрецов. Как-то нелогично... неубедительно. Только полный недоумок будет «объяснять» двухлетнему ребенку, что электричество в розетке может его убить. Ребенок никогда этого не поймет, у него нет опыта. И поэтому, с большой вероятностью, в тексте отсутствует место, объясняющее, каким образом Ему удалось все же растолковать Адаму степень опасности.

Значит?

Значит, историю эту надо понимать совсем иначе. Но сначала – о «классическом подходе».

Философическая аллегория

Некоторые мудрецы говорят, что возможный смысл истории о «грехопадении» состоит в том, чтобы показать человеку, что он не должен позволять себе судить о действиях Вс-вышнего, не имея реальной возможности определить разницу между «Добром и «Злом».

(Что такое Добро и что такое Зло – нигде не объясняется, кроме как в книге Алтер Ребе «Тания», да и то не с первых страниц.)

Конечно, этот рассказ – аллегория, смысл которой (по мнению мудрецов) в том, что Человек не может надеяться сделать правильный выбор в своих поступках, руководствуясь только лишь известной ему информацией. Поскольку эта информация ограничена, Человеку может быть неизвестна существенная ее часть. Другими словами, нельзя на все сто процентов быть уверенным, что твои действия не принесут больше вреда, чем пользы. Даже если ты действуешь с самыми лучшими намерениями.

Поэтому Вс-вышний предупредил Адама, что определенных действий делать НЕЛЬЗЯ. Каких именно? А таких, о которых сам Бог ему сказал, что НЕЛЬЗЯ. Человек же проявил так называемую «свободу воли» (а на самом деле – непослушание), нарушив «указания сверху». Так говорят мудрецы...

*Здесь надо сразу остановиться и вспомнить, что говорил РАМБАМ об этой самой «свободе воли». А говорил он, что **ответ на этот вопрос «не могут вместить в себя все океаны мира».** То есть непонятно, о чем вообще речь – типично схоластический подход. Отметим для себя, что, видимо, поэтому вопрос о свободе воли во все века был кардинальным вопросом всех философий, каждая из которых давала свой ответ на него. Потому что неизвестно, о чем речь...*

Современные же религиозные философы считают, что, предупреждая Адама (Речь шла о человечестве в целом: на иврите слово Адам означает «человек», а вовсе не конкретное имя.), Он имел в виду самый худший, с Его точки зрения, случай – что в результате неправильной оценки своих действий, без учета рекомендаций Вс-вышнего и его интересов, Адам может так повести дело управления своим хозяйством, что доведет до уничтожения вверенный ему мир. Эта точка зрения в наше время чуть ли не общепринята. И, между прочим, по мнению многих ученых, всё к тому идет.

Но ведь Адам был создан не для того, чтобы управлять миром! Он обязан был только «работать и охранять» (уж это четко сказано в Торе!). А управлять миром – дело вышестоящей инстанции!

Однако на промежуточном этапе, пока до катастрофы дело не дошло, человечество, отказываясь принимать в расчет не только советы

Вс-вышнего, но и само Его существование, вынуждено «работать в поте лица своего, добывая хлеб свой». Потому что, не умея самостоятельно отличать Добро от Зла, не понимая, что вредно, а что – полезно (причем в дальней перспективе), человек вынужден непрерывно исправлять свои ошибки, тратя на это всю свою жизнь. Поскольку при этом на общение с Вс-вышним у него практически не остается времени, человек для Б-га фактически умирает, что Он, по мнению некоторых философов, собственно, и имел в виду, когда говорил Адаму: «Вы умрете, если будете есть с этого дерева». Вот такое довольно-таки сложное умозаключение.

Это, так сказать, *философско-аллегорическое* объяснение истории, рассказанной Вс-вышним Моисею на Синае. При таком понимании снимаются кое-какие противоречия. Но, увы, далеко не все! Возникает множество вопросов, и на каждый вопрос мудрецы находят не меньше трех ответов, и на каждый ответ возникают еще вопросы... И так далее, и так далее. Весь этот процесс мудрецы называют «Изучение Торы». Ясно, что при таком положении дел вообще никогда нельзя получить определенного ответа, но в этом-то как раз и весь смак – получается, что изучение Торы конца не имеет, из чего следует, что Тора – бесконечна, как сама жизнь и само мироздание. А раз так, значит в ней есть ВСЕ! И значит, нужно изучать только ее, а все остальное – лишнее. И это вовсе не преувеличение; именно так считают духовные лидеры современного ортодоксального иудаизма.

В частности, вышеприведенное «философическое» объяснение по-видимому, сознательно уводит читателя от написанного в Торе! Ведь Древо Познания Добра и Зла на то и Древо Познания по прямому смыслу, что, поев его плодов, человек как раз становится способным различать между Добром и Злом, оценивать правильность своих поступков... Но... С чьей точки зрения?

Ответ прост – с точки зрения Того, кто это дерево посадил и вырастил. Ведь зачем-то оно Ему было нужно? С точки зрения Вс-вышнего, конечно. А не со своей собственной «адамовской» точки зрения!

Добро и Зло в Торе

История Адама и Хавы представляется одним из самых таинственных мест в Торе, и одновременно «ключевым» местом; не случайно же повесть о возникновении человека на Земле начинается именно с нее. И ни одно

из известных объяснений этого места мне не кажется убедительным. А ведь обсуждается важнейший вопрос – о Добре и Зле!!!

Кое-кто из мудрецов берет на себя смелость утверждать, что Человек (Адам) был создан уже со способностью различать между Добром и Злом. Но тогда при чем же тут Древо Познания Добра и Зла? Ведь только поев от плодов его, Адам и Хава смогли определять, что хорошо, и что – плохо? Поэтому такое объяснение неудовлетворительно.

Однако действия Адама и Хавы рассматривались Б-гом как грех! Если действие «поесть плодов с Древа Добра и Зла» означает научиться различать между Добром и Злом, то это значит, в свою очередь, что Б-г создал Человека вначале без этой способности, приравняв его к животным созданиям, также лишенным этой способности. И это значит, что Б-г вначале не имел в виду создать Человека, наделенного этой способностью. («Работать и охранять должен был этот Человек».) Б-г оставил за Собой право решать, что хорошо и что – плохо. Вспомните, при сотворении мира: «И увидел Б-г, что это – хорошо». Значит, понятия «хорошо» и «плохо» существовали задолго до появления Человека (если понятия вообще могут существовать сами по себе, а не в голове у кого-то). Право оценки всегда оставалось в компетенции Б-га просто потому, что для того, чтобы решить этот вопрос правильно в каждом конкретном случае, необходимо знать все последствия наших действий. А в пределах нашей компетенции это невозможно, у нас нет достаточного количества информации.

Чем же Человек отличался от животных? Только одним – наличием более высокоразвитого мозга, и связанной с этим способностью говорить. «Говорящее животное» – так обозначают обычного человека нынешние каббалисты. Правда, такая способность, как может показаться, была и у Змея (Нахаш – ивр.), который разговаривал с Адамом и Хавой. Чтобы преодолеть это противоречие, мудрецы предложили «объяснение», что Адам и Хава понимали язык животных, и змей говорил с ними на своем языке. Но в Торе об этом прямо не сказано. Значит, может быть и другое объяснение.

Создав Человека, Б-г создал существо с высокоразвитым мозгом, позволявшим ему заниматься всякого рода деятельностью, выходящей за рамки удовлетворения естественных потребностей. Так, он давал имена животным, что, вообще говоря, в тот момент никому особенно не было

нужно, в том числе и самому Господу Б-гу. Его занятие могло быть классифицировано как невинное развлечение. Не влияло это никак на поддержание порядка в Ган-Эден. Не было у Адама никакой необходимости различать между Добром и Злом. Потому что Добро и Зло – это оценка поступков. Звери не могут делать Доброе и Злое, это ясно, они созданы с определенными инстинктами, моделями поведения, и за свои поступки даже перед Б-гом не отвечают, потому что Он их создал такими. Добро и Зло – это оценка человеком и Вс-вышним чьих-то поступков (в том числе и своих) по отношению к другому разумному существу. А в момент совершения так называемого «греха», кроме Адама, Хавы, Змея и самого Б-га, в Ган-Эден вообще никаких разумных существ не было (если верить мудрецам)!

Согласно Торе, Человек (Адам), изготовленный Б-гом с определенными способностями, был создан и для вполне определенной цели: «И поместил Господь Б-г Ха-Шем Адама в Ган-Эден – возделывать его и охранять». Таким образом, перед Адамом была поставлена цель, отличная от назначения других животных. И выполнять это свое предназначение Адам мог только с помощью своего разума. Тем не менее, многие комментаторы (как средневековые, так и современные) утверждают, что в Ган-Эден вообще работать в нашем понимании было не нужно (а тем более «возделывать!») Стоило только подумать о чем-то, и оно само собой материализовалось. Так что «возделывать» вроде бы не было никакой необходимости. Даже если под словом «возделывать» понимать «работать». Но тогда как все это понимать?

Да и вторая функция («охранять») тоже не вполне ясна. Охранять можно от кого-то и от чего-то. Чтобы «охранять», нужна какая-то причина, нужна угроза. Никакой такой особенной причины «охранять» мы в это время в Торе не замечаем. И поэтому-то некоторые мудрецы пришли к фундаментальной мысли, что охранять Сад Адам должен был... от себя самого! Ибо мог разрушить только что созданный мир. П. Полонский уподобляет Адама оператору, сидящему за пультом ядерного реактора Планеты. Мудро... Красиво... Но при этом религиозный философ Полонский как-то «забывает», что Человек не мог разрушить мир в принципе, потому что создать этот мир мог только Всесильный, и без Его ведома ничего в этом мире не происходит (по утверждениям самих же мудрецов).

Согласно Торе, на «Шестой день» Вс-вышний создал людей, которым повелел овладевать землею и плодиться. О саде «Ган-Эден» речь заходит уже *после* описания цикла создания Мира. Мудрецы вполне справедливо отмечают, что это – нормальное явление для Торы, она постоянно возвращается к тем или иным событиям; а наша задача – понять, почему это так. Но почему именно в этом месте следует считать, что Тора прервала повествование? Ведь в тексте Торы нет даже знаков препинания, он сплошной! А потому, что иначе не удастся объяснить вышеуказанного противоречия – создания Адама на фоне уже существовавшего, плодящегося и размножающегося человечества.

Просто клубок противоречий! Спрашивается, как же можно идти далее этого места по Торе, если мы не понимаем самой основы, сути «Первого действия»?

В этом месте мы должны отойти от толкований мудрецов, и предположить, во-первых, самое простое – что процесс повествования в Торе после Седьмого Дня не прерывается, а продолжается. А это значит, что Ган-Эден был создан не для первого человека, а уже на более позднем этапе!

И зачем же тогда было сажать в Ган-Эден это самое «Древо» (да еще не одно, а два – там еще «Древо Жизни» фигурирует), да еще на самом видном месте (посередине)? Кто вообще ел его плоды?

Выходит, что само по себе поедание плодов с Древа Познания Добра и Зла не влекло за собой наказания (как старательно пытаются нам вбить это в голову некоторые). Дети (Адам и Хава) сразу не умерли, как им обещалось. Опасно было почему-то, что после этого Адам станет жить вечно. А это, видимо, не входило в расчеты Ха-Шема (хотя что же это тогда за Всеведущий такой!?) И ведь это было обставлено как преступление, то есть в чистом виде «подстава». Ведь когда Он предупреждал Адама, Он ему смертью грозил!

Согласно тексту Торы, поевши от Древа Познания (Добра и Зла), Адам стал равным самому Ха-Шему! И, если бы продолжал употреблять плоды Древа Жизни, то мог бы быть вечным, будучи одновременно материальным созданием! То есть даже встать (как бы) над ангелами. Тот, согласно одному из мидрашей, ангелы настойчиво отговаривали Ха-Шема от изготовления Адама. Конкуренция, что ли, есть между роботами?

Но зачем Вс-вышний спровоцировал Адама? Почему не поставил

непробиваемый заслон? Что, другого способа не существует защитить любимое дерево от посягательств браконьеров? Тем более, что пока мы все еще не понимаем, что это за Древо такое там росло?

Какой же Он после этого Всеведущий?! А если знал, то зачем нужна была эта провокация? Так что пока у нас во всей этой истории Ха-Шем только «теряет очки»...

Примечание. Алтер Ребе считает, что Добро – это стремление выполнять заповеди Торы. А Зло – стремление к запрещенному Торой. Но ведь Адам и Хава Тору не учили! Тора была дана НАРОДУ! А не отдельным людям. Следовательно, Добро и Зло от Древа Познания Добра и Зла – это что-то совсем иное!

Положим, если человек поел от Древа Познания Добра и Зла, он стал в этом отношении равным Богу, и бессмертие у него почему-то следовало отобрать. Что и было сделано. Но способность различать между Добром и Злом у него ведь осталась?! Ее не отобрали! Другое дело, что эта способность по каким-то причинам делала его непригодным на роль работника и охранника в Ган-Эдене. Да и мозги у него остались, и он мог продолжать работать в фирме «Ган-Эден» (хотя и непонятно – зачем, все равно там никто не работал).

Так вот вопрос – сохранилась у него эта способность к различению сле изгнания? Видимо – да. Тогда чего добился Ха-Шем этим изгнанием? Устранил конкурента? Но почему он его не уничтожил? Зачем еще к тому же и Землю проклинать?

Может быть, Ха-Шем сказал Адаму и Хаве: «Вы умрете», уже заранее имея в виду, что в случае нарушения запрета Он выгонит (должен будет выгнать) их из Ган-Эдена, и потому лишит доступа к Древу Жизни?

Но разве можно давать указания подчиненным, не объясняя существа дела?

Можно. Если ты уверен на сто процентов, что подчиненный выполнит твой приказ как робот.

И еще ВОПРОС: «Почему нельзя совместить вечную жизнь (да еще в раю) с пониманием «Добра и Зла»? Разве те, кто не гонятся за наслаждениями, живут дольше остальных?»

На этот вопрос в рамках «классического» понимания текста Торы ответ, похоже, найти довольно трудно. Потому что никак не связана, видимо,

продолжительность жизни ни со способностью к состраданию, ни с наличием души, ни со способностью предвидеть будущее.

Фабула Торы, с одной стороны, утверждает представление о Боге как о некоей ужасной карающей силе. Ведь с момента сотворения человека (а мы еще не так далеко ушли по Торе) пока еще ниоткуда не следует, что Вс-вышний Всеблаг. Наоборот, он предстает перед нами именно таким, каким его видел Моше – Всемогущий, Скорый на расправу, Страшный, Ужасный, Грозный. Но Справедливый, хотя и в том только смысле, что свои благодеяния в отношении Его народа (а не отдельного человека) обуславливает полным повиновением Его требованиям. Однако какой смысл в этих требованиях, если Цели Вс-вышнего неисповедимы, да и пути Его – тоже?

С другой стороны, фабула Торы заставляет нас усомниться в адекватности толкований, предлагаемых нам мудрецами.

Поэтому пока еще не вполне ясно, почему Вс-вышний запретил человеку жить вечно, или хотя бы тысячу лет? (Кстати сказать, первые потомки Адама жили примерно столько).

Разве Вс-вышний не настолько всемогущ, чтобы мгновенно скорректировать любой промах человека, любое его неправильное действие, если оно противоречит идее Добра и Зла, как это понимает сам Вс-вышний?

Почему не установить прямой канал связи с человеком (а именно это и делается в конце нашей работы), чтобы корректировать его действия с учетом точки зрения Вс-вышнего? Зачем заставлять человека действовать методом проб и ошибок?

Современному человеку, знакомому с теорией автоматического регулирования процессов, «такой» мир представляется весьма убогим творением при всей его сложности. Если в Системе отсутствуют каналы регулирования (прямые и обратные), то такая Система долго не протянет. А она существует уже миллионы лет. Значит?

Значит, убоги наши представления о ней, изложенные в толкованиях мудрецов, а не структура самой Системы!

Стало быть, из самой этой истории однозначно следует – *такого* Вс-вышнего не существует. При Живом Б-ге *такого* просто не могло произойти.

Таким образом, мы приходим пока не к доказательству Существования или Бытия Б-га, а именно к пониманию *невозможности существования ТАКОГО Б-га*, к невозможности для нормального (с нашей точки зрения) Вс-вышнего совершать подобные поступки.

По моему нескромному мнению, подчиненные все-таки должны понимать цели и методы руководства. Иначе они превращаются в роботов, а именно это и отрицается мудрецами по отношению к Человеку!

Конечно, кому нравится быть роботом, тот со мной не согласится.

Что мы еще отсюда учим? Что, имея дело с герменевтическим текстом, допускающим множество толкований, вряд ли возможно восстановить истинную, реальную картину. Поэтому экзегеза (согласно РАМБАМу – выход за рамки общепринятых представлений) является единственным правильным выходом из положения. *Мы должны нарисовать картину сами*, следя только за тем, чтобы в нашей логической «системе координат» было минимальное количество нестыковок и противоречий, и чтобы извлекаемая из рассказа мораль была, так сказать, «максимально человеческой» и одновременно соответствовала бы Торе!

Этим мы теперь и займемся...

Продолжение следует.

Ирина Л. Лир

Двойная радуга и ее компания

Люди издревле наблюдают радугу – разноцветную дугу в небе, появляющуюся в дождливую погоду и состоящую из семи полос в строгой последовательности цветов: красный, оранжевый, желтый, зеленый, голубой, синий, фиолетовый. Когда же дождь стихает, а затем и вовсе прекращается, радуга блекнет, теряет четкость границ и исчезает.

Во многих культурах радуге придавали священный смысл. Считалось, что она символизирует славу бога неба, мост или границу между земным миром и небесным, милосердие Бога и его любовь к людям. В разных религиях есть легенды о разноцветной радуге, приносящей счастье.

Древние греки считали, что радуга соединяет земной мир с небесным, и богиня Ирида передает с помощью радуги послания богов людям. В Древней Руси считалось, что радуга приносит удачу. Ее называли «райской дугой» или «райдугой». Так слово «радуга» закрепилось в русском языке. А в английском языке радуга называется rainbow – дождевая дуга. Кстати, слово rainbow в английском языке имеет еще второе значение – многоцветье, что как раз характеризует радугу. По известному ирландскому поверью, тот, кто дойдет до того места, где радуга упирается в землю, найдет там горшок с золотом.

В главных книгах трех религий (еврейской Торе, христианской Библии и мусульманском Коране) сказано, что радуга впервые появилась на небе после Всемирного потопы как знак напоминания Всевышнему об обещании, которое Он дал Ною, – сохранить жизнь человечеству и более никогда не губить землю в водах потопы (Тора, книга Бэрешит, глава Ноах, 9: 12-17).

В иудаизме есть особое благословение – Биркат ха-Кешет (благословение радуги). Его произносят, когда человек видит радугу. Слово «кешет» на иврите имеет несколько значений, в том числе – радуга, лук, дуга. Действительно, радуга и лук имеют форму дуги. Радужная дуга расположена на небе так, что из такого «лука» невозможно «выстрелить» в сторону земли. В старину, когда главным оружием на войне был лук со стрелами, перевернутый лук служил символом перемирия.

Сегодня наука знает, что разноцветная дуга в небе – это не проявление

каких-то таинственных сил, а сложное атмосферное оптическое явление. Появление радуги связано с преломлением солнечного света на сферической поверхности дождевых капель и отражением преломленного луча от внутренней стенки капли.

Световой луч, переходя из воздушной среды в водную, на границе воздух–вода изменяет направление своего распространения. Это явление называется преломлением. При этом белый цвет разлагается на составляющие его части со световыми волнами разной длины. Волны определенной длины наш глаз воспринимает как определенный цвет – от красного (самые длинные волны) до фиолетового (самые короткие). Это – так называемая видимая часть солнечного спектра с диапазоном волн 400-700 нм. А есть еще та, которую наш глаз не видит, – ультрафиолетовые волны (короче фиолетовых, лежат в диапазоне 200–400 нм) и инфракрасные (длиннее красных, в диапазоне 400–2000 нм). Ультрафиолет дает нам загар на коже, а инфракрасные волны мы ощущаем как тепло.

Кстати, этим же явлением преломления света объясняется разноцветная игра бриллиантов.

Явление преломления светового луча при его прохождении через границу двух прозрачных сред с различной оптической плотностью (способностью поглощать свет) впервые описал Исаак Ньютон в 1666 году. Он назвал это явление дисперсией света (рис. 1). Поразительно, что такое фундаментальное открытие было сделано не в дорогой оснащенной лаборатории, а с помощью самых простых бытовых вещей: оконной ставни со щелью и стеклянной призмы.

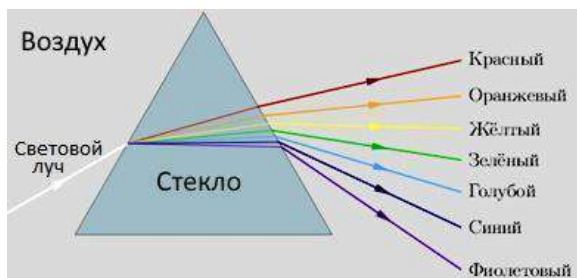

Рис. 1. Схема опыта Ньютона: дисперсия светового луча при прохождении через стеклянную призму

Когда лучи светового пучка падают на сферическую поверхность капли под разными углами наклона к поверхности (называемыми углом падения), преломляются на границе воздух-вода, отражаются от внутренних стенок капли, еще раз преломляются на границе вода-воздух, то мы видим на небе окрашенную дугу, которую называем радугой (рис. 2). Если же луч падает перпендикулярно поверхности, то преломления не происходит – во второй среде луч сохраняет своё направление.

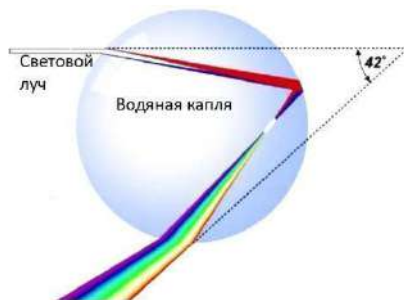

Рис. 2. Принцип образования радуги

Принято выделять семь основных цветов радуги, но на самом деле спектр непрерывен и состоит из плавных переходов через множество промежуточных оттенков. Наблюдать радугу можно только если солнце находится у нас за спиной, а перед нами – слой капелек воды, отражающий его свет. Поэтому обычно мы видим радугу во время или вскоре после дождя, когда воздух насыщен водяными каплями.

Чтобы легко запомнить последовательность основных семи цветов, есть специальные мнемонические фразы на разных языках. Самая известная из них на русском – «Каждый Охотник Желает Знать Где Сидит Фазан». Первая буква каждого слова этой фразы соответствует первой букве названия очередного цвета в радуге. Есть также хорошо известная фраза для любителей городской хроники: «Как однажды Жак-звонарь городской сломал фонарь».

Другие фразы менее известны, но выполняют свою функцию не хуже. Вот несколько примеров из Википедии.

Результат журналистского расследования о кротовой жизни:

Крот овце, жирафу, зайке голубые сшил фуфайки.

Крот один живет зимой, грызет сладкую фасоль.

Или вот порождение всеобщей компьютеризации: *Каждый оформитель желает знать, где скачать фотшош.*

А вот несколько авторских, придуманных в ходе подготовки этой статьи:

Командир окружил железным заслоном главный северный форпост.

Крутой обрыв ждет зимой героев сложной фотосъемки.

Крупные орхидеи желтели за голубыми струями фонтана.

Каракулевые овцы ждали знаменитого главного стригаля фермы.

Конференция открылась жестким заявлением главы союза филателистов.

Кратким опросом жителей завершился городской спортивный фестиваль.

Кабан обнаружил желуди за грудой старой фанеры.

Радуга – это не конкретный материальный объект, находящийся на небе в строго определенном месте. В дождливую погоду в воздухе находится одновременно огромное количество водяных капель, и каждая из них преломляет и отражает падающий на нее свет по одну и тому же закону. Но увидит ли наблюдатель радугу – зависит от местоположения его и солнца (рис. 3).

Рис. 3. Схема образования радуги относительно наблюдателя. Центр радуги находится на одной прямой с нашими глазами и Солнцем

А вы уверены, что радуга – это дуга? На самом деле она выглядит дугой лишь с земли. Радуга является полной окружностью с угловым радиусом 42° (рис. 3). Горизонт скрывает вторую половину радуги, и мы видим лишь ее часть. Из самолета, с вершины горы или с верхних этажей самых высоких небоскребов можно увидеть радужный круг. Чем выше точка наблюдения, тем полнее видимая часть радуги.

А какого размера радуга? Это можно было бы вычислить, если знать с какого расстояния мы ее наблюдаем в данный момент (рис. 4).

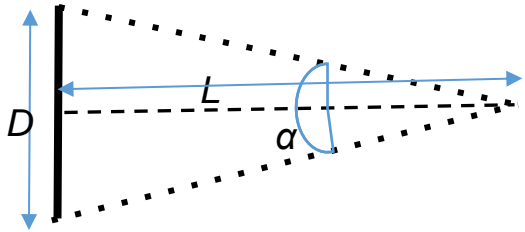

Рис. 4. Связь между угловым размером объекта, его линейным размером и расстоянием между объектом и наблюдателем: D – линейный размер объекта, L – линия наблюдения, перпендикулярная отрезку D и проходящая через его середину, угол α – угловой размер отрезка D

Угловой размер объекта, его линейный размер и расстояние от наблюдателя до объекта связаны между собой соотношениями:

$$L = \frac{D}{2tg\frac{\alpha}{2}} \quad D = 2Ltg\frac{\alpha}{2} \quad \alpha = 2arctg\frac{D}{2L}$$

Таким образом, зная два из этих трех параметров, можно вычислить третий. В астрономии так вычисляют размеры небесных тел, при этом используют термин «угловой диаметр» – видимый диаметр небесного тела, выраженный в угловых мерах.

В зависимости от состояния атмосферы (температуры, влажности, размера и количества водяных капель, интенсивности солнечного света) меняются параметры преломления светового луча. Соответственно, радуга может выглядеть по-разному – отличаться яркостью, контрастностью, цветностью, шириной и даже количеством дуг. Так, если дуга яркая, хорошо видны все семь цветов и особенно много красного насыщенного, значит солнечный свет преломляется через очень крупные капли дождя. Но так бывает редко. Чаще всего наиболее четко видны красная и зеленые полосы, а остальные – менее яркие и их контуры размыты. Если моросит мелкий дождик, то радуга широкая, а оранжево-желтая часть спектра блеклая.

Существует белая радуга. Ее также называют туманной. Чаще всего она кажется белой, но иногда бывает голубоватой или розоватой. Белая дуга образуется в полосе тумана, водяные капельки которого гораздо мельче, чем дождевые, и преломляют свет по-другому. Такой туман

возникает над болотами, в горах и над открытым морем. Иногда высоко в небе образуются белые дуги облачной радуги. Их можно наблюдать из самолета. Во время восхода или заката они становятся розовыми.

Самый редкий вид радуги – лунная. Она появляется яркой лунной ночью на противоположной от Луны стороне неба. Человеческий глаз слабо воспринимает цвета при недостаточном освещении, поэтому лунная радуга может казаться белой, но современные исследования показывают, что она – цветная, имеет тот же радиус, что и солнечная, и отличается от нее только меньшей яркостью.

Одним из самых красивых видов считается двойная радуга. При этом на небе видны две дуги одна над другой. Нижняя – меньшего радиуса, более яркая, с четко выраженными цветами. Верхняя – большего радиуса, менее яркая, более размытая. Нижняя дуга называется главной, а верхняя – побочной (Фото 1–3).

Фото 1. Двойная радуга в ноябре 2023 года над Хайфским заливом в Израиле (фото автора)

Помимо наличия двух дуг, характерной особенностью двойной радуги является взаимное расположение дуг в пространстве: они обращены друг к другу красными полосами. У главной дуги красная полоса расположена на выпуклой стороне, а у побочной – на вогнутой. За красными полосами следуют полосы других цветов в обычном порядке спектра. Таким образом, нижняя полоса главной дуги и верхняя полоса побочной дуги –

фиолетовые. Участок неба между двумя дугами обычно заметно более тёмный. Эту область называют полосой Александра, в честь Александра Афродисиаса, который впервые задокументировал это явление в 200 году нашей эры.

Фото 2. Двойная радуга в ноябре 2024 года над Хайфским заливом в Израиле (фото автора)

Природа двойной радуги (рис. 5 и 6) такая же, как и обычной (преломление и отражение солнечных лучей), но вторичная дуга образована лучами, дважды отразившимися от внутренней поверхности капли. Фактически, это отражение отражения (рис. 5). Угловой радиус вторичной радуги обычно находится в диапазоне 50–53°.

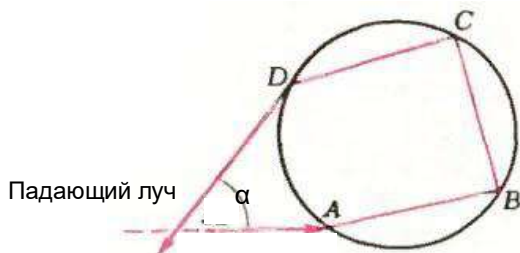

Рис. 5. Схема двойного отражения внутри капли: А – точка преломления падающего луча на поверхности капли (на границе сред «воздух-вода»), В и С – точки первого и второго отражений от внутренней поверхности капли, Д – точка второго преломления луча (на границе сред «вода-воздух»), α – угловой радиус.

Фото 3. Двойная радуга в феврале 2025 года над горой Кармель в Израиле (фото Рики Бар – קשת כפולה על הר הכרמל בישראל בפברואר – צלמת ריקי בר 2025)

Итак, обобщая: лучи солнца падают на водяную каплю, находящуюся в воздухе, как пучок параллельных лучей и преломляются на кривой поверхности капли под разными углами. Внутри капли лучи отклоняются от своего первоначального пути различно, в зависимости от угла, под которым луч упал на каплю. Дойдя до противоположной стенки капли, лучи частью пройдут через нее, частью отразятся от стенки и, пройдя через

каплю еще раз, опять переломятся при выходе. Так как в воздухе находится много капель, расположенных одинаково по отношению к солнцу и глазу человека, то все преломленные лучи сольются. Соответственно глаз увидит не отдельные цветные точки, а целые цветные полосы. Эти полосы будут расположены в виде дуг, поскольку лучи одинакового цвета будут попадать в глаз только из тех капелек, которые расположены на конусообразной поверхности, ось которой проходит через глаз наблюдателя, а основание лежит там, где находятся капли. Образование второй побочной радуги объясняется тем, что здесь пучок солнечных лучей попадает на капли под таким углом, что претерпевает два преломления и два отражения от стенок. Поэтому у побочной радуги фиолетовый цвет будет на выпуклой, а красный — на вогнутой стороне дуги. Из-за рассеивания энергии побочная радуга всегда менее яркая.

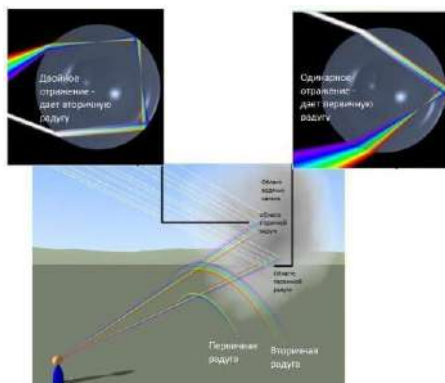

Рис. 6. Схема образования двойной радуги

Законы оптики допускают множественные радуги с числом дуг гораздо большим двух, поскольку солнечный луч способен отражаться от внутренних стенок капли множество раз. Как правило второе отражение имеет место, но, из-за рассеивания энергии, оно слабее, и его трудно увидеть нашими глазами. Последующие дуги настолько блеклые, что практически не различимы человеческим глазом.

История науки знает всего несколько сообщений о наблюдении тройной радуги в естественных условиях. И только на рубеже 20-го и 21-ого веков с помощью специальных методов фотосъемки и обработки изображения удалось зафиксировать радуги четвертого, пятого и

седьмого порядков, о чем писал журнал Applied Optics. А в лаборатории с помощью лазерного излучения удается получать радуги значительно более высоких порядков. Так, журнал Американского Оптического Общества (Journal of Optical Society of America) неоднократно сообщал о множественных радугах вплоть до двухсотого порядка.

В семействе радуг есть пришелец, который тоже называется радугой, но таковой не является. Зимняя радуга, называемая также «гало», – это тоже атмосферное оптическое явление, но, при некотором внешнем сходстве с радугой, оно имеет несколько принципиальных отличий.

Гало возникает при преломлении световых лучей кристаллами льда, а не капельками воды (как обычная радуга).

Радугу можно наблюдать только напротив светила, т.е. стоя к нему спиной, а гало возникает как вторичное свечение вокруг самого источника света.

В радуге в той или иной степени наблюдаются все присущие ей цвета, а в гало мы обычно видим только красно-оранжево-желтую гамму. В редких случаях проявляется весь спектр или, наоборот, неокрашенное гало.

С земли радуга обычно видится как дуга или часть дуги. Форма гало зависит от ориентации кристалликов льда в пространстве. Перемещаясь в низких слоях атмосферы и в перистых облаках, они вращаются, дрожат, падают, и преломление световых лучей происходит под разными углами. Соответственно, гало бывает в форме одиночных или множественных кругов, колец, дуг, световых столбов, а также в виде «алмазной пыли». В переводе с греческого «гало» означает «круг» или «диск».

При наличии в небе перистых облаков иногда можно увидеть зенитную радугу – близкую к зениту яркую «перевернутую» дугу, у которой красный на нижнем выпуклом крае и фиолетовый – на верхнем вогнутом. Это тоже вид гало, хотя его часто называют радугой.

Радугу «вверх ногами» очень редко можно наблюдать над обширными водными пространствами. Это бывает, когда солнечные лучи дважды отражаются на своем пути: первый раз – от спокойной, зеркальной глади водоема и второй раз – от дождевых капель.

Гало можно наблюдать на небе ночью и днем, вокруг солнца или луны, а в холодную погоду – даже вокруг уличных фонарей и ламп. Наиболее

благоприятными условиями для возникновения гало являются сильный мороз, яркий свет и высокая влажность, поэтому гало особенно часто встречается за полярным кругом.

Народные приметы северной Руси гласят, что появление на небе зимней радуги предвещает метели и снежные бураны. Метеорологи подтверждают, что это действительно так.

Не следует путать гало высоких широт (приполярных областей, ограниченных примерно 65° северной и южной широты) с полярным сиянием, которое тоже является атмосферным оптическим явлением, но имеет другую физическую природу.

Полярное сияние – это свечение (люминесценция) верхних слоев атмосферы. Оно возникает вблизи полюсов, когда электроны и протоны солнечного ветра (потока высокоэнергетичных частиц, излучаемых солнцем), приходящие из космоса, вызывают ионизацию газов верхних слоев атмосферы, в основном кислорода и азота. При этом часть энергии преобразуется в видимый свет, и мы наблюдаем завораживающее зрелище из цветных полос, дуг и вспышек.

И в заключение – немного о пользе радуги. Разумеется, никакой горшок с золотом никого не ждет в месте касания радуги с землей, хотя бы потому что такого места просто нет. Ведь радуга – это игра света, оптическая иллюзия, живущая по законам физики. Но, по словам психологов, наблюдение за красивыми и интересными природными явлениями благоприятно влияет на нервную систему человека, укрепляет организм в целом и помогает отвлечься от текущих бед и тревог. Особенно, если верить в народные приметы, согласно которым двойная радуга – это символ счастья, гармонии и предвестник начала большой "белой полосы" в жизни.

А тем, кому интересен жанр акростиха, радуга предлагает возможность творчества. Кстати, ученые говорят, что активная работа мозга позволяет долго сохранять его здоровым и избегать визита незваного гостя Альцгеймера.

Дмитрий Северюхин

Перелистывая страницы древней истории: Библейский цикл Анастасии Зыкиной

Графическое искусство можно представить себе как особую форму художественного размышления, соединяющую аналитическое познание внешнего мира с бессознательно-чувственным, возможно, сакральным мировосприятием. Это искусство сродни ваянию – за кажущимся волшебством импровизационной лёгкости могут скрываться месяцы внутренних переживаний и кропотливого рукоремесла. Именно эти качества во многом определяют цельность художественно-образного выражения и остроту психологических характеристик.

Анастасия Зыкина занимает особое место в плеяде мастеров современной графики. Художник-философ и драматург, творчество которого отмечено редким в наши дни духовным аристократизмом, она ещё в свои ранние годы снискала признание как автор иллюстраций к произведениям Достоевского и Леонида Андреева, выходящих по своему строю за рамки традиционного представления о профессии иллюстратора. За этим последовали и другие работы в разных направлениях, техниках и жанрах, однако графика стала излюбленным и наиболее плодотворным полем художника.

Традиционное искусство гравирования и печати, воспринятое от корифеев петербургской графической школы, обогатилось в творческом сознании Зыкиной широким визуальным опытом, почерпнутым, среди прочего, в ходе азартного и вдумчивого восприятия классического и современного искусства. Дополненное историческими познаниями и собственными новациями, оно обретает у неё самостоятельное смысловое звучание и становится ключевой составляющей изобразительного языка. Его особенность заключается в обыгрывании и противопоставлении различных графических приёмов, в напряжённой драматургии силуэтов и пятен, штрихов и фактур.

Излюбленная техника Анастасии – офорт во всём его многообразии: от классического штриха до меццо-тинто, открытого травления и сухой иглы. При этом офорт нередко соединяется у неё с техникой монотипии, позволяющей достичь фактурной полифонии, и шелкографии, дающей

возможность обращаться к фотообразам. Многие её работы могли бы, кажется, служить неким наглядным пособием по всему технологическому арсеналу эстампа, причём почётное место в этом пособии следовало бы уделить и её печатным латунным доскам, несомненно, имеющим самостоятельное художественное значение. Между тем с каждым новым проектом художник всё более удаляется от классических представлений об искусстве графической печати, осваивая сферу свободного полёта, что продиктовано, видимо, скрытыми импульсами внутренней необходимости.

Библейская серия Анастасии Зыкиной стала очередным значимым шагом в работе художника. Новый цикл, связанный со сравнительно малоизвестными книгами Библии, представляет собой не прямой иллюстративный ряд, но, скорее, графическую сюиту, каждый лист которой имеет самостоятельное станковое звучание. Вопреки распространённой традиции, художник отказывается от детального изображения того или иного эпизода, сводя фабульную составляющую к минимуму. Мы не найдём у неё навязчивого многословия и бытописательства, привычной бутафорской мизансцены. Она фокусирует внимание на главных смысловых блоках, мотивах и символических вехах повествования, вырабатывая собственный язык, созвучный литературному материалу.

Драматическая история формирования древней еврейской общины, долгий путь благочестия приверженцев Моисеева Закона и возведение Иерусалимского храма – всё это предстаёт у Анастасии Зыкиной в предельно обобщённых, почти эмблематических образах. Фотографической рельефности современных лиц и эффектным «фотонаплывам» она противопоставляет условно-плоскостное решение фона, испещрённого древними письменами из Септуагинты или свитков Кумрана. Это противопоставление как будто призвано подчеркнуть вневременной характер повествования, что производит впечатление своеобразного палимпсеста, образованного причудливым наслоением и переплетением исторических пластов или, если прибегать к музыкальным аналогиям, вокального многоголосья.

Страстные назидания Ездры и Неемии, сказочная история долгого путешествия Товия, соблазнительные для художников всех времён героические легенды о Юдифи и Эсфири адресуются каждому из нас и становятся частью нашей современности. В то же время размеренность и

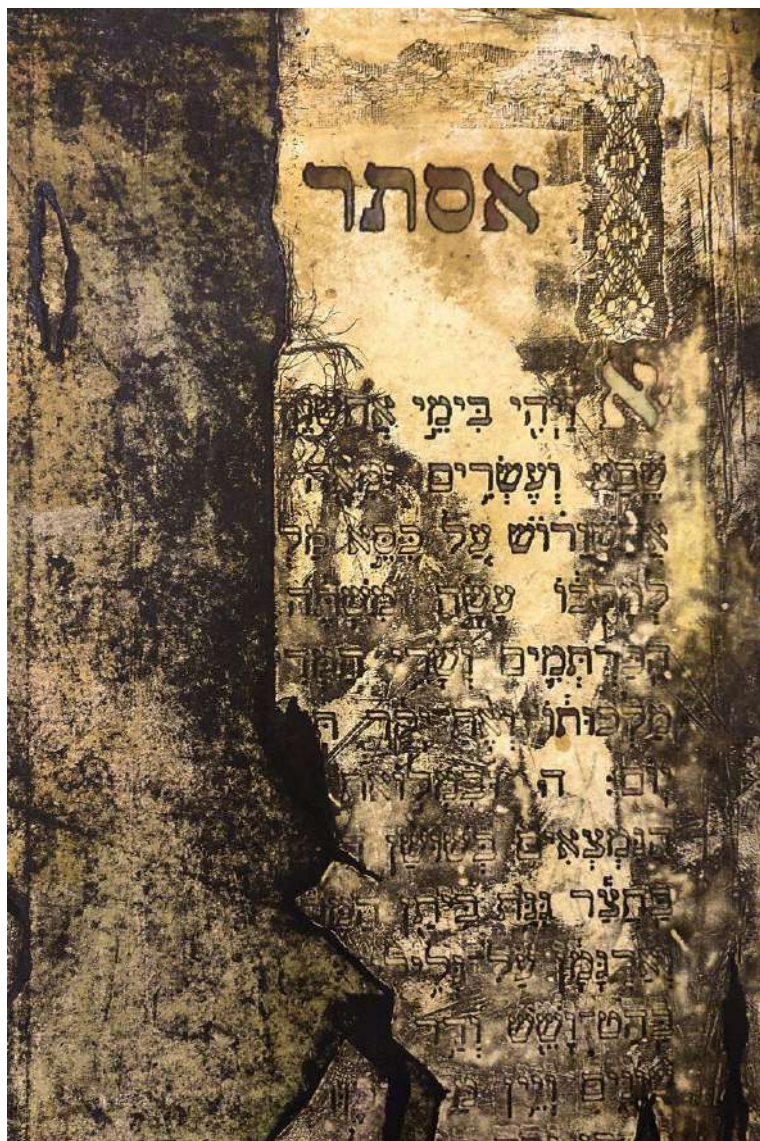
некоторая монотонность старинных текстов, избылиующих именными перечислениями и списками храмовых пожертвований, находят у Анастасии Зыкиной отголосок в подчёркнуто выраженном ритмическом строе отдельных листов, соотносимых с древними барельефами Египта и Междуречья. Храм и стена, скалы и небеса, бесконечная дорога и старинный манускрипт, представленные художником на разворотах книги для разделения повествовательных блоков, становятся ключевыми, организующими элементами этой графической симфонии.

Тяготение к формальному экспериментированию и отказ от банальной «иллюстративности» по внешним признакам роднят Анастасию Зыкину с иными приверженцами концептуализма, сводящими идею искусства исключительно к феноменам индивидуального сознания. Вместе с тем ясная метафоричность её художественного языка, определённая её ассоциаций и символов, наконец, углублённая увлечённость профессионально-технической стороной художественного дела – всё это выдвигает её в авангардный ряд современных художников-реалистов, апеллирующих к интеллекту и чувственности, побуждающих нас перелистывать страницы древней истории.

Примечание:

В названиях картин использована традиционная русская транслитерация библейских имен.

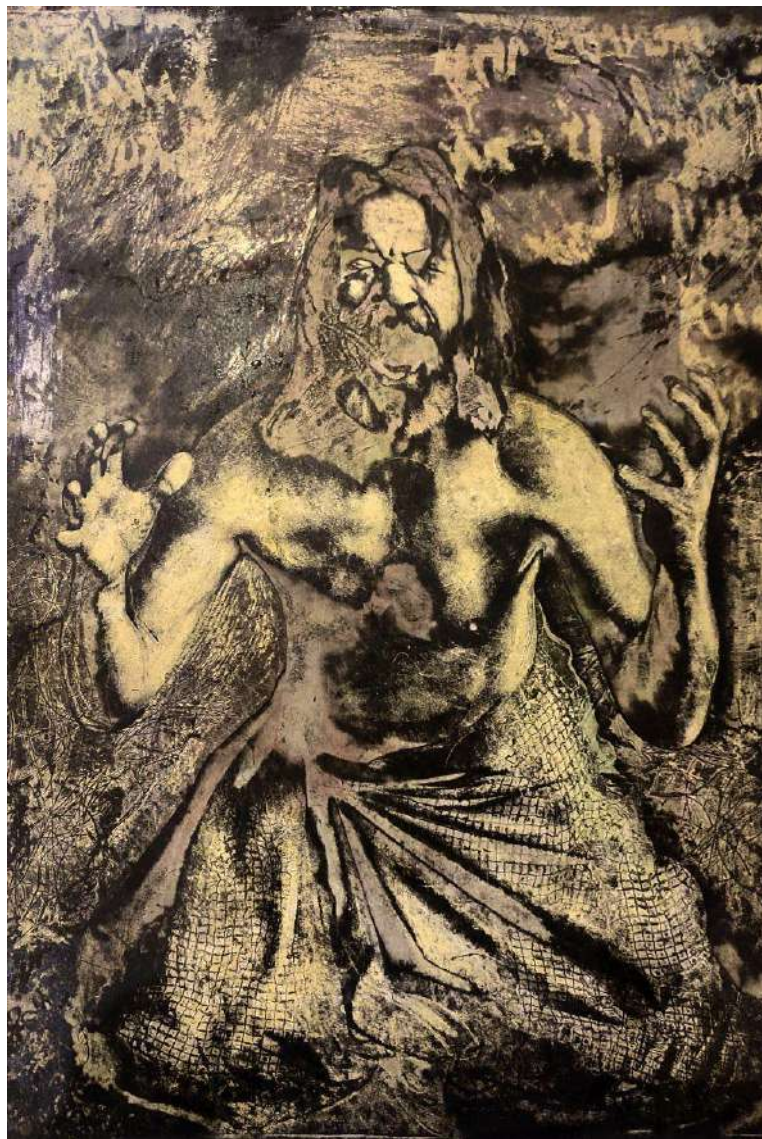
Картинная галерея. Анастасия Зыкина

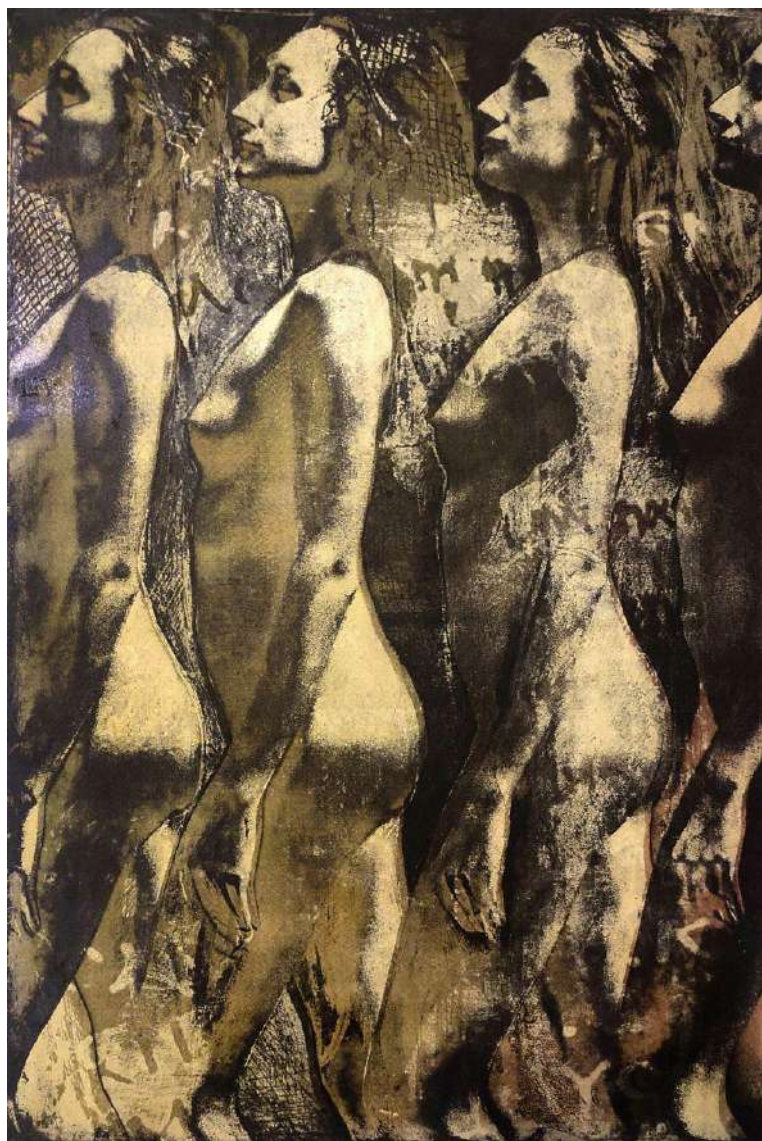
Книга Эсфири. 60x40. Офорт, шелкография, 2019 г.

Эсфирь и Мардохей. 60x40. Офорт, шелкография, 2019 г.

Мардохей. 60x40. Офорт, шелкография, 2019 г.

Эсфирь. Наложницы. 60х40. Офорт, шелкография, 2019 г.

Вторая Книга Ездры. 60x40. Офорт, шелкография, 2019 г.

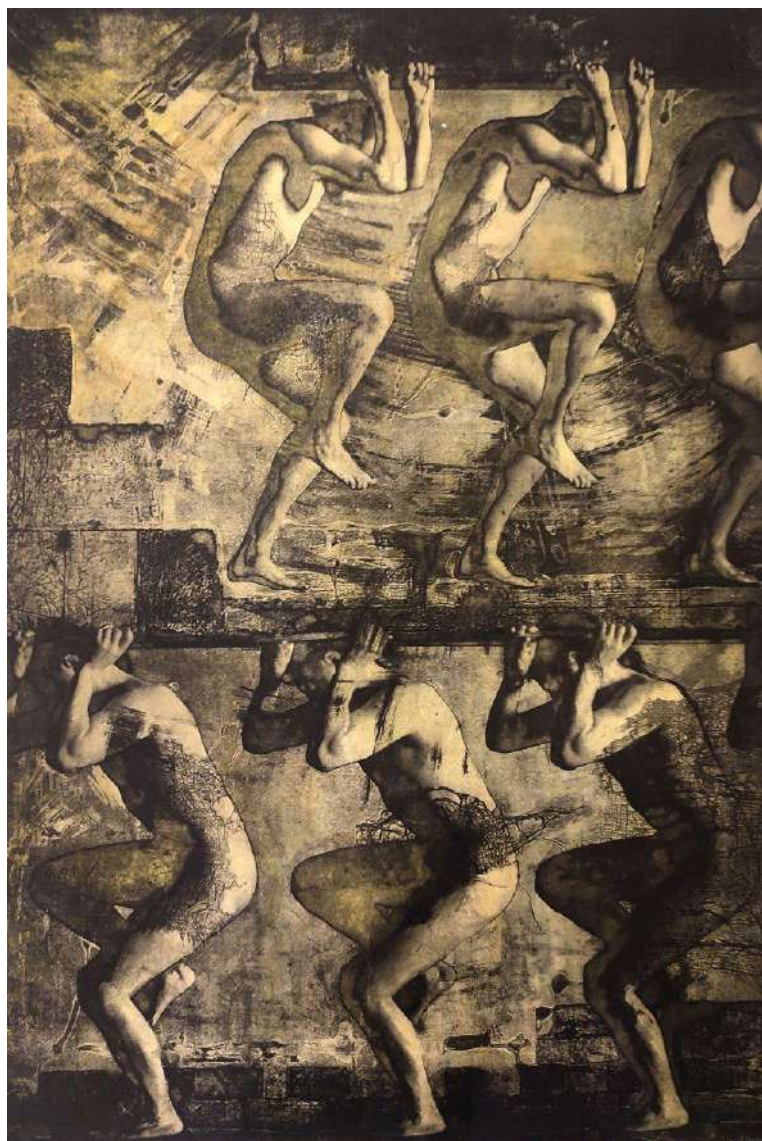
Вторая Книга Ездры. 60x40. Офорт, шелкография, 2019 г.

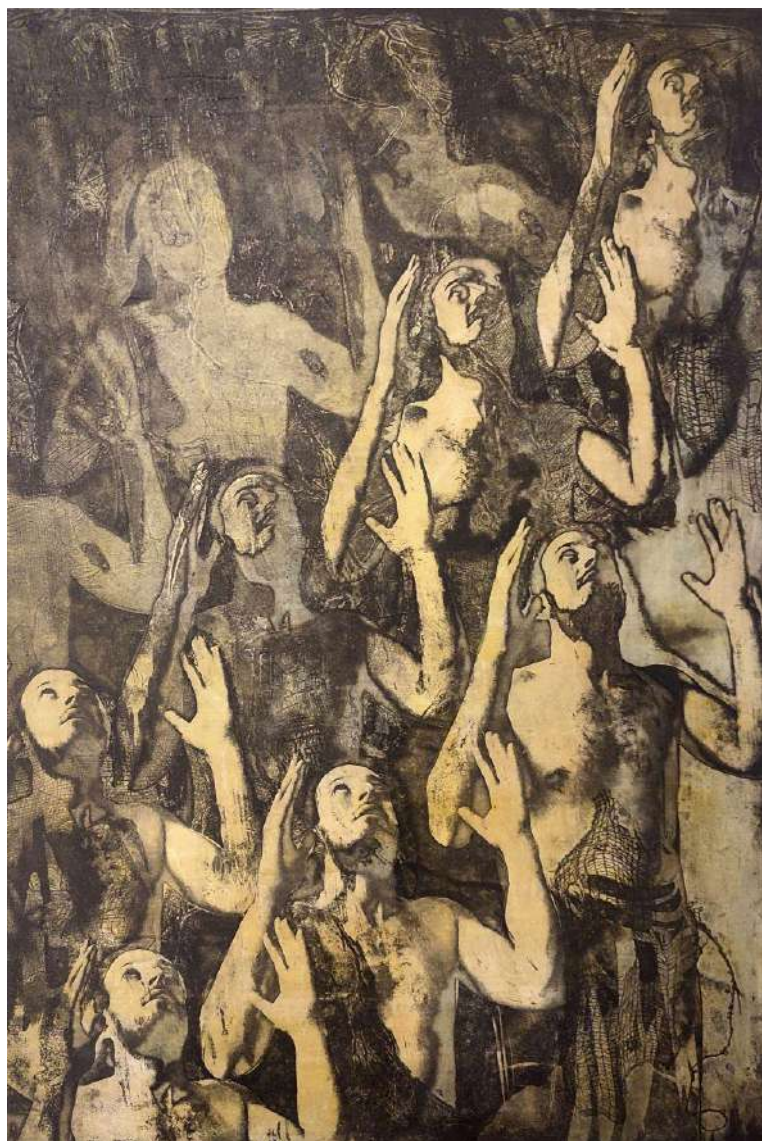
Первая книга Ездры. 60x40. Офорт, шелкография, 2019 г.

Книга Неемии. 60x40. Офорт, шелкография, 2019 г.

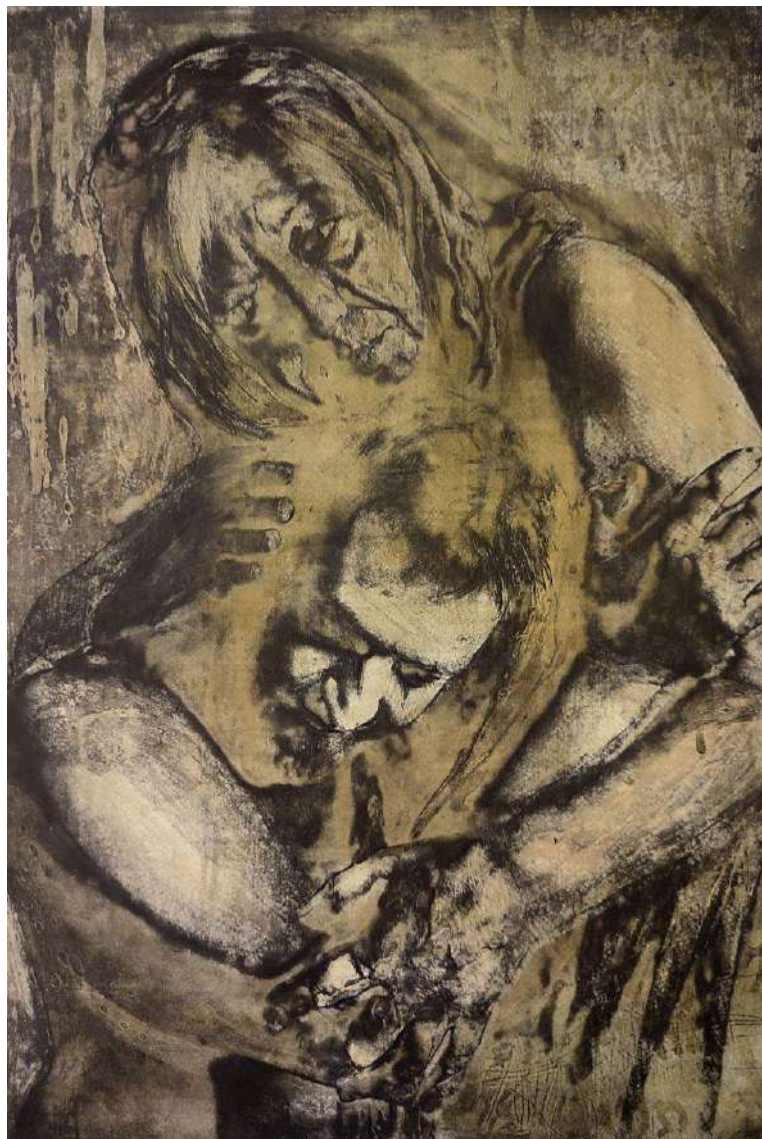
*Книга Неемии. Строительство Храма.
60x40. Офорт, шелкография, 2019 г.*

Книга Неемии. 60x40. Офорт, шелкография, 2019 г.

Книга Товита. 60x80, офорт, шелкография, 2019 г.

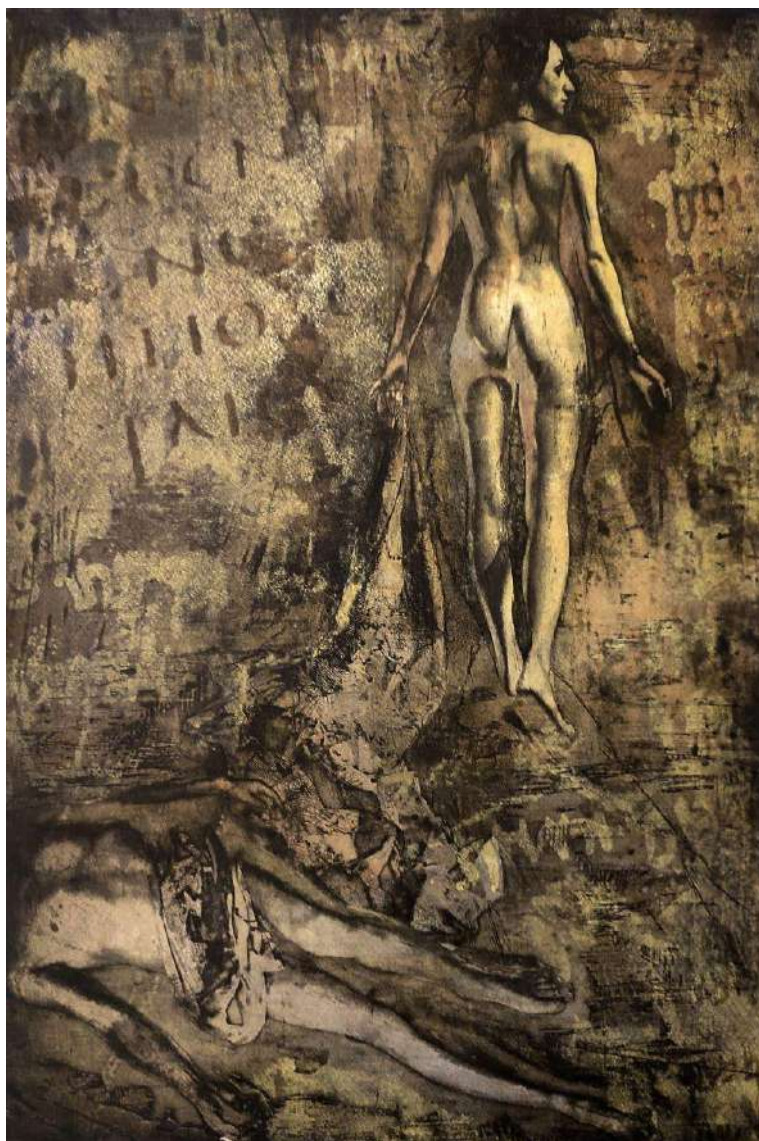
Книга Товита. 60x40, офорт, шелкография, 2019 г.

Книга Товита. 60x40, офорт, шелкография, 2019 г.

Юдифь. 60x40. Офорт, шелкография, 2019 г.

Юдифь и Олоферн. 60x40. Офорт, шелкография, 2019 г.

Юдифь. 60x40. Офорт, шелкография, 2019 г.

Сведения об авторах

Надя Делаланд. Поэт, писатель, литературный критик. Практикующий психолог, арт-терапевт, генеральный директор центра арт-терапии и интермодальной терапии искусствами «Делаландия».

Кандидат филологических наук.

Публиковалась в журналах «Новый мир», «Арион», «Дружба народов», «Звезда», «Знамя», «Нева», «Волга», «Новая юность», «Сибирские огни», «Урал», Prosodia, «Вопросы литературы», «Слово/Word», «Фома» и др. Автор четырнадцати поэтических книг, романа «Рассказы пьяного просода» и книги для детей.

Стихи переведены на английский, итальянский, испанский, немецкий, эстонский и армянский языки. Родилась в Ростове-на-Дону, живет в Москве. Входит в Союз российских писателей.

Леонид Дынкин. Родился в Москве в 1937 году.

Окончил МИСИ (специальность – сейсмостойкие конструкции). Участник студии И. Волгина в МГУ, творческой мастерской Г. Л. Рошаля в Центральном Доме кино. В 90-е годы репатриировался в Израиль.

Работал в Тель-Авивском инженерном объединении.

Долгое время жил в Ашкелоне, сейчас – в Тель-Авиве.

Автор 4 книг стихов.

Александр Вильшанский. Родился в Москве.

Инженер-радиотехник, кандидат технических наук.

В Израиле с 1998 г. Живет в Хайфе. В течение 15 лет работал в Технионе. Автор нескольких книг, пять из них – по физической физике.

Ирина Л. Лир. Член Союза русскоязычных писателей Израиля. Автор рассказов, мемуаров, романа «Тетраэдр» и соавтор четырехязычного словаря «Растения Израиля». Химик-технолог в области новых биосовместимых полимерных материалов. Доктор технических наук, автор десятков научных публикаций и патентов. Родилась в Москве в еврейской семье ученых, инженеров, врачей. Окончила МХТИ им. Д. И. Менделеева, работала в Институте медицинской техники. В Израиле с 1991 года. Работала в Технионе, в хайтеке и химической промышленности Израиля. Имеет мастерскую степень по нейролингвистическому программированию. Живет в Хайфе. Член редколлегии журнала СОНАР.

Леонид Виноград (1924–2011). Московский ученый, химик-органик, кандидат химических наук.

В 1950 году окончил МХТИ им. Менделеева. Более 40 лет занимался синтезом новых лекарственных препаратов в НИИФХИ им. С. Орджоникидзе.

Автор десятков статей, изобретений и книги «Реакция Реформатского».

Участник Великой Отечественной войны.

Пиня Копман, израильтянин.

Копман – распространенная ашкеназская фамилия. Предки из Херсона. Довелось пожить в СССР, Узбекистане, Казахстане, Татарстане и России.

Уже четверть века в Израиле. Патриот Негева. Обожает собак, прочее зверье жалеет, и, по возможности, подкармливает. Любит историю и поэзию. Стихи пишет много лет. Публиковался в газетах, журналах, сборниках поэзии. В последнее время – в основном, в интернете. В издательстве ЛитРес опубликовано 13 сборников стихов и прозы.

Дмитрий Северюхин. Родился 13 февраля 1954 г. в Ленинграде. Историк русского искусства и литературы. Доктор искусствоведения, профессор петербургских вузов. Член Союза художников России, Международной ассоциации искусствоведов и критиков (AIS) и Санкт-

Петербургского союза писателей. Окончил электромеханический факультет Ленинградского Политехнического института. Работал инженером-технологом, научным сотрудником в НИИ. С конца 1970-х гг. параллельно с инженерной практикой занимался искусствоведением и литературоведением, сначала как любитель, затем профессионально.

Автор более 400 научных публикаций, в том числе монографий и справочных изданий, восьми книг прозы и поэзии. В разные годы выступал также как куратор художественных проектов и художник-живописец, график, иллюстратор. С 2022 года живет в Хайфе.

Анастасия Зыкина. Живописец, график, художник книги, магистр педагогики. Член Союза художников России, Профессионально-творческого союза художников и графиков, Международной федерации художников (IFA) и Профессиональной ассоциации художников Израиля.

Получила высшее художественное образование в Санкт-Петербурге. С декабря 2022 г. живет в Хайфе.

Григорий Певзнер, Марбург (Германия).

Родился в Харькове в 1956 г. и жил там же (с перерывом на учёбу в Ленинграде) – до отъезда в 1992 г. в Германию. Педиатр, в Германии – физиотерапевт. В Москве вышли три сборника стихов, в Гейдельберге – в его переводе на русский язык – классические немецкие детские книги «Der Struwwelpeter» Генриха Гофмана («Стёпа-растрёпа») и «Max und Moritz» Вильгельма Буша. Публиковался в «Иерусалимском журнале», журналах «Интерпоззия», «Партнёр» и «Зарубежные записки» и других сетевых и бумажных изданиях.

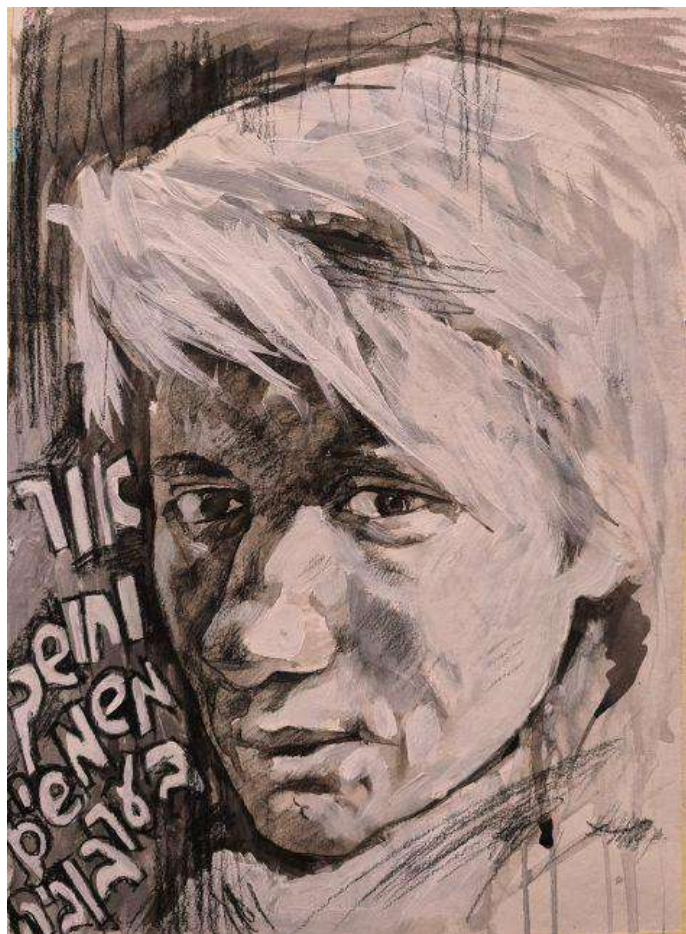

Александр Казарновский. Родился в Москве в 1951 г. Прожил шестнадцать лет в поселении Элон Море в Самарии. Регулярно публикуется в газете «Новости Недели» и на русскоязычных сайтах.

В 2005 г. за роман «Поле боя при лунном свете» награжден премией «Олива Иерусалима». В 2011 г. в издательстве «Книга-Сэфер» вышел его роман «Четыре крыла земли», в 2021 г. в «Новом журнале» – повесть «На стенах твоих поставил я стражей», а в «Роман-газете» – повесть «Война план покажет». Стихи, очерки, пьесы и рассказы выходили в сборниках «Лимонник», а также в альманахе «Самое главное чудо» и в других альманахах, выпущенных Издательским домом «Helen Limonova» и Библиотекой СРПИ.

В 2022 повесть «Война план покажет» в переводе на английский язык получила приз «Бестселлер» в издательстве "Hertfordshire Press" (Великобритания). В 2024 той же премии удостоилась русскоязычная версия этой повести.

Автор продолжает писать стихи и прозу и надеяться, что мечты героев его книг однажды станут явью.

Литературно-публицистический журнал (((СОНАР)))

№ 16, 2025 г.